150

А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ТЕАТРЪ.

ТОМЪ I-й.

ДЕСЯТЬ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ.

Репертуаръ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и частныхъ театровъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫ
XIII-20415
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗ

3-е
ИЗДАНІЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ
Ф. Разсохина

2007044868

МОСКВА.
Тип. п/ф. „ЛОМОНОСОВЪ", 1-я Тверск.-Ямск. ул., д. № 22.
1913.

Оглавленіе.

Наканунѣ 1
Среди снѣговъ 29
Ужинъ 59
Въ ссудной кассѣ 85
Авторъ 103
Покойной ночи 123
Я любила его 137
Несравненная 143
Величайшее открытіе 161
Въ пользу бѣдныхъ 181

Опечатки см. въ концѣ книги.

Наканунѣ.

Возможный случай въ одномъ дѣйствіи.

Представлено въ первый разъ на сценѣ С.-П-Б. Литературно-Артистическаго Кружка (театръ-Литературно-Художественнаго общества), затѣмъ въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ М. Г. Савиной и въ Императорскомъ Маломъ театрѣ въ Москвѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аркадій Ивановичъ Скрипенко, занимаетъ безчисленное множество должностей въ частныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Пожилой мужчина, себѣ на умѣ.

Людмила Николаевна, его жена.

Манечка, ихъ дочь, дѣвица.

Левъ Иринарховичъ Ушинъ, докторъ медицины, молодой человѣкъ.

Ершъ,
Черная Маска, } газетные репортеры.

Игорь Игоревичъ Застоевъ, организаторъ юбилейнаго празднества, бывшій сослуживецъ Скрипенко. Старъ, но молодится и краситъ волосы.

Свистуновъ, фотографъ.

Ерастъ, лакей.

Дѣйствіе—сегодня, въ Петербургѣ, у Скрипенко.

(Богатая гостиная, на стѣнахъ много картинъ, на столахъ статуэтки, бездѣлушки и пр. При поднятіи занавѣса Ушинъ, нервно возбужденный, ходитъ по комнатѣ. Манечка сидитъ на диванѣ).

Ушинъ. Вы меня, Марья Аркадьевна, извините, мнѣ тяжело, мучительно тяжело и я начинаю колебаться... не лучше-ли мнѣ удалиться совсѣмъ! Вѣдь это просто оскорбительно!..

Манечка. Я вамъ объяснила, Левчикъ, что на папашу ни сегодня, ни завтра обижаться нельзя... Онъ совсѣмъ не думаетъ и не можетъ думать о насъ съ вами... Онъ готовится, переживаетъ тяжелыя минуты, сводитъ итоги своей дѣятельности...

Ушинъ. Совсѣмъ нѣтъ-съ! я засталъ его въ кабинетѣ, когда онъ любовался у зеркала новымъ фракомъ, и принималъ различныя позы, изображая изъ себя то статую командора, то Наполеона...

Манечка. Ваши слова только подтверждаютъ мое мнѣніе, что папа готовится къ завтрашнему чествованію... Вы думаете, что легко выступать передъ обществомъ, которое разберетъ тебя въ этотъ день по косточкамъ...

Ушинъ. Все-таки онъ могъ деликатно мнѣ отвѣтить, что теперь не время, что послѣ, но согласитесь...

Я говорю о моихъ чувствахъ къ вамъ и вдругъ:—отвяжитесь, мнѣ, батюшка, теперь не до васъ!

Манечка. Онъ экзальтированъ, каждую минуту его тревожатъ съ разными вопросами по поводу этого юбилея... Не даромъ папа такъ упорно отказывался!

Ушинъ. Отказывался! Отказывался и въ то же время соглашался... Повѣрьте мнѣ, что онъ въ восторгѣ и всѣ эти отказы—одна комедія...

Манечка. Я отлично знаю, Левчикъ, что вы этого не думаете и говорите потому что обидились... Мнѣ непріятно это и я прошу васъ относиться къ папкѣ съ бо̀льшимъ уваженіемъ...

Ушинъ *(успокоиваясь)*. Извините меня, милый другъ, но вамъ извѣстно, вообще, мое мнѣніе объ юбилеяхъ... Я требую, чтобы заслуги человѣка были дѣйствительно почтенныя, выходящія изъ ряда вонъ...

Манечка. Левчикъ, довольно, я зепрещаю вамъ... Я вамъ дала мое слово и будьте довольны, папа никогда не пойдетъ противъ моего выбора... но наканунѣ...

Ушинъ *(цѣлуетъ ея руку)*. Хорошо, я подчиняюсь, я всегда подчиняюсь, замѣтьте это... буду терпѣть... *(Смотритъ на часы)*... Долженъ оставить васъ, бѣгу къ больному.., тоже къ финансисту, печень у него разболѣлась..

Манечка. Помогайте, помогайте больнымъ.

Ушинъ. Всю душу отдаю, до свиданія, Манечка... вы тоже, кажется, волнуетесь, а это не хорошо... Повѣрьте, что завтрашній юбилей пройдетъ, какъ по маслу! *(Уходитъ)*.

Манечка. Поскорѣй бы все совершилось и наступила бы, наконецъ, тишина...

Людмила Николаевна *(входя изъ лѣвой двери)*. Ахъ, Манечка, сейчасъ присылали папѣ показать завтрашнее меню торжественнаго обѣда, что за прелесть! Сколько фантазіи, мысли, идейности... Тутъ и амурчики, и несгораемые банковые шкафы, и виды бан-

ковъ, и папинъ портретъ... Такой виньетки ни у одного юбиляра не было, пари держу... Каждое блюдо носить подобающее случаю названіе, напримѣръ: «Консомэ аспержъ à la Скрипенко», «Пудингъ юбилейный»...

Манечка. Отчего вы мнѣ не показали? А мой докторъ обидѣлся на папу, что онъ его слушать не хотѣлъ...

Людмила Николаевна. Я говорила Левчику—не торопитесь! Нельзя, нельзя требовать вниманія,—даже къ такимъ серьезнымъ вопросамъ, какъ счастье дочери,—наканунѣ столь знаменательнаго дня жизни. Человѣку нужно сосредоточиться, углубиться въ себя самого, припомнить свои заслуги и ихъ результаты... Надо набросать благодарственную рѣчь, взвѣсить каждое слово... вѣдь Аркадій ночи не спитъ, бредитъ... Левчикъ лучше бы ему успокоительныхъ капель далъ... Вѣдь папа вчера во снѣ меня испугалъ... только что я задремала, а онъ какъ закричитъ: «Ваши привѣтствія меня трогаютъ до слезъ», потомъ проснулся и заплакалъ... Сегодня канунный день, ты подумай, завтра мы будемъ счастливыми свидѣтельницами...

Манечка. Много будетъ обѣдающихъ?

Людмила Николаевна. А вотъ сегодня Застоевъ все опредѣлитъ, онъ энергично взялся за дѣло, а остальные члены юбилейнаго комитета только меню выработали! Застоевъ дѣятельный, онъ опытенъ въ этихъ дѣлахъ... Онъ только не любитъ тратиться и, вѣроятно, сдеретъ съ Аркадія всѣ расходы, но зато сдѣлаетъ хорошо... Одиннадцатый юбилей организуетъ...

Скрипенко *(выходитъ, читая про себя какую-то бумагу; въ правой рукѣ у него карандашъ)*. Людмила, Манечка... оставьте меня, здѣсь воздуху больше, мнѣ нужно кое-что сообразить... *(Жена и дочь уходятъ, переглядываясь и перешептываясь)*... Эта редакція рѣчи мнѣ болѣе всего нравится... *(Читаетъ)*.

«Скромность заслугъ моихъ положительно недостойна того горячаго проявленія сочувствія, которымъ вы привѣтствуете меня въ стихахъ и въ прозѣ въ день двадцатипятилѣтія моей дѣятельности»... *(Говоритъ)*. Чортъ его знаетъ, этого Застоева, раздобылъ ли онъ стихотвореніе, а то этакъ заучишь, да брякнешь... *(Звонокъ. Скрипенко быстро прячетъ бумагу въ карманъ)*.

Ерастъ. Застоевъ, Игорь Игоревичъ.

Скрипенко. Проси, конечно.

Застоевъ *(входитъ усталый)*. То-есть чего я для васъ не дѣлаю, ногъ подъ собой не чувствую... весь городъ обѣгалъ!

Скрипенко. Поистинѣ могу сказать, Игорь Игоревичъ, вы другъ настоящій...

Застоевъ *(оглядываясь)*. Насъ никто не слышитъ, можно поговорить откровенно?

Скрипенко. Вполнѣ, мы только двое...

Застоевъ. Ну-съ, поздравляю васъ—получите серебряную вазу фунта въ четыре... Подписка, противъ ожиданія, прошла бойко, подписывались довольно охотно...

Скрипенко. Такъ что замѣтна душевность, искреннее расположеніе...

Застоевъ *(поправляя пенснэ)*. Особенной душевности и требовать нельзя, когда деньги даютъ, но вѣдь вы знаете, какъ меня любятъ...

Скрипенко. Просто затрудняюсь, чѣмъ васъ и благодарить...

Застоевъ *(спохватившись)*. Да, чтобы не забыть.., Все-таки рублей двухсотъ на вазу не хватитъ... ужъ вы не капризничайте и раскошельтесь, вамъ же останется!.. Доплатите!

Скрипенко. Но удобно-ли мнѣ, вѣдь пронюхаютъ, такъ съѣдятъ живьемъ?..

Застоевъ. Я подпишу эту сумму отъ себя, а вы только заплатите...

Скрипенко *(отводя Застоева въ сторону)*. Игорь Игоревичъ, мнѣ право не ловко, но хотѣлось бы знать вообще... что тамъ еще замышляется...

Застоевъ. А вотъ позвольте, имѣйте терпѣніе, отъ банка брилліантовый жетонъ... солидная вещь... примѣрно, какъ я прикидывалъ, рублей на шестьсотъ... Отъ вагоннаго завода—бюваръ съ брилліантовой цифрой XXV и съ внутреннимъ содержаніемъ, мнѣ неизвѣстнымъ... Но одинъ бюваръ рублей триста стоитъ... Вообще вещи все солидныя... Какъ не прикидывайте, но затраты покроются съ хорошей лихвой!

Скрипенко. Ну, конечно, адреса, стихи...

Застоевъ. Адресъ отъ друзей и сослуживцевъ съ удивительно живописной виньеткой... Тутъ ужъ, вы извините, я принялъ расходы на свой страхъ и вамъ придется художнику заплатить рублей семьдесятъ пять. Но это останется вѣчнымъ украшеніемъ зала... Тутъ и женскія головки, и видъ Петербурга, и кабинетъ вашъ... А наверху этакая гречанка, вѣнчающая вашу голову лаврами...

Скрипенко. Конечно, ужъ скупиться нечего и поздно. А какъ насчетъ стиховъ, дорогой Игорь Игоревичъ?

Застоевъ. Ну, батюшка, со стихами я помучился... Вѣдь вы сами понимаете, къ хорошему поэту не сунешься, тамъ безъ вдохновенія ничего не выбьешь, пришлось искать молодого, обладающаго бойкой, виртуозной риѳмой и доступнаго. Большинство отказывалось наотрѣзъ, не могутъ, изволите-ли видѣть, воспѣть заслуги неизвѣстнаго имъ человѣка... Къ счастью, меня жена надоумила, ея племянникъ описываетъ... Я къ нему; набросалъ строчекъ тридцать, по при рубля за строчку! Я велѣлъ ему укоротить на десять строкъ и сторговался по два рубля, но звучно, чрезвычайно звучно, есть мелодія... Сорокъ рублей васъ не разорятъ, а слава выиграетъ... И замѣтьте,

я заказалъ стихи съ обязательствомъ, чтобы авторъ самъ ихъ читалъ за обѣдомъ. Согласился, но съ условіемъ, чтобы за обѣдъ не платить... Десять рублей дороже для васъ ничего не значитъ. Вѣрьте мнѣ, зато хорошо будетъ... ужъ я устроить умѣю... Если существуютъ похоронныя бюро, то я могу имѣть огромный успѣхъ съ бюро юбилейнымъ...

Скрипенко. Зарываться расходами, конечно, не слѣдуетъ, но привѣтственные стихи, это такая необходимая вещь...

Застоевъ. То же, что и шампанское за обѣдомъ... Вотъ, кстати, относительно обѣда... Это самая трудная часть программы... Вчера я даже отчаивался—не идутъ и кончено, хоть за шиворотъ тащи! Большинство стояло за то, чтобъ вы приняли обѣдъ на свой счетъ... Ну, думаю, придется ораву кормить, влетитъ мой Аркадій Ивановичъ въ убытокъ, но сегодня банки поддержали.

Скрипенко. Я хочу васъ, Игорь Игоревичъ, обнять отъ души.

Застоевъ *(обнимая)*. Посмотрю, что вы сдѣлаете для меня черезъ четыре мѣсяца.

Скрипенко. Вѣдь вашъ юбилей ужъ праздновали?

Застоевъ. Двадцатипятилѣтній, а теперь предстоитъ тридцатипятилѣтній... Кажется, могу разсчитывать на существенное.

Людмила Николаевна *(входя)*. Игорь Игоревичъ, вы здѣсь, а я и не знала... *(Здороваются)*. Игорь Игоревичъ, вотъ помогите намъ совѣтомъ, мы съ Аркадіемъ вчера обсуждали...

Скрипенко. Да, дорогой, какъ вы думаете насчетъ утреннихъ поздравленій и пріема депутацій у меня на дому? Вѣдь соберется масса, что имъ подать?..

Людмила Николаевна. Я думала холодный завтракъ à la фуршетъ и вино.

Скрипенко. Принято-ли это, удобно-ли?..

Застоевъ. О да, это принято и вы торопитесь заготовить... Хотя, съ другой стороны, можете отвертѣться сандвичами и виномъ.

Скрипенко. Шампанскимъ?..

Людмила Николаевна. Вѣдь тутъ, собственно, такъ... за здоровье хлебнуть только, я думаю, можно и донское подать...

Застоевъ. Нѣтъ, этого я вамъ по опыту не совѣтую... разболятся головы и за обѣдомъ всѣ васъ станутъ проклинать...

Скрипенко. Можно этакую юбилейную смѣсь сдѣлать!..

Застоевъ. Ужъ идите шире, что тутъ экономничать... въ убыткѣ не останетесь... ручаюсь вамъ... Ну-съ, пока я васъ оставлю, мнѣ нужно еще въ ресторанъ, подумать о разсадкѣ гостей... Для васъ и вашего семейства будутъ стоять почетныя кресла, а для гостей, стулья... Рѣчей не затягивайте, рестораторъ очень просилъ, потому что блюда остынутъ...

Скрипенко. А много вы ожидаете рѣчей?

Застоевъ. Я скажу вамъ первое слово...

Скрипенко. Что вы скажете?

Застоевъ. Да мы еще увидимся... условимся... Что хотите, то и скажу... (*Возвращаясь*). Не забудьте, что въ залъ мы введемъ васъ съ Людмилой Николаевной подъ руки... Жена и распорядитель юбилейнаго праздника... Послѣ мы прорепетируемъ это... До свиданія... (*Уходитъ*).

Людмила Николаевна. Если ты будешъ теряться, я займу гостей... Ты знаешь, Аркадій, какая я мастерица занимать гостей... Какъ этотъ Застоевъ расположенъ къ тебѣ, какъ онъ хлопочетъ... мы всѣмъ, всѣмъ ему обязаны...

Скрипенко. Хлопочетъ, только онъ очень широкъ... все заплатите, да доплатите... Обыкновенно

юбиляры расходовъ не несутъ, а за нихъ другіе платятъ...

Людмила Николаевна *(нѣжно)*. Ты, Аркадій, не набрасывалъ смѣты примѣрныхъ расходовъ и доходовъ?..

Скрипенко. Да думаю, что ужъ концы-то съ концами сведу во всякомъ случаѣ... И чего только не будетъ,—рѣчи, стихи, подарки... Задумано очень картинно.

Людмила Николаевна. Сегодня тебя докторъ нѣсколько разстроилъ...

Скрипенко. Безтактнѣйшій человѣкъ, видитъ, въ какомъ я состояніи, переживаю этакій день и нашелъ время начать рѣчь о своей симпатіи къ Манечкѣ... Точно это вопросъ минуты... *(Звонокъ. Входитъ лакей)*.

Ерастъ. Господинъ Ершъ.

Скрипенко. Что за Ершъ? никакого Ерша не знаю. Проси... *(Лакей уходитъ)*.

Людмила Николаевна. Я тебя оставлю, одного, это незнакомое лицо и, вѣроятно, по дѣлу... *(Уходитъ)*.

Ершъ *(вкрадчиво)*. Я имѣю удовольствіе говорить съ Аркадіемъ Ивановичемъ, почтеннымъ юбиляромъ?

Скрипенко. Да-съ, это я... съ кѣмъ имѣю честь...

Ершъ. Сотрудникъ газеты «Звонъ», Ершъ... Авторъ романа «Золотое Руно» и хроники «Веселые вечера»...

Скрипенко. Ахъ, очень пріятно, чѣмъ могу служить... такое вниманіе...

Ершъ. Позвольте поинтервьюировать...

Скрипенко *(предлагая сѣсть)*. Я всегда прислушивался къ голосу печати и даже самъ когда-то пробовалъ пошалить перомъ...

Ершъ *(оглядывая комнату, быстро записываетъ*

и говоритъ). Роскошная гостиная, портретъ юбиляра, выполненный масляными красками, масса вкуса, картины, оригиналы выдающихся художниковъ... *(Смотритъ на Скрипенко).* Сначала, такъ, сказать, внѣшній набросокъ... *(Записываетъ и говоритъ, упорно глядя на Скрипенко).* Доброе, русское лицо, открытые глаза, усы и баки, привѣтливая улыбка, поразительная скромность.

Скрипенко. Ахъ, вотъ скромность отличительная черта моей натуры... вы схватили именно эту главную черту...

Ершъ *(скороговоркой).* Не перебивайте! *(Снова смотритъ и говоритъ).* Предстоящее торжество какъ будто смущаетъ маститаго юбиляра...

Скрипенко. Нужно-ли упоминать «маститаго», вѣдь это первый, такъ, сказать пробный юбилей...

Ершъ *(громко).* Не перебивайте! *(Пишетъ).* Несмотря на протестъ Аркадія Ивановича Скрипенко, не признающаго, по свойственной ему скромности, своихъ выдающихся заслугъ, онъ былъ не въ силахъ отклонить сегоднешнее чествованіе...

Скрипенко. Батюшка, да вы ясновидящій, у васъ въ глазахъ рентгеновскіе лучи...

Ершъ. Не перебивайте! Кто выполняетъ виньетку обѣденнаго меню?

Скрипенко. Самъ Чепраковъ, спеціалистъ по этой части. Друзья мои просили его.

Ершъ *(пишетъ).* Смѣлый и бойкій карандашъ даровитаго Чепракова создалъ изъ этой виньетки художественную бездѣлушку, полную вкуса и утонченнаго изящества...

Скрипенко. Даже мой портретъ ему удался...

Ершъ. Меню украшено портретомъ юбиляра и поражаетъ рѣдкимъ сходствомъ. *(Спрашиваетъ).* Кому поручена кулинарная часть?

Скрипенко. Кюба.

Ершъ. Приготовленіе обѣда поручено г. Кюба, декорировавшему залъ массой тропическихъ растеній...

Скрипенко. Вотъ этого-то и не знаю, будутъ-ли растенія?

Ершъ. Это ужъ такъ полагается *(Пишетъ)*. Направо отъ юбиляра помѣстится... *(Спрашиваетъ)*. Кто будетъ сидѣть направо?

Скрипенко. Направо жена, налѣво дочь.

Ершъ *(пишетъ)*. Направо уважаемая супруга, налѣво красавица дочь.

Скрипенко. Вы, конечно, удостоите мой праздникъ своимъ личнымъ посѣщеніемъ.

Ершъ *(быстро)*. Благодарю, не перебивайте... *(Пишетъ)*. Имя почтеннаго юбиляра давно пользуется заслуженнымъ уваженіемъ въ финансовыхъ сферахъ и среди публики... 25 лѣтъ безпрерывнаго труда, незапятнанность... *(Спрашиваетъ)*. Подъ судомъ не были?

Скрипенко. Помилуйте, что вы, да я не знаю, гдѣ онъ и помѣщается въ Петербургѣ...

Ершъ *(пишетъ)*. Незапятнанность въ наше ужасное время... Сердечное отношеніе къ товарищамъ и готовность служить каждому—создали юбиляру тотъ крѣпкій пьедесталъ, который носитъ имя—общественная благодарность... *(Встаетъ)*. Весьма вамъ признателенъ, завтра вы прочтете нашъ «Звонъ» съ удовольствіемъ...

Скрипенко. Не откажите, вообще, такъ-сказать, иллюстрировать, добавить...

Ершъ. Я добавлю!.. Много добавлю!

Скрипенко. Я врагъ плоской рекламы, но ваше бойкое перо...

Ершъ *(смотря на часы)*. До свиданія, до обѣда... Прямо въ типографію... У меня сегодня хлопотъ полонъ ротъ: трое скромныхъ юбиляровъ, похороны заслуженнаго профессора и коммерсанта, внезапно скончавшагося въ банѣ... *(Убѣгаетъ)*.

Скрипенко. По всему городу, какъ молнія, пролетѣла вѣсть о юбилеѣ, всѣ заинтересованы... Я даже самъ о своихъ заслугахъ былъ болѣе скромнаго мнѣнія... Положимъ, я всѣхъ этихъ дѣльцовъ знаю, ими коммерческія соображенія руководятъ: я, молъ, къ нему приду, а онъ ко мнѣ... я ему подпишу на подарокъ, а онъ мнѣ... Однако, помимо славы и матеріальной выгоды, эти юбилеи имѣютъ и еще хорошую сторону—напоминаютъ о тебѣ, окружаютъ твою личность ореоломъ какого-то почтенія... (*Входятъ Людмила Николаевна и Манечка*).

Манечка. Папа, тебя рѣшительно осаждаютъ...

Людмила Николаевна (*качая головой*). Сколько нужно силъ, терпѣнія и характера, чтобы спокойно переживать такіе дни...

Скрипенко. Репортеръ пріѣзжалъ, завтра ударятъ въ набатъ въ газетахъ... Жаль только, что мелко все это, отъ главныхъ изданій никого не было—какъ будто игнорируютъ... (*Въ сторону*). Ну, да я самъ о себѣ напомню, помѣщу письмо въ редакцію съ выраженіемъ признательности, вспомнившимъ о днѣ двадцатипятилѣтія моей скромной дѣятельности...

Манечка. Папочка, а твоего портрета нигдѣ не будетъ?.. Вѣдь ты теперь злоба дня, о тебѣ всѣ говорятъ!..

Скрипенко. Я, вообще противъ всевозможныхъ рекламъ, Манечка, чѣмъ проще, тѣмъ лучше...

Людмила Николаевна. Конечно, и я того же мнѣнія; ты, Аркадій, выше всего этого... Подвигается ли твоя рѣчь впередъ?

Скрипенко. Да когда же ей подвигаться, вѣдь минуты свободной нѣтъ... вечеромъ опять репетиція... Сегодня, вѣроятно, совсѣмъ спать не ляжу!

Манечка. Какая репетиція?

Скрипенко. Застоевъ требуетъ, да оно и не лиш-

не, выступая первый разъ въ роли юбиляра... Общій выходъ, поклоны, застольная элоквенція...

Манечка. Въ концѣ концовъ папа расплачется...

Людмила Николаевна. И весьма естественно, такія общественныя награды, какъ юбилей, выпадаютъ на долю немногихъ...

Скрипенко. Увы... Къ сожалѣнію, у насъ часто не дѣлаютъ разницы и чествуютъ совершенно заурядныхъ личностей... Кажется, клоуны въ циркѣ и тѣ праздновали свои юбилеи...

Ушинъ (*входитъ очень быстро, цѣлуетъ руку Манечки и здоровается съ другими*).

Манечка. Левчикъ смирилъ гнѣвъ на милость... Откуда вы, отъ больного?..

Людмила Николаевна. Левъ Иринарховичъ, вы бы прописали Аркадію что-нибудь успокоительное, нынѣшній день...

Ушинъ (*равнодушно*). Пусть принимаетъ бромъ...

Скрипенко. Ужъ вы мнѣ три года все то же самое прописываете!..

Ушинъ (*ходитъ взадъ и впередъ*). Вотъ погодите, вамъ завтра пропишутъ другое!..

Всѣ (*въ изумленіи*). Что такое? что вы хотите сказать? Что за намекъ?

Ушинъ. Нервы, нервы, скажите пожалуйста! Нервы слабы, а юбилей празднуетъ... Отчего же вы не отказались?

Скрипенко (*волнуясь*). Оттого, милостивый государь, не отказался, что это—желаніе общества... Я не могу идти наперекоръ... я не виноватъ, что меня такъ горячо любятъ...

Людмила Николаевна. Какъ докторъ вы бы должны успокаивать, а вы раздражаете...

Манечка. Да, вы раздражаете папу и я вамъ дѣлаю серьезное предостереженіе...

Скрипенко (*останавливая ихъ*). Людмила, Манеч-

ка, не сердитесь, не стоитъ, вѣдь безъ непріятностей ни одинъ юбилей не обходится... Господинъ Ушинъ всегда противорѣчитъ...

Ушинъ *(горячо)*. Да, я противорѣчу... противорѣчу, потому что люблю вашу семью...

Скрипенко. Онъ насъ любитъ, слышите, любитъ? И ворчитъ за то, что насъ любятъ другіе!..

Ушинъ. Да, я люблю васъ... Марью Аркадьевну люблю и потому не желаю, чтобы вы были осмѣяны на весь городъ...

Скрипенко *(грозно)*. Но вы, сударь, забываетесь.. Что это за намеки, что за инсинуація?

Манечка. Вы что-нибудь слышали, вы обязаны сказать!..

Людмила Николаевна. Этотъ юбилей не только юбилей Аркадія, это нашъ общій юбилей... нашъ семейный праздникъ... Мы всѣ въ немъ принимаемъ участіе...

Скрипенко. И вы еще хотите сдѣлаться моимъ родственникомъ, вы, который...

Ушинъ. Который, что... который привыкъ говорить правду, а не льстить вамъ, не потакаетъ вашему самолюбію.., Вы вѣдь и въ самомъ дѣлѣ думаете, что вы герой дня, благодѣтель общества...

Манечка. Замолчите, оставьте насъ...

Ушинъ. Нѣтъ-съ, я не замолчу... Ужъ если на то пошло, я все скажу, я церемониться не стану... *(Обращаясь къ Скрипенко)*. Вы накинули два года.

Скрипенко. Какіе два, что такое, что вы говорите?

Ушинъ. Накинули два года... юбилей истекаетъ черезъ два года, а вы завтра его справляете!

Скрипенко. Но кто-же, какой негодяй осмѣлился это сказать...

Ушинъ. Провѣрено и не подлежитъ сомнѣнію...

Скрипенко. Кто могъ провѣрить, кто посмѣлъ, я процессъ начну, ничего не пожалѣю!

Ушинъ. Вы когда заняли въ банкѣ мѣсто члена совѣта? Васъ когда выбрали? Двадцать три года тому назадъ, а почему же вы считаете, что завтра исполнится двадцать пять лѣтъ?

Скрипенко. Почему? А подготовительныя занятія!.. Вѣдь я готовился...

Ушинъ. Такъ этакъ вы сосчитаете и тѣ года, когда васъ мамка на рукахъ носила!..

Людмила Николаевна. Левъ Иринарховичъ, что вы говорите...

Манечка. Вы не подумали...

Скрипенко. Наконецъ, при чемъ же я здѣсь? Общество требуетъ, желаетъ, я изъявилъ согласіе...

Ушинъ. Аркадій Ивановичъ, какое это общество... Застоевъ и ему подобные...

Всѣ. Откуда вы слышали? Кто вамъ сказалъ, наконецъ... отвѣчайте..

Ушинъ. Если вы такъ хотите, извольте... Сегодня меня пригласили къ больному, у него печень болитъ— это Антонъ Антоновичъ Мепельзонъ, директоръ банка, но только другого...

Скрипенко. Прежде чѣмъ ѣздить къ такому господину, вы должны были меня спросить...

Ушинъ. Я докторъ и обязанъ являться на приглашеніе каждаго...

Скрипенко. Знаете-ли вы, что это за господинъ... онъ жену свою уморилъ, онъ меня видѣть не можетъ, потому что я его изъ двухъ обществъ выжилъ... Это мошенникъ!..

Ушинъ. Мошенникъ онъ или не мошенникъ, но если напечатаетъ, что вы преждевременный юбиляръ, такъ и оскандалитъ васъ навсегда.

Людмила Николаевна. Но вѣдь это клевета...

Манечка. Какъ же вы его не остановили?

Скрипенко. Накинулъ два года! Я могъ пять накинуть и это было бы правильно... Прежде чѣмъ взяться за дѣло, я служилъ уже этому дѣлу, душу ему отдалъ, изучалъ его...

Манечка. Папочка, не волнуйся...

Ушинъ. Вотъ и рѣшите теперь, обязанъ я былъ вамъ сказать это или нѣтъ? Могъ-ли я оставаться равнодушнымъ?

Людмила Николаевна. Вы должны были обрушиться на Мепельзона, а не на Аркадія...

Ушинъ. Я говорилъ ему, я больше вамъ скажу... просилъ!

Манечка. И не сумѣли упросить, не взяли слова, чтобы онъ молчалъ... Вы, который мнѣ предлагаете быть моимъ мужемъ...

Ушинъ. Я не хотѣлъ унижать достоинства вашего отца и оправдывать его...

Людмила Николаевна. Если ужъ вы дѣйствительно такъ насъ любите, такъ поѣзжайте къ нему немедленно... примирите, уладьте...

Скрипенко *(иронически)*. Левъ Иринарховичъ на это не способенъ, это не согласно съ его правилами... не просите его!..

Манечка *(рѣшительно)*. Нѣтъ, онъ поѣдетъ, сейчасъ поѣдетъ... Я его умоляю...

Ушинъ. Допустимъ, что я подчинюсь вашему желанію и поѣду, но что же я ему скажу?

Скрипенко. Признаюсь, Левъ Иринарховичъ, я отъ васъ этого и не ожидалъ, но ужъ если вы предлагаете ваше искреннее посредничество, хотите доказать ваше расположенае къ нашей семьѣ, такъ скажите ему...

Ушинъ. Что это ложь, неправда!!..

Скрипенко. Скажите, что я прошу его сдѣлать мнѣ честь—украсить завтрашній обѣдъ въ качествѣ... ну, моего дорогого гостя... что пора намъ забыть

прошлое, протянуть другъ другу руки и что я пріѣхалъ бы самъ къ нему, но съ этимъ юбилеемъ положительно потерялъ голову...

Ушинъ. Но вѣдь это будетъ похоже на то, что вы его испугались, что онъ дѣйствительно васъ ужалилъ въ больное мѣсто и что вы чуть-чуть не прощеніе просите?..

Скрипенко. Это просто компенсація... сдѣлка...

Ушинъ. Съ совѣстью?..

Скрипенко. Ну, да, съ совѣстью.. Надо отвратить возможный скандалъ и спасти свое честное имя... Вѣдь этакая тварь способна на все!.. Завѣдомый каналья, биржевой мошенникъ... Лавъ Иринарховичъ, выручайте!.. *(Беретъ его подъ руку).*

Ушинъ. Въ качествѣ кого же я поѣду? Въ качествѣ вашего знакомаго?

Скрипенко. Въ качествѣ кого? Манечка, подойди сюда... Возьмите ее, она ваша... Поѣзжайте въ качествѣ моего будущаго зятя. *(Общая радость).* Пусть два торжества—завтрашній юбилей и эта помолвка сольются вмѣстѣ.

Манечка. Вотъ видите, какъ папа добръ, какъ онъ насъ любитъ...

Людмила Николаевна *(утирая слезы).* Какія у тебя, Аркадій, сердечные порывы, ты рыцарь...

Ушинъ *(жметъ руку Скрипенко).* Иду, Аркадій Ивановичъ, и скажу...

Манечка. Скажите, что не будете его лечить, если онъ посмѣетъ интриговать противъ такого искренняго общественнаго праздника...

Ушинъ. Скажу ему, что всякая обида, которая будетъ направлена противъ васъ, будетъ обидой лично для меня...

Скрипенко. Жаль, что вы не хирургъ!

Ушинъ. А что?

Скрипенко. Вотъ этакому бы по ошибкѣ голову отрѣзать...

Ушинъ. А сознайтесь, Аркадій Ивановичъ, два-то годика накинули!..

Скрипенко, Да что же я шуллеръ что-ли, передергиваю?!

Ушинъ. Ну, ну, не горячитесь, авось уладимъ... До свиданія. *(Уходитъ, Людмила Николаевна и Манечка его провожаютъ).*

Скрипенко *(падаетъ въ кресло)*. Каковъ каналья, какую тонкую интригу придумалъ, могъ зарѣзать безъ ножа.. Обѣдъ бы разстроился, всѣ затраты бы пропали.. Вотъ что значитъ человѣческая зависть къ успѣхамъ другихъ, вотъ какіе моменты подчасъ переживаетъ юбиляръ! И только когда сомкнешь очи на вѣки, скажутъ про тебя правду: «Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ не зналъ». *(Звонокъ. Входитъ лакей).*

Ерастъ. Черная маска!

Скрипенко. Маскированный, еще какая-нибудь мистификація.

Ерастъ. Фамилія ихъ Черная Маска и Фу-Фу!

Скрипенко. Китаецъ! Зови!.. Появляются уже какія-то таинственныя личности...

Черная Маска *(во фракѣ)*. Черная Маска и Фу-Фу—это мои псевдонимы... Салонный корреспондентъ газеты «Недремлющее Око»...

Скрипенко. Могъ-ли я даже подумать о такомъ сочувствіи съ вашей стороны.

Черная Маска. Пятнадцать дней изъ фрака не выхожу... лаковыя ботинки, бѣлыя перчатки... ковровыя обязанности...

Скрипенко. Какія-съ? Виноватъ...

Черная Маска. Въ салонахъ по коврамъ все приходится ходить... Балы, спектакли... Что вы такъ смотрите?

Скрипенко. Сколько знаковъ отличія на груди...

Черная Маска. Иностранные—Кафрская зеленая звѣзда, Бразильская роза за содѣйствіе кофейному промыслу, медаль общества «Артистъ-лирикъ» во Франціи, «Голубая обезьяна» и другіе... За личныя заслуги...Прошу васъ приготовиться...

Скрипенко. Къ чему-съ?

Черная Маска. Редакція возложила на меня честь поинтервьюировать васъ! *(Осматривается и записываетъ)*. Салонъ Луи каторзъ...

Скрипенко. Да гдѣ же вы его видите?..

Черная Маска *(не обращая вниманія)*. Рѣдкіе гобелены, фарфоръ, портретъ юбиляра, выполненный ректоромъ Испанской академіи въ Римѣ...

Скрипенко. Извините, пожалуйста, но...

Черная Маска. Не безпокойтесь, это, такъ-сказать, внѣшній набросокъ, пейзажъ...

Скрипенко. Можетъ произойти разногласица, сейчасъ былъ вашъ коллега г. Ершъ...

Черная Маска. Никакого Ерша не знаю, мы печатаемъ по праздникамъ до 37 тысячъ экземпляровъ... *(Записываетъ и говоритъ)*. Величавая, гордая фигура юбиляра... Дѣловой, сосредоточенный взглядъ... Сангвиническій темпераментъ... Сидитъ на креслѣ, опершись лѣвой рукой на столъ, а правую засунулъ за бортъ сюртука... Равнодушное отношеніе къ предстоящему торжеству... *(Обращается къ Скрипенко)*. Эти данныя я, разумѣется, разовью и придамъ имъ литературность. Теперь нѣсколько вопросовъ... Любите-ли вы путешествія?

Скрипенко. Люблю, но при чемъ же они тутъ собственно?..

Черная Маска *(записываетъ)*. Страстный любитель путешествій, извлекающій изъ нихъ существенную пользу... Во всѣхъ странахъ сегодняшній юбиляръ близко знакомится съ финансовыми вопросами. *(Спрашиваетъ)*. Ваше семейство?

Скрипенко. Жена и дочь.

Черная Маска *(записываетъ)*. Два прекрасные цвѣтка, убаюкивающіе въ тихомъ семейномъ уголкѣ маститаго юбиляра, отдыхающаго отъ многочисленныхъ занятій. *(Громко)*. Посмотрите, какъ все это выйдетъ игриво, такъ-сказать, пейзажно.... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ изложено чистымъ салоннымъ языкомъ.

Скрипенко. Нѣкоторыя натянутости...

Черная Маска. Никакихъ-съ, только бы не перепутать: у меня завтра два торжества—вашъ юбилей и новоселье третьяго похороннаго бюро, я боюсь, чтобы въ типографіи не смѣшали...

Скрипенко. Позвольте разсчитывать, что вы лично понаблюдете... такая ошибка повела бы...

Черная Маска. Я буду у васъ завтра на обѣдъ и вы мнѣ скажете ваше мнѣніе о моей статьѣ... *(Послѣ нѣкоторой паузы)*. Сигару! есть у васъ сигары?

Скрипенко. Да какже и сигары будутъ и все!..

Черная Маска. Да не будутъ, а я теперь прошу у васъ...

Скрипенко. Ахъ, извините. *(Лѣзетъ въ ящикъ, вынимаетъ сигары и предлагаетъ гостю, который беретъ нѣсколько штукъ)*.

Черная Маска. Мерси... за симъ позвольте извиниться за нанесенную тревогу... Ахъ, да... вамъ не прислать-ли экземпляровъ двѣсти нашей газеты для раздачи по дому, знакомымъ, прислугѣ... швейцару..

Скрипенко. Сдѣлайте милость... я...

Черная Маска. Знаете, это пустякъ, но моему редактору понравится... газета молодая... А то хотите 500 экземпляровъ и это можно?

Скрипенко. Пожалуй я готовъ, если надо...

Черная Маска. Самое лучшее за обѣдомъ всѣмъ подъ салфетку положить по номеру... Произведетъ эффектъ чрезвычайный...

Скрипенко. Не похоже-ли это на рекламу?

Черная Маска. Нисколько, за рекламу деньги платятъ, а тутъ отдается дань справедливости, заслуженности... Такъ мы вамъ тысячу экземпляровъ завтра пришлемъ!

Скрипенко. Но... вы сказали...

Черная Маска. Ваше желаніе будетъ исполнено и счетъ получите своевременно. Я сейчасъ распоряжусь... я быстро, у меня велосипедъ... До свиданія. *(Уходитъ. Изъ боковой двери показываются Людмила Николаевна и Манечка).*

Скрипенко. Мнѣ гораздо болѣе понравился первый, хотя и у того и у другого прескверная манера трещать безъ умолку, не давать другимъ говорить... Пришли бесѣдовать со мной, а я и рта не открывалъ... Чего они тамъ нагородятъ ужъ и не знаю... Въ особенности этотъ ковровый.

Застоевъ *(входитъ, отстраняя лакея)*. Обо мнѣ можешь, Ерастъ, не докладывать, свой человѣкъ... Виновникъ торжества у себя дома, окруженный любящей семьей... Людмила Николаевна, Марья Аркадьевна... Здравствуйте...

Людмила Николаевна. Игорь Игоревичъ, повліяйте хоть вы на него, все волнуется, ажитированъ...

Застоевъ. Неопытный, такъ-сказать, начинающій юбиляръ, дебютантъ... Всѣ они такіе, а вотъ завтра послѣ овацiи его посмотрите! Чего добраго и мнѣ два пальца протянетъ.

Манечка. У насъ, Игорь Игоревичъ, еще торжество: я выхожу замужъ за доктора Ушина...

Застоевъ. Ахъ, какъ это кстати, два торжества одновременно, поздравляю... *(Жметъ всѣмъ руки)*.

Скрипенко. Не знаю самъ почему, но раскаиваюсь, глубоко раскаиваюсь, что согласился принять это чествованіе...

Людмила Николаевна. Аркадій, меня просто бѣситъ твоя скромность... Да что ты хуже другихъ, что-ли?

Застоевъ. Да и съ практической точки зрѣнія весьма выгодно...

Скрипенко. У васъ, Игорь Игоревичъ, только выгоды на умѣ... Вы на подобное торжество смотрите, какъ на гешефтъ...

Застоевъ. Я смотрю на юбилей всесторонне, устраивалъ ихъ въ жизни безъ конца и знаю, какіе они приносятъ результаты... А честь, а слава...

Манечка. Про папочку, кажется, нельзя сказать, что онъ тщеславенъ?..

Людмила Николаевна. Онъ скорѣе умаляетъ свои заслуги, старается стушевываться...

Застоевъ *(въ сторону)*. Какъ они его поняли! *(Вслухъ)*. Во всякомъ случаѣ наканунѣ поздно въ чемъ-нибудь раскаиваться, и я къ вамъ съ новыми радостями... Не слѣдовало бы говорить, это сюрпризъ, ну да ужъ все равно... Подвернулся мнѣ нуждающійся композиторъ, мой дальній родственникъ, который взялся сочинить къ завтрашнему дню еще привѣтственную кантату... мы споемъ ее хоромъ... Это будетъ оригинально и торжественно... *(Скрипенко)*. За пятьдесятъ рублей напишетъ—вѣдь это даромъ!..

Людмила Николаевна. Это премило!

Манечка. Прелестно!

Скрипенко *(въ сторону)*. Онъ, кажется, всю родню за мой счетъ хочетъ облагодѣтельствовать!.. *(Вслухъ)*. Знаете, что, Игорь Игоревичъ, довольно... Я нахожу, что довольно, чего вы ужъ только не сочинили!..

Застоевъ. Позвольте мнѣ, какъ предсѣдателю юбилейнаго комитета, это знать лучше... Мы находимъ, что вы этого стоите и вашъ протестъ во вниманіе не примутъ!..

Людмила Николаевна. Манечка, можетъ-быть у Игоря Игоревича есть интимныя дѣла къ Аркадію, оставимъ ихъ...

Манечка. Да, да, не будемъ мѣшать... *(Уходятъ)*

Застоевъ. Ну-съ, Аркадій Ивановичъ, одолженіе за одолженіе... мы теперь одни... Вы видите, что я для васъ сдѣлалъ? Чего это стоитъ? Чѣмъ вы мнѣ можете отплатить?

Скрипенко. Что же, не денегъ же мнѣ вамъ дать?

Застоевъ. Совершенно вѣрно... Вы знаете отлично, что я не возьму... Другой бы на моемъ мѣстѣ, разумѣется, стянулъ съ васъ... но я не способенъ!

Скрипенко *(жметъ ему руку)*. Отъ души, отъ души благодаренъ...

Застоевъ. Я знаю, что одной душевной благодарностью вы отвертѣться и не захотите... Такъ вотъ-съ... Подпишите-ка. *(Вынимаетъ бумагу)*.

Скрипенко. Что это такое?

Застоевъ. На подарокъ ко дню моего тридцатипятилѣтняго юбилея...

Скрипенко. Вѣдь еще рано, а вдругъ вы умрете или я умру?..

Застоевъ. Ну, тогда ничего изъ этого не выйдетъ... Но меня интересуетъ цифра, въ которую вы цѣните мои труды?

Скрипенко *(нехотя)*. Что же... я готовъ, извольте... рублей сто, полтораста...

Застоевъ. Полтораста? А я мало-мало разсчитываю на пятьсотъ!..

Скрипенко. Разсчитывать вы можете, хоть на сто тысячъ... Нѣтъ, ужъ будетъ, и такъ все съ меня дерутъ! и за стихи, и за кантаты, и за меню, и за обѣдающихъ...

Застоевъ. А вы что же думали? Вы думали, что

вы такой заслуженный человѣкъ, что вамъ все даромъ устроятъ...

Скрипенко. Полтораста, я подпишу и ни копѣйки больше!.. *(Ходитъ и ворчитъ).*

Застоевъ. Ну, такъ я вамъ завтра задамъ обѣдъ, вы у меня одинъ съ прислугой, съ татарами отобѣдаете... *(Выходя изъ себя).* Я весь вашъ юбилей уничтожу!..

Скрипенко *(въ гнѣвѣ кричитъ).* Что? Что вы сказали? Въ такомъ случаѣ отказываюсь, слышите ли, отказываюсь!

Застоевъ *(бѣгая взадъ и впередъ).* За него хлопочутъ, за шиворотъ собираютъ по городу чествователей, а онъ хочетъ отдѣлаться ста пятьюдесятью рублями!.. Отчествуемъ мы васъ...

Скрипенко. Этакъ совсѣмъ тебя обдерутъ, только послушайся, мошенничество...

Застоевъ. Съ вашей стороны — безспорное!.. Я васъ отлично, милѣйшій, знаю, вы бы потомъ цѣлковый подписали мнѣ, надо пользоваться моментомъ!..

Скрипенко. И дернулъ меня чортъ связаться... *(Ходитъ по комнатѣ, сердится и жестикулируетъ. Появляется Ушинъ. Вся сцена идетъ быстро).*

Ушинъ. Аркадій Ивановичъ... Вамъ поклонъ отъ Мепельзона, привѣтствуетъ васъ и будетъ на обѣдѣ. Что вы такъ взволнованы, Игорь Игоревичъ, что такое?

Застоевъ. Нѣтъ, мерси, скоро откажусь отъ устройства всѣхъ юбилеевъ... Какъ я хлопоталъ...

Ушинъ. Да въ чемъ дѣло!

Скрипенко. Отказываюсь, отказываюсь наотрѣзъ... Ни за что на свѣтѣ... Ни славы не хочу, ни почестей...

Застоевъ. Хочетъ, чтобы его на весь городъ оскандалили!..

Ушинъ. Развѣ это можно... Положимъ, что я радъ, въ васъ заговорила, Аркадій Ивановичъ, скромность...

но теперь, когда депутаціи едва не выѣхали съ поздравленіями...

Скрипенко *(кричитъ, падая въ кресло)*. Не хочу, убирайтесь всѣ, слышите-ли, не хочу юбилея. *(Выбѣгаютъ Людмила Николаевна съ дочерью)*.

Людмила Николаевна и Манечка. Папочка, въ чемъ дѣло? Аркадій...

Ушинъ *(тоже горячась)*. А вотъ вдругъ отказывается отъ юбилея...

Застоевъ *(въ сторону)*. Припадки мы эти знаемъ, согласится... Были у меня непріятности съ юбилярами, одинъ хрупкій умеръ за день до празднованія, но такихъ, какъ этотъ господинъ, не встрѣчалъ... *(Вслухъ)*. Аркадій Ивановичъ... подите сюда... *(Беретъ его за руку и тянетъ на авансцену, подальше отъ другихъ)*.

Скрипенко. Что вы меня тянете, какъ козла... что такое-съ...

Застоевъ *(тихо)*. Заключимъ миръ... 400 рублей и я кантату приму на свой счетъ!

Скрипенко *(обтирая лобъ)*. Это самый послѣдній расходъ, вы мнѣ даете честное слово?..

Застоевъ. Вамъ даю, другому бы это вскочило дороже!..

Скрипенко. Ну, по рукамъ... Наживайтесь... давайте бумагу. *(Быстро подписываетъ и возвращаетъ Застоеву)*.

Застоевъ. Господа, Аркадій Ивановичъ взялъ назадъ свое рѣшеніе, я его упросилъ...

Манечка. Такъ и должно быть.

Ушинъ. Развѣ этакими фокусами шутятъ

Людмила Николаевна. Вотъ скромность! Да есть-ли еще подобная скромность въ мірѣ!

Застоевъ. Да здравствуетъ нашъ уважаемый юбиляръ...

Вмѣстѣ.

Людмила Николаевна. Какъ онъ мучается, какъ страдаетъ..

Ерастъ *(входя)*. Опять эти газетчики.

Застоевъ. Проси! Пусть видятъ, что юбиляра начали чествовать еще наканунѣ!.. *(Кричитъ и всѣ подхватываютъ)*. Да здравствуетъ виновникъ торжества! *(Быстро вбѣгаютъ Ершъ и Черная Маска съ записными книжками въ рукахъ. Они съ двухъ сторонъ забрасываютъ Скрипенко вопросами: «когда родились», «интересно узнать списокъ обѣдающихъ», «какъ звали вашу маменьку« и пр. Скрипенко что-то бормочетъ; общая суматоха)*.

Ерастъ *(входя)*. Фотографъ Свистуновъ!

Свистуновъ *(быстро входитъ съ аппаратомъ, ставитъ послѣдній противъ Скрипенко и закрываетъ себѣ голову сукномъ)*. Позу, примите скорѣй позу!

Ершъ. Наиболѣе эффектную, поднимите руку. *(Скрипенко принимаетъ позу, живая картина и занавѣсъ тихо падаетъ)*.

Среди Снѣговъ.

Сцены въ одномъ дѣйствіи.

Представлено въ первый разъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Семеновичъ Малининъ-Тамбовскій, актеръ на сильно драматическія роли, путешествующій съ труппой по провинціи. Пожилой человѣкъ.

Сергѣй Антиповичъ Громиловъ, землевладѣлецъ. Носитъ длинные усы. Лѣтъ тридцати восьми.

Степанъ Степановичъ Краморинъ, отставной поручикъ гвардіи, землевладѣлецъ.

Емельянъ Емельяновичъ Ярлыковъ, управляющій богатыми имѣніями. Толстый мужчина въ военной фуражкѣ.

Мерцалова, старуха-землевладѣлица.

Степняковъ, ея управляющій.

Ершовъ, режиссеръ
Кулебякинъ, комикъ
Вѣрина, молодая актриса
} изъ труппы Малинина-Тамбовскаго.

Начальникъ станціи.

Ивановъ, служащій на станціи.

Актеры, буфетчикъ, пассажиры.

Дѣйствіе происходитъ на станціи желѣзной дороги, въ ста верстахъ отъ уѣзднаго города.

(Сцена представляетъ маленькую комнату; на средней двери прибита надпись: „Залъ I-го и II-го класса“.—Налѣво дверь входная, направо съ надписью „Буфетъ“. -Нѣсколько стульевъ и столъ.—Освѣщеніе тусклое. При поднятіи занавѣса Ивановъ входитъ съ платформы.)

Ивановъ *(повторяя слова кого-то изъ пассажировъ)*. Сколько простоимъ? Сколько нужно, столько и простоите... Получили депешу—задержать по случаю заноса у Куриловки, ну и дожидайтесь... Время ночное, не все ли равно спать-то, на мѣстѣ или въ пути! И ѣдетъ-то десятка три... И того не наберется ..

Ершовъ *(входя въ среднюю дверь)*. Вѣдь этакъ у васъ въ трущобѣ, пожалуй, и до завтра прогостишь.

Ивановъ. Съ опозданіемъ пойдетъ, а время не обозначено.

Ершовъ. И станція скверная! Это зало для пассажировъ перваго класса!

Ивановъ. Да вѣдь вы изъ третьяго вылѣзли,—я видѣлъ—какую же вамъ еще залу... Для третьяго класса на платформѣ около кассы... подъ навѣсомъ...

Ершовъ. Я, братецъ, съ тобой не разговариваю... Я вѣдь, если что—такъ и въ жалобную книгу занесу...

Ивановъ *(въ сторону)*. Ишь расходился... У насъ помѣщики богатые живутъ, ѣздятъ и не сердятся! А то вонъ какой... и пальтишко-то потрепанное... Незначительный человѣкъ и жаловаться! *(Уходитъ)*.

Малининъ-Тамбовскій *(входитъ въ среднюю дверь. На немъ енотовая шуба)*. Послушайте, Ершовъ, справлялись вы, когда пойдетъ поѣздъ?

Ершовъ. Неизвѣстно, Иванъ Семеновичъ... расчистятъ заносъ и тронемся, а когда расчистятъ неизвѣстно.

Малининъ-Тамбовскій. Однако, интересно; а персоналъ артистовъ? Поди всѣ спятъ!

Ершовъ. Аппетитъ почувствовали, въ буфетъ пошли... Найдутъ ли только что-нибудь... Кромѣ яицъ, на выставкѣ ничего нѣтъ, да водка разная.

Малининъ-Тамбовскій. Вы дали телеграмму, что я ѣду съ труппой?

Ершовъ. Да вѣдь тамъ знаютъ, анонсъ вывѣшенъ.

Малининъ-Тамбовскій. Нужно дать телеграмму городскому головѣ, я съ нимъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ встрѣчался. Необходимо, чтобы нѣсколько человѣкъ собрались утромъ на вокзалѣ и устроили мнѣ задушевную встрѣчу.

Ершовъ. Поздновато, спятъ теперь... Можетъ, у головы-то дѣти есть... телеграфистъ перепугаетъ!

Малининъ-Тамбовскій. Все равно пошлите. Мнѣ писали уже, что мой пріѣздъ взволновалъ весь городъ.

Ершовъ. Хорошо, сейчасъ пошлю. Начнемъ съ Гамлета?

Малининъ-Тамбовскій. Хотѣлъ бы съ чего-нибудь болѣе легкаго, но пусть лучше познакомятся со мной въ этой роли... Вы знаете, какъ я хорошъ въ «Гамлетѣ»...

Ершовъ. Да, мѣста есть удивительныя!

Малининъ-Тамбовскій. Не мѣста, а въ цѣломъ художественно!

Ершовъ. Я за одно и Сидорову телеграфирую, чтобы объявилъ «Гамлета» на послѣзавтра...

Малининъ-Тамбовскій. Дѣйствуйте... Ахъ

да, у меня легкая хрипота въ горлѣ... Прикажите-ка сочинить мнѣ гоголь-моголь.

Ершовъ. Они, пожалуй, и названія такого не поймутъ... Вѣдь это иностранная штука?

Малининъ-Тамбовскій. Растолкуйте и скажите, чтобы сюда принесли... Или сами принесите...

Ершовъ. Въ буфетъ не пойдете?

Малининъ-Тамбовскій. Ну, конечно, не пойду въ ихъ скверный буфетъ!

Ярлыковъ *(входитъ въ среднюю дверь и зѣваетъ. Ершовъ направляется въ буфетъ. Ярлыковъ осматриваетъ Малинина-Тамбовскаго)*.

Малининъ-Тамбовскій. Скажите, полковникъ, какъ слышно, хороша погодка въ Большовскѣ? Вы мѣстный...

Ярлыковъ. Я и тутъ, и тамъ... и меня всѣ знаютъ, и я всѣхъ... Писали мнѣ, что установилась погода... снѣжитъ, но пріятно. Смѣю спросить, по казенной надобности изволите путешествовать?

Малининъ-Тамбовскій. По собственной... Малининъ-Тамбовскій—позвольте представиться!

Ярлыковъ. Это не вы въ прошломъ году у Семихатова имѣніе приторговывали?

Малининъ-Тамбовскій. Нѣтъ, я извѣстный драматическій артистъ. Предпринялъ артистическую поѣздку.

Ярлыковъ. Погодите, такъ это я не про васъ-ли сейчасъ слышалъ... разсказывали въ вагонѣ... будто къ намъ «звѣзда» ѣдетъ?

Малининъ-Тамбовскій *(самодовольно)*. Разумѣется, такъ... *(Въ сторону)*. Вся губернія знаетъ!

Ярлыковъ. И кто разсказывалъ — Краморинъ, Степанъ Степановичъ... землевладѣлецъ здѣшній, возвращается изъ Москвы... Къ себѣ не заѣзжаетъ, а прямо въ Большовскъ... у него тамъ тяжба... Былъ у насъ предводителемъ...

Малининъ-Тамбовскій. Весьма лестно узнать, что мое имя успѣло заинтересовать мѣстную интеллигенцію...

Ярлыковъ. Да вотъ онъ-съ... *(Въ средней двери показывнается Краморинъ).* Степанъ Степановичъ, позвольте вамъ представить... *(Въ сторону).* Фамилія изъ головы вонъ...

Малининъ-Тамбовскій. Малининъ-Тамбовскій, слѣдую съ моей труппой къ вамъ на гастроли... разумѣется, проѣздомъ.

Краморинъ. Какже, какже—слышалъ... весьма радъ, но сдѣлаете-ли вы у насъ что-нибудь... Театральная комиссія все воюетъ съ антрепренерами изъ-за репертуара, отвадили публику, актеры разбѣжались...

Малининъ-Тамбовскій. Смѣю думать, что мое имя..

Краморинъ. Да, конечно... я что-то читалъ о васъ, вы вѣдь въ опереткѣ подвизались?

Малининъ-Тамбовскій. Никогда! Шекспиръ, Шиллеръ, иногда Мольеръ—вотъ мой репертуаръ!

Краморинъ. Вы бы насъ повеселили.

Малининъ-Тамбовскій. Милостивый государь, не можетъ же большой, классическій актеръ снизойти до фарса или оперетки!

Ярлыковъ. А вотъ бы вы, батюшка, хватили... забылъ, названіе... еще тамъ ряженые поютъ и коза пляшетъ.

Малининъ-Тамбовскій. Я выхожу первый разъ въ «Гамлетѣ».

Ярлыковъ *(вспоминая)*. Нѣтъ, это не Гамлетъ... Кажется «Бѣдность не порокъ»...

Краморинъ. Большой у васъ персоналъ?

Малининъ-Тамбовскій. Полный комплектъ!..

Краморинъ. Съ вами ѣдутъ?

Малининъ-Тамбовскій. Да, они закусываютъ въ буфетѣ.

Краморинъ. Любопытно взглянуть. *(Распахиваетъ шубу, поправляетъ пенснэ, повертывается на каблукѣ и быстро уходитъ въ буфетъ).*

Малининъ-Тамбовскій. Имъ везешь высокую комедію, а они повеселѣй просятъ!

Ярлыковъ. Молодъ еще, ну, натурально—веселье на умѣ, офицеръ въ отставкѣ, что вы хотите! А только онъ правъ, у насъ мрачнаго не любятъ... А вотъ споете что-нибудь, протанцуете—и гутъ!.. Лариса Ивановна!

Малининъ-Тамбовскій *(тихо).* Что это за старуха?

Ярлыковъ. Мерцалова, Лариса Ивановна... Это управляющій ея, Степняковъ, подъ ручку ее ведетъ... Она близорука... Въ прошломъ году корову за разбойника приняла. Богатая барыня, купоны стрижетъ цѣлый годъ и не устаетъ. *(Мерцалова и Степняковъ входятъ въ среднюю дверь).*

Мерцалова *(Степнякову).* Проспалъ, бестія;—кабы я не проснулась, такъ бы и проѣхали!

Степняковъ. Простите, Лариса Ивановна!

Мерцалова. Будешь ты мною прогнанъ! *(Ярлыкову).* А, здравствуй, воинъ! Что это за баринъ съ тобой въ шубѣ? Скунцовая? Нѣтъ—енотовая! Не новый ли помѣщикъ?

Ярлыковъ. Малининъ-Тамбовскій.

Мерцалова. Тамбовскій, ну, это далеко отъ насъ!

Ярлыковъ. Фамилія ихъ—Тамбовскій.

Мерцалова. Кто-жъ онъ такое?

Ярлыковъ. Артистъ извѣстный, по театрамъ ѣздитъ!

Мерцалова. Что-жъ онъ черную и бѣлую магію показываетъ? Ну отъ этого подальше, ко мнѣ одинъ разъ заѣзжалъ въ деревню этакій фокусникъ...

потомъ трехъ серебряныхъ ложекъ не досчиталась... Вотъ какой фокусъ сочинилъ. Степняковъ,. веди меня къ выходу! *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

Ярлыковъ. И, говорятъ, наслѣдниковъ не имѣетъ!

Малининъ-Тамбовскій. Не удивляюсь, мало ли у насъ лежитъ капиталовъ безъ движенія! Чѣмъ бы обществу пользу приносить, а вотъ этакая старуха, не дѣлающая разницы между артистомъ и фокусникомъ, почиваетъ на купонахъ... Могла бы быть двигательницей искусства.

Ярлыковъ. По собачьей части она больше; никого и ничего не любитъ кромѣ собачекъ... Тридцать пять штукъ у нея... и маленькія, и среднія, и кудрявыя, и стриженныя. Насколько силъ хватаетъ, Степняковъ ее нагрѣваетъ, но капиталъ такъ великъ, что всю жизнь крадь и не выкрадешь! *(Изъ лѣвой двери входитъ Громиловъ)*. Ахъ, Сергѣй Антиповичъ!.. вотъ неожиданная встрѣча! Не видѣлъ васъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ съ овсомъ у насъ дѣло было.

Громиловъ *(въ полушубкѣ, барашковой шапкѣ и высокихъ сапогахъ)*. Не опоздалъ я?

Ярлыковъ. Что вы... заносъ, простоимъ долго!

Громиловъ. Я на васъ сердился, ну да это у меня прошло... Поднадули тогда съ овсомъ-то?.. *(Ярлыковъ хочетъ возражать)*. Впрочемъ, не вы одинъ, многіе меня надували! Бррр... теперь хорошую рюмку водки! Хотите!

Ярлыковъ. Не пью-съ, Сергѣй Антиповичъ, совсѣмъ бросилъ!

Громиловъ. Со вчерашняго дня! Ну, какъ угодно, а я пойду, съ дороги необходимо!.. *(Тихо)*. Что это за сюжетъ, съ которымъ вы бесѣдуете?

Ярлыковъ. Артистъ Малининъ-Тамбовскій... представляетъ по разнымъ городамъ...

Громиловъ. Неподвиженъ, какъ бронзовая статуя.

Ярлыковъ. Познакомить васъ?

Громиловъ. Да отчего же, пожалуй... я знаменитостей люблю... когда-то на театральномъ подъѣздѣ Аделинѣ Патти ручки цѣловалъ! *(Подходитъ къ Малинину-Тамбовскому и протягиваетъ ему руку).* Громиловъ, честь имѣю!.. Здѣшній землевладѣлецъ... Когда былъ юнъ, принималъ участіе въ домашнихъ спектакляхъ... Дебютировалъ ролью козы въ «Бѣдность не порокъ»...

Ярлыковъ. Вотъ, вотъ... любимая моя пьеса, когда коза и медвѣдь приходятъ... Никогда не забуду эту козу.

Громиловъ *(продолжая).* Игралъ еще Чацкаго, но, выбѣгая изъ-за колонны въ четвертомъ дѣйствіи, поскользнулся и упалъ! Сконфузился и вмѣсто монолога сказалъ лишь: «сюда я больше не ѣздокъ»... На этомъ покончилась моя театральная карьера!

Малининъ-Тамбовскій. Весьма радъ познакомиться, Малининъ-Тамбовскій, хочу проѣздомъ дать три, четыре спектакля въ Большовскѣ.

Громиловъ. Прекрасно сдѣлаете, а то вѣдь тамъ дальше винта не идутъ... Пріѣду, непремѣнно пріѣду... Просвѣщайте ихъ, батюшка, Просвѣщайте! Хотите водки?

Малининъ-Тамбовскій. Очень признателенъ, но нѣсколько простудился... *(Ершовъ приноситъ ему гоголь-моголь въ стаканѣ и уходитъ).* Вотъ приказалъ себѣ гоголь-моголь сдѣлать...

Громиловъ. Хватите водки, какъ рукой все сниметъ! Я помню, вылѣчилъ здѣшняго начальника станціи... Пріѣзжаю къ нему—лежитъ въ жару, въ лихорадкѣ, головная боль... Ждутъ десять часовъ доктора... Прописалъ я ему полбутылки водки, влилъ въ горло насильно... На другой день козыремъ ходилъ, только виски болѣли! *(Уходя).* Не прощаюсь, я сейчасъ... Вѣдь у насъ, господа, если дѣйствительно заносъ, времени

много, мы еще можемъ что нибудь сотворить... погодите... *(Уходитъ въ буфетъ)*,

Ярлыковъ. Чудесная личность, весельчакъ, лихой, храбрый, богатый. Волковъ за ноги ловилъ... Сосѣдъ его, Свирибѣевъ, переѣхалъ въ Москву, а знаете почему? За француженкой его этотъ сталъ пріударять... Свирибѣевъ изъ предосторожности, чтобы мамзель Люси не влюбилась—увезъ ее... Красивая француженка—глаза величиною съ яблоко и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ!

Громиловъ *(возвращается)*. Прекрасно, превосходно, пропустилъ большую... Точно каминъ затопилъ въ груди! Тамъ—въ буфетѣ я замѣтилъ компанію бритыхъ людей и дамы съ ними, изъ которыхъ одна стара и безобразна, а другая въ пальто, обшитое барашкомъ, мила и привлекательна... Это не таланты вашей труппы?

Малининъ-Тамбовскій. Совершенно вѣрно—моя армія... Старуха—это комическая актриса и гранъ-дамъ, а молодая—энженю драматикъ.

Громиловъ. Очень, очень интересна... да бросьте вы вашъ гоголь-моголь... Вѣдь это бурда... Чортъ знаетъ чего намѣшали, а вы кушаете... Водки вы не пьете, такъ пойдемте чужеземныя вина лить... Позвольте мнѣ отъ души привѣтствовать появленіе истинныхъ талантовъ въ нашемъ захолустьи!

Малининъ-Тамбовскій. Боюсь потерять высокія ноты... выступаю въ такой отвѣтственной роли, какъ Гамлетъ! *(Плюетъ)*. Отвратительный гоголь-моголь!

Громиловъ. Вздоръ, пустяки... какія тамъ ноты! Выйдете въ костюмѣ, окинете толпу орлинымъ взоромъ, и побѣдите! У насъ насчетъ искусства не избалованы! Идемте... Кстати, представьте меня вашимъ Гаррикамъ и Сарамъ Бернаръ... Окажите же мнѣ, наконецъ, честь! Емельянъ Емельяновичъ—разумѣется, прошу и васъ...

Ярлыковъ. Отъ стакана вина—не отказываюсь... А ужъ насчетъ водки—похоронилъ эту слабость!

Малининъ-Тамбовскій. Да чтожъ, говоря откровенно, ваше радушіе и гостепріимство меня плѣнили... не въ состояніи отказать!

Громиловъ. Поднимемъ бокалъ за здоровье дорогого гостя, замѣчательнаго артиста! Собственно, кто у васъ труппѣ «летуаль»? Вѣдь вы «летуаль»?

Малининъ-Тамбовскій. То-есть, какъ это нужно понимать?

Громиловъ. Кто звѣзда-то, вѣдь вы звѣзда?

Малининъ-Тамбовскій. Ага... да, конечно... въ столицѣ считаюсь звѣздой...

Громиловъ. Ну, разумѣется, первоклассной... Идемъ въ буфетъ! *(Видя выходящаго изъ буфета Краморина).* А, мой сосѣдъ! Не можетъ простить, что я у него дорогу закрылъ и заставилъ объѣздъ дѣлать! А было основаніе, не хотѣлъ меня представить на балѣ въ Большовскѣ супругѣ нотаріуса Крюмельникова... Дуется и физіономію по временамъ отворачиваетъ. Ну-съ, за дѣло... пожалуйте!.. *(Беретъ подъ руку Малинина-Тамбовскаго и уходятъ въ буфетъ, Ярлыковъ за ними).*

Краморинъ. Одна изъ этихъ театральныхъ дамъ весьма пикантна и мило себя держитъ!.. Не прочь бы познакомиться, но теперь невозможно: этотъ Громиловъ навѣрно тутъ пьянство разведетъ... Конечно, въ этихъ актрисахъ нѣтъ того утонченнаго изящества... Нѣтъ того, что французы называютъ—«du chien». Не тотъ каленкоръ, какъ говоритъ мой камердинеръ... Какая, напримѣръ, очаровательная была особа Жюдикъ, несмотря на почтенные годы... Что ни движеніе, что ни жестъ—верхъ граціи... А глаза? Или возьмемъ Тео... какая ножка... Невольно вспоминаешь Мюссе. «Par le pied elle etait parisienne». Наши—нѣтъ,—критики не выдерживаютъ! Не тотъ каленкоръ!

Начальникъ станціи *(входя)*. Степанъ Степановичъ, тутъ свѣженько, сегодня не топили, а вы бы ко мнѣ...

Краморинъ. Мерси... А что? долго промучаете насъ?...

Начальникъ станціи. И самъ не вѣдаю... сообщатъ по аппарату, сейчасъ и двину...

Краморинъ. Въ буфетную не ходите!

Начальникъ станціи. А что?

Краморинъ. Пропадете!..

Начальникъ станціи. Говорятъ, какая-то столичная знаменитость восемьдесятъ четвертой пробы ѣдетъ съ цѣлой труппой... хотѣлъ взглянуть, хоть однимъ глазкомъ...

Краморинъ. Я думаю, что эта знаменитость сомнительной марки, но ужъ съ ней благодушествуетъ Громиловъ...

Начальникъ станціи. Какъ?.. пріѣхалъ? Зачѣмъ!..

Краморинъ. Вѣроятно, для поддержки отвратительнаго буфета!

Начальникъ станціи. Поддерживаетъ, поддерживаетъ... Буфетчикъ спеціально для него особенныя вина держитъ, шампанское завелъ и ликеръ зеленаго цвѣта.

Краморинъ. Бочками можетъ пить и никогда пьянъ не бываетъ!

Начальникъ станціи. Да вотъ этотъ зеленый ликеръ, напримѣръ, глотаетъ по чайной чашкѣ, рюмокъ не признаетъ... Буфетчикъ въ восторгѣ...

Краморинъ. Въ прошломъ году онъ часто сюда ѣздилъ...

Начальникъ станціи. Сестра жены буфетчика гостила... она изъ Москвы... Такъ онъ около нея что-то вертѣлся... шубку ей подарилъ. Хорошо, что вы мнѣ сказали... Я не покажусь... Заходите ко мнѣ.

Краморинъ. Пассажировъ мало?

Начальникъ станціи. Мало, да и спятъ почти всѣ... Такъ милости прошу... Я вотъ только въ телеграфъ забѣгу! *(Уходитъ).*

Краморинъ. Какъ это у насъ не изобрѣтутъ до сихъ поръ какую-нибудь грандіозную снѣгоочистительную машину... чтобъ минутъ въ десять весь путь расчистить! *(Садится въ сторонѣ).*

Ершовъ и Кулебякинъ *(выходятъ изъ буфета на авансцену и, замѣтя Краморина, говорятъ тихо).*

Кулебякинъ. Вотъ, братецъ, кладъ-то свалился... вѣдь какъ пошелъ, какимъ ходомъ!.. и краснаго потребовалъ, и шампанскаго, и сиропъ зеленый подали... Буфетчикъ даже струсилъ, думалъ, что запасу не хватитъ... Ужъ, разумѣется, счетъ онъ заплатитъ весь, и за нашу закуску, которую раньше спросили...

Ершовъ. Все это отлично, но ты будь сдержанъ... Я тебя за этимъ и вызвалъ... Ты два раза подходилъ и руку ему жалъ.

Кулебякинъ. Да чтожъ ты обо мнѣ думаешь, цѣпочку я что ли у него стащу?..

Ершовъ. Знаю я твою манеру, непремѣнно денегъ въ долгъ спросишь!

Кулебякинъ. Когда же я... съ чего ты взялъ!

Ершовъ. Всегда... Задрожишь даже отъ удовольствія, если можно занять безъ отдачи... Испортишь только нашему патрону все дѣло!

Кулебякинъ. Ахъ ты простота, даромъ, что режиссеръ... да ты думаешь патронъ-то не займетъ?

Ершовъ. По крайней мѣрѣ много возьметъ!

Кулебикинъ. И все равно намъ жалованья аккуратно платить не будетъ... Долженъ всѣмъ и затягиваетъ... по грошамъ выдаетъ!

Ершовъ. А помѣщикъ какъ будто ужъ началъ увиваться около Лидіи Степановны... Замѣтилъ? Это,

говоритъ, шампанское ничто въ сравненіи съ вами, вы насъ оживляете болѣе... Куда поѣхало!

Кулебякинъ. А патронъ то ему какія пули отливаетъ... Меня, говоритъ, въ столицѣ на рукахъ носятъ... А помѣщикъ ему и замѣтилъ: это не хорошо, уронить могутъ! Умный...*(Дверь, ведущая въ буфетъ, растворяется)*. Батюшки, никакъ онъ, да такъ и есть... подъ ручку съ Лидіей Степановной.., Стушуемся! *(Пропускаетъ Громилова съ Вѣриной и уходятъ въ буфетъ)*.

Краморинъ *(при видѣ Громилова вскакиваетъ)*. Куда мнѣ скрыться отъ него... гм... подъ ручку съ этой актрисой... *(Уходитъ въ буфетъ)*.

Громиловъ *(оглядывается по сторонамъ)*. Лидія Степановна, поняли вы меня или нѣтъ? Допускаете вы возможность встрѣтить человѣка и моментально почувствовать ударъ въ сердце?

Вѣрина. Признаюсь, не могла ожидать съ вашей стороны такого внезапнаго оборота... Вы говорили о молочномъ хозяйствѣ, о снѣжныхъ заносахъ и вдругъ перешли прямо къ сердцу.

Громиловъ. Резюме ясно!

Вѣрина. Но вы только что успѣли меня увидѣть...

Громиловъ. Резюме ясно... я пораженъ въ самое сердце... Вы, вы одна можете осчастливить меня... Ну, да словомъ, къ чему скрываться,—я люблю васъ и не могу безъ васъ жить.

Вѣрина. Насъ могутъ услышать, тутъ много публики.. Вотъ ужъ, признаюсь, не ожидала такого внезапнаго объясненія..

Громиловъ. Хотите я всѣхъ соберу и повторю мои слова публично? Я человѣкъ искренній, правдивый... дѣйствую въ открытую, подпольныхъ путей не люблю! Мнѣ нужна хозяйка, и вы будете этой хозяйкой... Умоляю васъ согласиться..

Вѣрина. Когда мы поближе узнаемъ другъ друга, тогда увидимъ и возвратимся къ этому неожиданному

разговору. Пріѣзжайте на спектакль, я играю Офелію... Вы любите трагедію?

Громиловъ. Очень люблю, но теперь не до нея... Мы поѣдемъ сегодня въ мое имѣніе...

Вѣрина. Что вы, что вы!

Громиловъ. Я окончательно рѣшилъ васъ похитить... Это рѣшеніе безповоротно...

Вѣрина. Вы шутите, не иначе... Чуть не наканунѣ спектакля, шекспировская пьеса...

Громиловъ. Дорога недурная, Кузьма домчитъ быстрехонько... на полдорогѣ перепряжемъ лошадей.

Вѣрина. Искусство для меня дороже всего на свѣтѣ!..

Громиловъ. И вѣрьте, чудесная Офелія, что вамъ будетъ гораздо веселѣй со мной, нежели съ вашимъ Гамлетомъ...

Вѣрина. Что вы говорите, что вы говорите! Обмануть Малинина-Тамбовскаго и нанести ударъ Шекспиру... Никогда!

Громиловъ. Бѣжимъ... несмотря ни на что—бѣжимъ!

Вѣрина. Роль Офеліи у меня отдѣлана, разучена, да и вообще... Нѣтъ, пожалуйста, оставьте ваши шутки... Васъ слушать страшно ..

Громиловъ. Лидія, и ты меня хочешь убить! Убить того, кто такъ мучается и страдаетъ... Неужели можно относиться такъ равнодушно къ страдающему человѣку?

Вѣрина. Я не вѣрю вашимъ страданіямъ и не люблю фамильярностей.

Громиловъ. Я могу вамъ доказать, что я страдаю... я ужасно страдаю! Одиночество меня губитъ!.. И что же, встрѣчаю милую, прелестную, добрую женщину, вручаю ей мое сердце, мою жизнь, и она мнѣ говоритъ—подите прочь! *(Видя входящаго изъ буфета*

Малинина-Тамбовскаго). Вотъ ужъ не во время тащится этотъ Гамлетъ...

Малининъ-Тамбовскій. Смотрите, вы не влюбитесь въ мою Офелію...

Громиловъ *(измѣняя тонъ).* У насъ споръ объ искусствѣ... Да вотъ позвольте... позвольте—вы талантъ, вы извѣстность, вы «летуаль»... *(Малининъ-Тамбовскій дѣлаетъ довольный видъ)* разрѣшите нашъ споръ! *(Вѣриной).* О чемъ мы споримъ-то?

Вѣрина: Вы доказываете, что высокое искусство пало, что его нынче не существуетъ...

Громиловъ. Разумѣется, все измельчало, нѣтъ прежнихъ славныхъ дѣятелей... Ну, гдѣ вы увидите высокое искусство?

Малининъ-Тамбовскій. А вотъ съ, напримѣръ, посмотрите меня въ шекспировскемъ репертуарѣ... вотъ это искусство, это высокое искусство...

Громиловъ. Конечно, встрѣчаются исключенія...

Малининъ-Тамбовскій. Замѣчу, впрочемъ—весьма незначительныя... Насъ осталось двое, трое, да и обчелся! Я прежде всего и былъ и буду врагомъ читки, навѣянной мелодраматизмомъ!

Громиловъ. Дѣлаетъ вамъ честь! Однако, мы покинули нашу милую компанію, а это неучтиво... Поближе къ бокаламъ и друзьямъ! Лидія Степановна, «летуаль». *(Онъ отворяетъ дверь и пропускаетъ ихъ).* Прошу васъ!.. *(Въ сторону).* Разорви меня медвѣдь, если я ее не увезу! *(Уходитъ).*

Краморинъ *(входитъ въ ту дверь, въ которую они вышли).* Оргія, форменная оргія! Пьютъ и молчатъ... Въ русской актрисѣ вы никогда не встрѣтите настоящей soupeuse... нѣтъ! Это что-то вялое, безжизненное и нѣмое! Я помню Жанну Гранье, еще когда она только восходила на горизонтѣ, встрѣчалъ ее и недавно—никакой перемѣны... *(Входитъ Ярлыковъ).*

Ярлыковъ *(замѣтно повеселѣвшій)*. Степанъ Степановичъ, да присаживайтесь вы къ намъ!.. Хотите я васъ въ одну минуту съ Громиловымъ помирю... Дамское общество веселѣй...

Краморинъ. Нѣтъ-съ, боюсь. Громилова боюсь... Вы знаете его натуру, онъ что-нибудь да выкинетъ... какую-нибудь штуку или скандальчикъ... Мы съ нимъ по сосѣдству, но наши отношенія были всегда дипломатическія....

Ярлыковъ. Пиръ горой задалъ, невиданный еще здѣсь... «Что есть въ печи, все на столъ мечи, и счетъ мнѣ!», закричалъ буфетчику.

Краморинъ. Я, милѣйшій, не могу быть у нашего Лукулла блюдолизомъ... Я, конечно, вамъ не въ упрекъ... но вѣдь объ этомъ завтра весь уѣздъ узнаетъ... Оргія на станціи... Куда онъ ѣдетъ?..

Ярлыковъ. Никакого толку не добьешься: сначала говорилъ въ Большовскъ, а теперь увѣряетъ, что насчетъ контрабаса...

Краморинъ. Какого контрабаса?

Ярлыковъ. Выписалъ контрабасъ, учиться играть на немъ хочетъ.

Краморинъ. Шутъ гороховый!

Громиловъ *(подходитъ прямо къ Краморину)*. Степанъ Степановичъ... ну да будетъ вамъ... Неужели вы все сердитесь, пойдемте съ нами!..

Краморинъ. М-сье Громиловъ, я не могу, я больной... очень вамъ признателенъ...

Громиловъ. Я не злопамятенъ... Я вамъ завтра дорогу открою... Хоть вы меня и помучали тогда, но я вамъ открою...

Краморинъ. Благодарю васъ, но за что такая милость...

Громиловъ. Завтра открою... пойдемте! Стаканъ хорошаго вина!

Краморинъ. Очень вамъ благодаренъ, но не могу... я простудился.

Громиловъ. Я васъ вылечу въ пять минутъ... Какъ рукой сниметъ!

Краморинъ. Очень буду радъ видѣть васъ у себя, постараюсь пріѣхать къ вамъ, но... право теперь не въ силахъ!

Громиловъ. Но во всякомъ случаѣ значитъ миръ... Давайте я васъ поцѣлую! *(Крѣпко обнимаетъ Краморина и цѣлуетъ).*

Краморинъ *(въ сторону).* Несноснѣйшій человѣкъ! *(Вслухъ).* Желаю вамъ веселиться! *(Въ сторону).* Приходится искать спасенія у начальника станціи... Задушитъ, въ объятіяхъ задушитъ. *(Кланяется и уходитъ) въ среднюю дверь).*

Громиловъ *(Ярлыкову).* Что вы скажите, какова женщина!

Ярлыковъ. Пріятный сюжетецъ, лакомый... А ужъ вы этакъ, Сергѣй Антипычъ, оказали ей вниманіе...

Громиловъ. Растаялъ, сознаюсь растаялъ... Вы сами отлично понимаете... у насъ—въ медвѣжьей берлогѣ—и вдругъ милая, поэтичная женщина... Все время слышишь вой волковъ, а тутъ тихій, плѣнительный голосъ, проникающій въ душу...

Ярлыковъ. А этотъ Малининъ-Тамбовскій только о себѣ и говоритъ... хвалитъ себя безъ церемоніи. Четыре портсигара возитъ въ карманахъ—подарки отъ публики... Намекалъ, что ожидаетъ подношенія и отъ насъ... Ну, это, братъ, шалишь!

Громиловъ. Да онъ, кажется, повеселѣлъ сильно?

Ярлыковъ. Очень-съ... Женѣ буфетчика обѣщалъ прислать свой портретъ въ роли Венеціанскаго мавра...

Громиловъ. Ахъ какая женщина, глаза какіе... Совершенно мой идеалъ! Жаль, что къ вину относится

безъ всякаго уваженія и только, какъ говорится, пригубила!

Ярлыковъ. Контрабасъ получили?

Громиловъ. Не до контробаса мнѣ теперь... Предстоитъ выборъ—или самому сдѣлаться актеромъ и ѣхать съ ними, или...

Ярлыковъ. Или?

Громиловъ. Ишь вы какой любопытный!.. Или... вѣроятно, придется остановиться на этомъ «или»... Пойду любоваться моей красавицей... Но ужъ какъ мнѣ этотъ Гамлетъ надоѣлъ! *(Уходитъ).*

Ярлыковъ *(уходя за нимъ).* Пропишите вы имъ нынче комедію!

Ершовъ *(выходитъ послѣ паузы).* И не слыхать еще, когда тронется!

Кулебякинъ *(вбѣгая слѣдомъ за нимъ).* Разгонитъ, всѣхъ разгонитъ.

Ершовъ. Кто разгонитъ?

Кулебякинъ. Патронъ... говорить желаютъ, а онъ монологъ читаетъ «Быть или не быть»... Надоѣлъ всѣмъ...

Ершовъ. Я привыкъ и не слушаю! А что съ нимъ подѣлаешь... сегодня въ вагонѣ разговорился съ какимъ-то старичкомъ и вздумалъ читать ему... Сначала публика прислушивалась, думала, что хорошій чтецъ, а потомъ всѣ разбѣжались. Ты въ это время храпѣлъ.

Малининъ-Тамбовскій *(входитъ недовольный).* Какъ еще наша провинція неинтеллигентна, темна,—дикіе нравы: читаю замѣчательный монологъ Шекспира, истолковываю—и перебиваютъ тебя! Такъ и не кончилъ... Господа, вы вотъ что... идите туда и пришлите мнѣ Вѣрину... Я ей подмигивалъ, она не понимаетъ!.. Скажите потихоньку, что мнѣ ее необходимо видѣть... *(Ершовъ и Кулебякинъ исчезаютъ).* И какъ я имъ читалъ, какая художественная отдѣлка, какіе нюансы... А этотъ Ярлыковъ только и кричитъ—

представь ему козу! Малининъ-Тамбовскій, изображающій козу! Дорогого стоитъ! ахъ вотъ и Лидія...

Вѣрина. Зачѣмъ вы меня звали, что еще за секреты?

Малининъ-Тамбовскій. Лидія, прелесть, гордость моей труппы.. надо пользоваться обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, скоро звонокъ и конецъ пира.

Вѣрина. Я васъ не понимаю, что вы хотите отъ меня?

Малининъ-Тамбовскій. Поощри талантъ, вѣдь есть онъ у меня?

Вѣрина. Что-же я могу сдѣлать для вашего таланта?

Малининъ-Тамбовскій. Сдѣлай милость, намекни Громилову...

Вѣрина. Что намекнуть?

Малининъ-Тамбовскій. Апропо... Не хотите-ли, молъ, подписаться на подарокъ нашему глубокоуважаемому Ивану Семеновичу... Ну, словомъ, накажи его хоть на портсигаръ или подстаканникъ... У него денегъ куры не клюютъ, тьма... Онъ къ тебѣ неравнодушенъ и, конечно, сдѣлаетъ...

Вѣрина. Нѣтъ, ужъ извините, стыдъ какой—выпрашивать на подарки!.. Ни за что на свѣтѣ!

Малининъ-Тамбовскій. Что же тутъ стыднаго? Предложить меценату поднесть что-нибудь артисту въ знакъ уваженія къ таланту... Не посредственность же я, въ самомъ дѣлѣ, какая-нибудь!

Вѣрина. Вынужденное уваженіе къ таланту, котораго онъ не знаетъ.

Малининъ-Тамбовскій. Вѣнокъ съ надписью—«добро пожаловать, дорогой гость» я самъ себѣ подношу, и вотъ тутъ-то бы и хорошо подать еще что-нибудь, болѣе существенное, массивное, изъ серебра...

Вѣрина. Напрасно вы мнѣ все это разсказываете... Я ни слова не скажу Громилову по поводу подарка...

Малининъ-Тамбовскій. Да, что же я бездарность, что-ли,—наконецъ!

Вѣрина. Никто вамъ не говоритъ, что вы бездарность, но эта комедія мнѣ надоѣла... Въ одномъ городѣ вы требуете, чтобы я читала вамъ адресъ отъ актеровъ, сочиненый вами же... Въ другомъ, по случаю юбилея, заставляли выводить васъ на сцену подъ ручку... Теперь портсигаръ!..

Малининъ-Тамбовскій. Упрекъ твой относительно юбилея...

Вѣрина. Знаю я эти юбилеи... Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шесть юбилеевъ справили и во всѣхъ городахъ набрали подарки. Достаточно! Краснѣешь за васъ...

Малининъ-Тамбовскій. Просто обидно, обидно для артистическаго самолюбія—встрѣтить богатаго человѣка и не заставить его принесть посильную дань твоему таланту. Я-бы еще сказалъ кое-что, но твой упрямый характеръ...

Вѣрина. Что вы можете еще сказать? вамъ самое лучшее пойти въ вагонъ и лечь спать... Винищемъ несетъ, какъ изъ бочки.

Малининъ-Тамбовскій *(оглядываясь)*. Лидія, не зѣвай!

Вѣрина. Что такое?

Малининъ-Тамбовскій Не зѣвай... Увлеченъ! Вѣдь ты, если захочешь,—сядешь на золоченую мебель, обитую иностраннымъ бархатомъ... по коврамъ пойдешь... изъ серебрянаго самовара чай будешь пить!

Вѣрина. У васъ на умѣ только низости—путному вы ничему не научите...

Малининъ-Тамбвскій. Ты можешь всю труппу облагодѣтельствовать: мы каменный театръ выстроимъ въ столицѣ... Вѣдь кладъ въ руки лѣзетъ!

Вѣрина. Замолчите, я не хочу васъ слушать! И

не смѣйте мнѣ говорить «ты». Вамъ говорятъ всѣ вы, а вы почти всѣмъ—«ты»...

Малининъ-Тамбовскій. Вы мои ученики, я по добротѣ душевной...

Вѣрина. Хорошему вы учите... изъ чужого бумажника таскать вамъ на подарокъ! Вы меня оскорбляете, унижаете... Вы доведете меня до того, что я отъ васъ убѣгу.

Малининъ-Тамбовскій *(оглядывается и видитъ Громилова)*. Гм... это онъ... Лидія . послѣдняя просьба... Мой успѣхъ—это нашъ, общій успѣхъ!. Ну какой-нибудь подарокъ изъ серебра...

Громиловъ. Эге... Я начинаю ревновать и способенъ васъ убить! Не даетъ мнѣ пяти словъ сказать съ Лидіей Степановной... Бокалъ васъ ждетъ и пѣнится!.

Малининъ-Тамбовскій *(подмигивая и дѣлая знаки Вѣриной)*. Не много-ли будетъ! Впрочемъ, отказать дорогому хозяину не смѣю... То чествованіе, которымъ вы меня, какъ представитель здѣшней ителлигенціи, удостаиваете,—трогаетъ, до глубины души трогаетъ! Въ наше время немногіе могутъ понимать и цѣнить таланты.. А вы ихъ понимаете! Вы меня сразу поняли! *(Жметъ Громилову руку и уходитъ)*.

Громиловъ. Охъ ужъ этотъ талантъ! Лидія Степановна *(бьетъ себя въ грудь)*, клокочетъ... сжальтесь!..

Вѣрина. Вы опять про то же...

Громиловъ. Я весь тутъ! Или вы, или умру! Побѣдили, окончательно побѣдили. Вы, можетъ быть, думаете, что я кутила, безпробудный пьяница? Отъ скуки, увѣряю васъ, отъ скуки... Одинъ средь снѣжныхъ равнинъ и лѣсовъ дремучихъ.. нѣтъ около меня нѣжнаго существа, которое бы приласкало, приголубило!.. Загрубѣлъ я среди волковъ, да медвѣдей.

Вѣрина. Да вѣдь нельзя же такъ.. увидѣли чело-

вѣка и... Наконецъ о Шекспирѣ вы ужъ и думать не хотите?

Громиловъ. Позвольте, позвольте, Лидія Степановна, вы разсудите... Шекспиру все равно?

Вѣрина. Какъ все равно?

Громиловъ. Будете вы играть въ его пьесѣ или не будете... Онъ не почувствуетъ... Онъ давно умеръ, но я... я почувствую, если вы покините меня. Ну что вы хотите?

Вѣрина. Ничего.

Громиловъ. Хотите руку и сердце—возьмите, отдамъ вамъ въ полную собственность! Все для васъ... Бѣжимъ!

Вѣрина. Вы, должно быть, романовъ начитались! Неужели вы думаете, что у меня нѣтъ ужъ ровно никакой любви къ искусству, никакой привязанности...

Громиловъ. Къ искусству, о да... я вамъ вѣрю, но развѣ этотъ кочующій Гамлетъ съ его свитой—искусство? Онъ напыщенное невѣжество, а они ремесленники, жаждующіе быть сытыми и обутыми... Что они говорятъ, что они говорятъ! Можетъ быть, они превратятся въ геніевъ, обнаружатъ великіе таланты, но въ настоящемъ учиться у нихъ нечему... Идите въ порядочный театръ, гдѣ люди работаютъ, гдѣ дѣйствительно заботятся объ искусствѣ... Я, говоритъ вашъ Гамлетъ, моей игрой дополняю Шекспира! За кого-жъ онъ меня, каналья, принимаетъ? Дальше, дальше отъ него, бѣжимъ.

Вѣрина. Я согласна съ вами, что тутъ трудно чему-нибудь научиться, но попасть въ хорошую труппу, не будучи опытной актрисой, мудрено...

Громиловъ. Угодно, я вамъ выстрою театръ у себя въ берлогѣ? Хотите, поѣду съ вами въ Петербургъ, въ Москву? Тяжелъ я на подъемъ... никуда почти не ѣздилъ, а съ вами поѣду...

Вѣрина. Я начинаю васъ бояться. До свиданья...

Громиловъ. Какъ—до свиданья? Лидія, я сгораю... Я какъ будто предчувствовалъ, что придется возвращаться домой и лошадей не отпустилъ... Кузьма наготовѣ!

Вѣрина *(намѣревается уйти, Громиловъ подбѣгаетъ къ ней и хватаетъ за руку).* Пустите, что вы...

Громиловъ. На колѣни стану, при всѣхъ на колѣни стану! *(Слышны колокольчики).* Звенятъ!.. Раздумывать некогда... Вещи ваши завтра по телеграфу вытребуемъ... Бѣжимъ! Погони за нами не пошлютъ...

Вѣрина. Уѣзжайте одни—увидимся... я не могу, нельзя... поймите...

Громиловъ. Можно, увѣряю васъ можно... О, Лидія, какой ты жестокій тиранъ! Пожалѣй меня... при всей моей грубости, при всей моей дикости—слезы навертываются на глазахъ... Радость моя, неоцѣненная, не покидай...

Вѣрина. Бѣжать... позоръ... что будутъ говорить...

Громиловъ. Кто? Ну что они могутъ говорить! Да, наконецъ, любовь не разсуждаетъ... Есть въ тебѣ ничтожная капля сожалѣнія, сочувствія ко мнѣ... бѣжимъ!

Вѣрина *(наивно).* Меня никто никогда не похищалъ!

Громиловъ. Какая прелестная, неиспорченная натура! Вотъ этакую-то и пріятно похитить... Сознайся, развѣ не интересно быть похищенной, вѣдь въ этомъ есть поэзія... Съ какимъ удовольствіемъ ты будешь объ этомъ вспоминать... Лидія, ну скажи мнѣ откровенно, чистосердечно... кто тебѣ милѣй, кто симпатичнѣй—они или я?

Вѣрина. Они мнѣ совсѣмъ не симпатичны, вы правы, но насъ связываетъ искусство.

Громиловъ. Далось тебѣ искусство, да искусство... Тутъ цѣлая будущность передъ тобой, новая

жизнь, новое счастье... Вѣдь я тебя лелѣять буду, ласкать, ухаживать за тобой, какъ нянька за ребенкомъ.

Вѣрина. И потомъ бросишь, кинешь меня...

Громиловъ. Я? Да разорви меня медвѣдь на части! Я успокоился, утихъ, я у пристани... У меня въ жизни не хватаетъ только тебя, не хватаетъ очаровательной женщины, которую я люблю... люблю безумно!

Вѣрина. Это, можетъ быть, увлеченіе, потому что любовь такъ скоро не приходитъ...

Громиловъ. Нѣтъ, это любовь... Она всегда приходитъ вдругъ, но люди нерѣшительны, отдаляютъ счастье... Я человѣкъ рѣшительный и хочу его приблизить... Терпѣть не могу всякой волокиты!

Вѣрина. Какой волокиты?

Громиловъ. Ухаживать, смотрѣть по цѣлымъ днямъ другъ другу въ глаза, паточные комплименты говорить, ручки цѣловать! Шаблонъ! А вотъ этакъ встрѣтить женщину, которая понравилась, сказать ей —люблю, дѣлай со мной что хочешь, похитить ее—это я понимаю!

Вѣрина. Въ тебѣ есть что-то рыцарское, ты не похожъ на другихъ...

Громиловъ. И самое похищеніе зимней ночью, вѣдь это чудная, поэтическая картина... Звѣзды, тишина, которую нарушаютъ колокольчики... бѣлые овраги, сѣдые лѣса... волки!

Вѣрина. Ахъ нѣтъ, я волковъ боюсь.

Громиловъ. Волки это у меня больше такъ, въ воображеніи, дополняютъ картину... Тебѣ немножко холодно, я прикрываю тебя полушубкомъ и мы мчимся, мчимся, мчимся... Вдругъ—медвѣдь!

Вѣрина. Ахъ нѣтъ... это ужасно... страшно!

Громиловъ. Пустяки!..

Вѣрина. Какъ пустяки, онъ съѣстъ насъ!

Громиловъ. Медвѣдь это у меня тоже такъ... въ воображеніи... Онъ теперь отдыхаетъ въ берлогѣ, лапу

сосетъ... Но вотъ вдали огонекъ, большое село, обывательская станція... Выходитъ самъ хозяинъ, Никита Пашинъ... А ну-ка, Никита Спиридоновичъ—ямайскій старый! Подаютъ ромъ, выписанный мной изъ Петербурга... Ароматъ...

Вѣрина. Вы будете снова пить?

Громиловъ. Нѣтъ... развѣ каплю для согрѣванія... Но, неправда ли, какъ оригинально, гдѣ-то въ снѣжной трущобѣ, и старый ямайскій ромъ... Каково все это мной организовано!

Вѣрина. Я вамъ не позволю пить, слышите, ничего не позволю пить!

Громиловъ. О, моя прелесть... Никто еще мнѣ не осмѣливался говорить,—я вамъ не позволю! Ты, Лидія, первая! Повелѣвай—я твой! И такъ!

Вѣрина. Что?

Громиловъ. Въ дорогу, пришло время, а его нужно цѣнить подобно англичанамъ!

Вѣрина *(беретъ его за руки и смотритъ въ глаза)*. Похищайте, я согласна... только...

Громиловъ. Что—только?

Вѣрина. Да вотъ волки-то!

Громиловъ. Я самъ ихъ съѣмъ, чтобы спасти тебя... Настоящій-то волкъ теперь въ буфетѣ... это геніальный Малининъ-Тамбовскій... Вотъ если онъ повстрѣчается, такъ, пожалуй, наброситься со злобы...

Вѣрина. Онъ очень сердитый... въ особенности, когда успѣха не имѣетъ—совсѣмъ звѣрь... Онъ однажды декорацію зубами разорвалъ.

Громиловъ. Съ такимъ звѣремъ я слажу!.. Давай руку! *(Она беретъ его подъ руку)*. Прощай, Гамлетъ, Офелія для тебя уже умерла! Ну, что такое въ самомъ дѣлѣ проститься со всѣми, всѣмъ пожать руки, выйти, сѣсть въ сани и поѣхать! Шаблонъ! А вотъ, когда знаешь, что тебя сейчасъ хватятся, искать

будутъ, рты разинутъ... гдѣ, что, куда, съ кѣмъ? Съ ней, похищеніе! Вотъ это я понимаю... Лидія спѣшимъ!

Вѣрина. Ахъ Боже, что я дѣлаю, что я дѣлаю!

Громиловъ. Безъ борьбы, безъ думы роковой!

Ивановъ. Получена телеграмма, путь очищенъ... *(Они уходятъ въ боковую дверь. Большая пауза, слышатся колокольчики и голосъ Громилова—«Кузьма не дремать, пошелъ живо!» Ивановъ проходитъ изъ боковой двери въ среднюю. Вскорѣ изъ буфета показываются Малининъ-Тамбовскій, Ярлыковъ и Ершовъ).*

Малининъ-Тамбовскій. И если вы незнакомы съ произведеніями англійскаго поэта. Шекспира, такъ пріѣзжайте меня смотрѣть обязательно... Онъ великъ, одно могу сказать,—великъ и понимать хорошо его надо умѣть! Я его понялъ!

Ярлыковъ. Другими словами, это не то, что козу представить!

Малининъ-Тамбовскій. Далась вамъ коза! Ершовъ, дайте книгу съ наклеенными отрывками изъ отзывовъ столичной печати о моей игрѣ... Я прочту нѣкоторые изъ нихъ!

Ершовъ. Иванъ Семеновичъ, она уложена въ чемоданѣ вмѣстѣ съ костюмами и париками.

Малининъ-Тамбовскій. Пожалуйста, на будущее время держите ее при себѣ, можетъ понадобиться каждую минуту... Современемъ я имѣю намѣреніе устроить музей и собрать въ немъ, во-первыхъ, всѣ подарки, вѣнки и адреса, полученные мной въ теченіе блестящей сценической дѣятельности.. Во-вторыхъ—мои портреты и бюсты, снятые и вылѣпленные, какъ въ дни юности, такъ и позже... Все это имѣетъ значеніе, если вздумаютъ торжественно праздновать мой юбилей...

Ярлыковъ *(въ сторону)*. Чего только не разскажетъ... гораздъ хвастаться!

Ершовъ. А куда-жъ это Сергѣй Антиповичъ съ Лидіей Степановной дѣвался?

Ярлыковъ. Должно быть, на платформу вышли прогуляться, воздухъ очень пріятный.

Ершовъ. Пойти поискать ихъ, а то какъ зазвонятъ, нужно торопиться...

Малининъ-Тамбовскій. Сначала я сердился на этотъ заносъ, но теперь весьма радъ, весьма... потому что познакомился съ пріятными людьми... Говорю это совершенно искренно, не съ тою цѣлью, чтобы вы поднесли мнѣ тамъ какой-нибудь портсигаръ или вѣнокъ, но дѣйствительно тронутъ!

Ярлыковъ. И куда вамъ столько портсигаровъ, вѣдь у васъ четыре съ собой... магазинъ можно открыть, право магазинъ!

Малининъ-Тамбовскій. Послушайте, не могу же я воспретить публикѣ подносить мнѣ то, что она желаетъ... Это извѣстный порывъ, выражающійся подъ впечатлѣніемъ художественной игры! *(Вынимаетъ изъ карамана портсигаръ).* Вотъ этотъ, напримѣръ,—восемьдесятъ три золотника—чуть не фунтъ вѣсу!

Ярлыковъ *(взвѣшивая на рукѣ).* Солидная вещь!

Малининъ-Тамбовскій. За «Отелло»!

Ярлыковъ. Пріятно сдѣлаться такимъ артистомъ!

Малининъ-Тамбовскій. Сдѣлаться! Что такое сдѣлаться? Имъ нужно родиться... Ахъ, какъ я хорошъ въ «Отелло»... Сознаюсь откровенно, не кривя душой, по совѣсти... что ни сцена,—то великолѣпіе.

Ершовъ *(входя).* Ихъ нѣтъ!

Ярлыковъ. Ну вотъ еще—нѣтъ, да вы у сторожей спросите, его всѣ тутъ знаютъ...

Ивановъ *(входитъ съ платформы).* Скоро, кажется поѣздъ пойдетъ, съ малымъ опозданіемъ *(Звонокъ).*

Ярлыковъ. Иваша, ты нашего не видалъ? Громилова. Онъ тутъ съ дамой гулялъ.

Ивановъ. Видѣлъ, какъ же... провожалъ даже...

Ярлыковъ и Ершовъ. Какъ провожалъ?

Ивановъ. Съ барыней уѣхали, Кузьма повезъ...

Ершовъ.. Куда?

Ивановъ. Въ Бѣлкино... ихъ имѣніе, въ пятидесяти верстахъ отсюда...

Малининъ-Тамбовскій *(громко)*. Этого не можетъ быть,—слышите-ли, не можетъ быть, говорю я!

Ярлыковъ *(въ сторону)*. Я говорилъ, что пропишетъ комедію и прописалъ!

Ивановъ. Вѣрно, что уѣхали... наказывали гнать во всю... перепрягаться будутъ на полдорогѣ только, на станціи...

Малининъ-Тамбовскій *(быстро ходитъ взадъ и впередъ)*. Я не допущу, не позволю... это обманъ, похищеніе противъ воли...

Ершовъ. Совсѣмъ, какъ въ «Аскольдовой могилѣ»!

Малининъ-Тамбовскій. Въ погоню! Чего тутъ думать—въ погоню! Коня, коня—полцарства за коня!

Начальникъ станціи *(входя)*. Пожалуйте садиться!.. *(Начинается общее движеніе)*.

Малининъ-Тамбовскій. Господинъ начальникъ станціи, я протестую.. погодите отправлять поѣздъ... въ погоню, господа, въ погоню...

Ярлыковъ. Его не догоните... у него тройка-то... ухъ какая—держись только...

Малининъ-Тамбовскій. Нагрянемъ въ его имѣнье...

Ярлыковъ. Тамъ онъ собакъ на васъ выпуститъ, разорвутъ...

Малининъ-Тамбовскій. И это называется интеллигенція! *(Входитъ Мерцалова съ своимъ управляющимъ)*.

Мерцалова. Что тутъ за шумъ? что за суматоха?

Ярлыковъ. Актрису украли...

Мерцалова. Украли! Я говорила, что эти фокусники до добра не доведутъ, гдѣ мой ридикюль? гдѣ мой ридикюль? Ахъ, тутъ на рукѣ... Пойдемъ садиться, всѣ-ли вещи цѣлы? *(Уходятъ. Публика рѣдѣетъ).*

Малининъ-Тамбовскій. Какъ же я буду играть Гамлета безъ Офеліи?

Ершовъ. Какъ-нибудь сыграемъ, гдѣ посократимъ, а когда вамъ надо будетъ съ ней вести сцену, вы станьте подлѣ кулисъ, а я буду вамъ читать за Офелію изъ-за кулисъ.

Малининъ-Тамбовскій. Какъ же это можно!

Ярлыковъ. Идите скорѣй, садитесь: сейчасъ поѣздъ тронется. *(Всѣ разошлись, кромѣ Малинина-Тамбовскаго и Ершова).*

Малининъ-Тамбовскій. Нѣтъ, я не согласенъ на такое униженіе искусства... я останусь здѣсь, я вернусь... *(Бросается на стулъ).*

Начальникъ станціи *(въ глубинѣ).* Давай третій звонокъ. *(Звонятъ).*

Малининъ-Тамбовскій *(вскакиваетъ).* Третій звонокъ!! Садитесь-же скорѣй, Ершовъ, вѣдь я за билеты заплатилъ... другихъ не дадутъ... *(Оба бѣгутъ, сталкиваются, роняютъ вещи, подбираютъ. Свистъ машины, общая суматоха).*

Малининъ-Тамбовскій. Погодите! погодите!..

Ершовъ. Скорѣй, скорѣй, еще успѣемъ сѣсть! *(Оба убѣгаютъ).*

Занавѣсъ.

УЖИНЪ.

Картинка въ одномъ дѣйствіи.

Представлено въ первый разъ въ Петербургѣ, въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества, а затѣмъ въ Москвѣ, въ театрѣ Корша.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ефимъ Андреевичъ Кулаковъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, промышляющій аферами. Не старше 45 лѣтъ.

Надежда Аполлоновна Милягина, пріятная дама, среднихъ лѣтъ.

Антонъ Антоновичъ Крылушкинъ, адвокатъ.

Кулебякинъ,
Трепаковъ, } молодые люди.

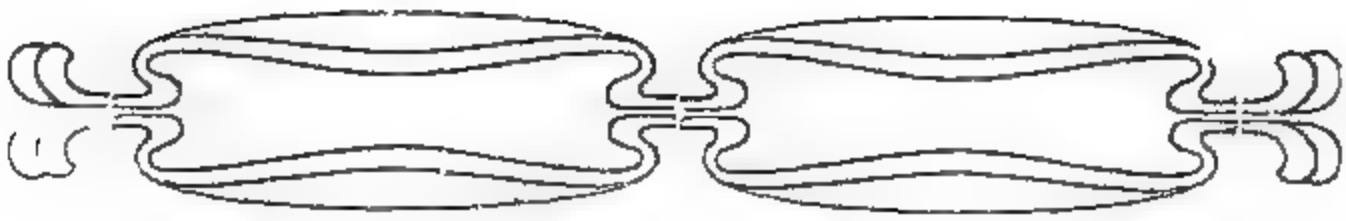
Дроздовъ, обѣднѣвшій домовладѣлецъ. Шатается по клубамъ, занимая деньги. Готовъ на всякую услугу.

Раиса Агаповна Тигрова, дама почтеннаго возраста.

Сашка, лакей-татаринъ во французскомъ ресторанѣ.

Лакеи-татары.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.



Кабинетъ въ ресторанѣ. Посрединѣ круглый столъ съ огромными канделябрами. Два лакея сервируютъ ужинъ. Налѣво столъ съ закусками.

С а ш к а *(приглаживая остриженную голову, смотритъ на закуску).* Узоръ хорошъ... Красное вино Папъ-Клеманъ... надо въ кипяткѣ обогрѣть!..

Д р у г о й л а к е й. Серьезные гости?

С а ш к а По телефону заказали изъ Окружнаго суда... Шампанское Поммери сэкъ... Температуру приказали основательную. *(Электрическій звонокъ въ коридорѣ).* Должно быть, собираются. *(Отворяетъ дверь и впускаетъ Дроздова, осматривая его съ ногъ до головы. Дроздовъ имѣетъ обтрепанный видъ).*

Д р о з д о в ъ. Изъ Окружнаго суда заказанъ ужинъ... Здѣсь, что-ли? Сейчасъ пріѣдутъ.

С а ш к а. Совершенно вѣрно-съ... ордевръ ришъ.

Д р о з д о в ъ *(разсматриваетъ).* Форшмакъ бы не мѣшало, да прикажи поджарить пяточекъ устрицъ... Нѣтъ-ли еще рѣдкостей какихъ?

С а ш к а. Супе заказано самимъ хозяиномъ. Дамы будутъ кушать? Прикажете бутоньерки изъ цвѣтовъ заготовить?

Дроздовъ. Положи двѣ штуки, а какъ взглянутъ на это—не знаю. Спросятъ, гдѣ кабинетъ Кулакова—зови сюда.

Сашка. Очень хорошо-съ. *(Убѣгаетъ. За нимъ слѣдомъ исчезаетъ и другой лакей).*

Дроздовъ *(у зеркала).* Сорвался, съ цѣпи-то, доволенъ... И невиновенъ, а чуть было не погибъ, потому что прошлое обрисовалось въ такомъ свѣтѣ, что ко всякому заключенію притти можно... *(Отходя отъ зеркала).* Отвыкъ я отъ французской кухни. Поди большіе успѣхи она сдѣлала. Въ мое время отличался ресторатор Дюссо. Бывало, соусъ сдѣлаетъ «пиканъ» или «Морни» тарелочку оближешь. *(За дверями голосъ Сашки—«пожалуйте». Входитъ Милягина, одѣтая въ черное платье. Дроздовъ снимаетъ съ нея ротонду).*

Милягина. Дроздовъ, пожалуйста, осторожнѣй съ ротондой. *(Прихорашивается у зеркала).* Я всегда говорила, Фима не виновенъ, но, согласитесь сами, эта обстановка... судьи, рѣчи, жандармы...

Дроздовъ. Я думалъ, что сегодня не кончится.

Милягина. Все зеркало исцарапано. *(Садится).* На меня страшно повліяла эта обстановка. Когда сказали—свидѣтельница Милягина, я чуть-чуть въ обморокъ не упала. Ужасно, ужасно!

Дроздовъ. Нда... оно, конечно, непріятно.

Милягина. Ну, развѣ можно допустить, чтобы Фима пошелъ на подлогъ? И какой подлогъ! Ну, будь это что-нибудь серьезное, а то всего десять тысячъ. *(Пауза).* Хорошо я говорила?

Дроздовъ. Ужъ, право, не знаю, Надежда Аполлоновна... я о себѣ больше думалъ.

Милягина. Я на судей почти не смотрѣла... разъ взглянула на прокурора, да и то машинально... Усищи огромные, рѣзкій какой-то, недовѣрчивъ, постоянно

переспрашиваетъ... Давно ли, говоритъ, вы познакомились съ подсудимымъ? Да ему какое дѣло—давно или недавно. А вы замѣтили, какъ онъ прицѣпился къ векселю, когда я упомянула о векселѣ Раисы Агаповны?

Дроздовъ. Глаза засверкали.

Милягина. Адвокатъ меня не удовлетворилъ. Пользуется извѣстностью, а чего-то въ немъ не хватаетъ. Жилки нѣтъ, жилки, необходимой для того, чтобы произвесть впечатлѣніе, кромѣ того, на нѣкоторыхъ словахъ запинается... Напримѣръ, слово «дисконтеръ» выговорилъ только съ третьяго раза. И фракъ на немъ былъ потертый.

Дроздовъ. Запоздали что-то наши гости.

Милягина. Въ судѣ заболтались... Фима, какъ соскочилъ со скамьи подсудимыхъ, заплакалъ, поцѣловалъ меня въ лѣвую щеку и поѣхалъ къ парикмахеру. Три дамы ему вслѣдъ «браво» кричали Но какіе моменты онъ пережилъ! Экспертиза документовъ, рѣчь прокурора, совѣщаніе присяжныхъ засѣдателей...

Дроздовъ. Прокуроръ почвы твердой подъ собой не имѣлъ, но сильно на подложность упиралъ.

Милягина. Поминутно... Потомъ одинъ изъ экспертовъ—такой лысый—пытался выразить сомнѣніе. Фиму передернуло даже... На каждомъ шагу—«мошенничество», «подлогъ», «грабежъ»... Въ прошлой жизни начали рыться, а ужъ хуже этого ничего нѣтъ: прежде онъ былъ молодъ и легкомысленъ... ну, можетъ быть, и пошаливалъ, да вѣдь это юность, а теперь онъ чистъ и благороденъ! Припомнили какой-то юношескій шантажъ... Да мало ли кто въ юности не увлекался.

Дроздовъ. Свидѣтели помогли, честные люди.

Милягина. Жаль, что ихъ всѣхъ не удалось на ужинъ пригласить... я говорю про наиболѣе симпатич-

ныхъ свидѣтелей. Публики масса... дисконтеры, ростовщики... И каждый пытаетъ тебя взглядомъ... У стола газетные репортеры... Напечатаютъ все...

(За дверями голоса Кулебякина и Трепакова, которые быстро входятъ).

Кулебякинъ. Еще разъ здравствуйте... *(Протягиваетъ руку)*. А не близкое мѣсто... мы торопились съ Мишей...

Трепаковъ. Адвокатъ тащится на ужасной клячѣ... Портфель подъ мышкой огромный...

Кулебякинъ. Я его во время перерыва въ буфетѣ въ четъ и нечетъ на три рублика наказалъ.

Трепаковъ. Я его знаю... Мы на купеческой свадьбѣ визави танцовали... какъ сейчасъ помню, онъ растянулся среди залы...

Кулебякинъ. Въ винтъ онъ хорошо играетъ. Въ концѣ рѣчи у него сегодня даже голосъ дрогнулъ.

Милягина. Вы думаете, это искренній порывъ? Онъ волновался; потому что боялся проиграть дѣло и получить, по условію, только половинное вознагражденіе... Искру въ адвокатѣ вы не найдете... Между мошенникомъ и честнымъ человѣкомъ онъ въ душѣ особенной разницы не дѣлаетъ.

Трепаковъ. Однако, эксперту отъ него досталось.

Милягина. Но глупые вопросы онъ этому эксперту предлагалъ. Напримѣръ, зачѣмъ онъ спросилъ: который нумеръ очковъ вы носите? Затѣмъ—играете ли въ мушку? Ужъ тутъ предсѣдатель его остановилъ.

Кулебякинъ. А меня спросилъ, женатъ-ли я!

Милягина. Вы мало говорили... сбивались.

Кулебякинъ. Не трудно, Надежда Аполлоновна, сбиться-то, когда вопросы пошли, напирали на прошлую жизнь Ефима Андреевича... А вы знаете по прошлому-то часто о настоящемъ судятъ... Всю жизнь плу-

товалъ, ну, значитъ и теперь тѣмъ же самымъ занимается...

Милягина. Грѣлись, питались около него, а потомъ топить.

Трепаковъ. Вы меня слушали, Надежда Аполлоновна, какъ я говорилъ... жандармъ прослезился... Двѣ старухи въ публикѣ платками глаза утирали... Во мнѣ заговорило, но правда прежде всего...

Милягина. По внутреннему содержанію отличались показанія Раисы Агаповны... Она уничтожила придирчиваго свидѣтеля враждебнаго лагеря.

Тигрова *(показывается въ дверяхъ съ ридикюлемъ въ рукахъ)*. Устала я страшно, насилу нашла этотъ ресторанъ... Здравствуйте... Ухъ... Душевно рада, что Ефима Андреевича въ Сибирь не сослали... Ну, что бы онъ въ Сибири дѣлать-то сталъ?

Дроздовъ. Раиса Агаповна, а васъ судья-то чуть-чуть не спуталъ насчетъ векселька-то? Все интересовался знать какіе вы проценты берете.

Тигрова. Ну, милый, меня никакой юристъ не спутаетъ... Я законы о ростовщичествѣ знаю основательно... Говорю, а законъ въ умѣ держу... Изъ публики слышу шепотъ про Ефима Андреевича: какъ бы не прогуляться ему въ Сибирь... А я всѣ доводы взяла, да и опровергла.

Милягина. Вы очень, очень душевно показывали.

Тигрова. Мнѣ за адвоката обидно было: гдѣ нужно говорить—онъ молчитъ. А взялъ, поди, много. У адвокатовъ вѣдь, какъ въ ресторанѣ, прейскурантъ... кража—столько-то, убійство—подороже. У меня постоянный адвокатъ есть Шлепензонъ... Сначала бралъ за дѣла поштучно, а теперь сто рублей за дюжину плачу.

Крылушкинъ *(показывается въ дверяхъ съ портфелемъ. Обтираетъ лобъ платкомъ)*. Всѣ въ сборѣ. А гдѣ же онъ? Гдѣ тотъ, котораго я, такъ, сказать,

грудью отстаивалъ? *(Бросаетъ на диванъ портфель и здоровается со всѣми).* Мнѣ въ моей практикѣ рѣдко приходилось выигрывать такія дѣла.

Милягина *(возмущаясь).* Что вы хотите этимъ сказать? Что Ефимъ Андреевичъ незаслуженно оправданъ?

Крылушкинъ. Никогда, но въ этомъ дѣлѣ есть какая-то туманность.., что-то недоговоренное... требовалась такая группировка фактовъ...

Тигрова. Адвокатъ все затушевать долженъ. А я вамъ скажу, господинъ повѣренный, что всѣ мы Ефима Андреевича по совѣсти защищали... По настоящему, намъ вашими деньгами подѣлиться бы слѣдовало. Можетъ быть, я его больше всѣхъ защищала.., прокуроръ-то меня испугался, даромъ что я дама.

Крылушкинъ *(не обращая на эти слова вниманія).* Стань я на другую точку, могло возникнуть сомнѣніе... я сумѣлъ оріентироваться, взвѣсить данныя и, такъ сказать, представить эссенцію.

Тигрова. На то вы и адвокатъ, чтобы стараться... я вонъ своего... вы знаете Шлепензона?.. дома заставляю репетицію дѣлать... сама за судей сяду, а ему приказываю рѣчь говорить и поправляю... ну, и выходитъ хорошо... фракъ ему новый изъ трико заказала.

Крылушкинъ. А вы, собственно, что же... чѣмъ изволите заниматься?

Тигрова. На старости лѣтъ глупости дѣлаю.

Крылушкинъ. То-есть какъ?

Тигрова. Деньги въ долгъ на проценты даю... не сочтите меня за ростовщицу, а просто такъ... великодушіе у меня такое, что чужую нужду видѣть не люблю...

(Входитъ Кулаковъ. Всѣ бросаются къ нему. Здороваются, цѣлуютъ, обнимаютъ, жмутъ руку. Кулаковъ вынимаетъ платокъ, утираетъ слезы и благодаритъ).

Кулаковъ. Господа... друзья мои... нѣтъ... не могу... спасибо, спасибо.

Милягина *(Тигровой)*. Ну, могъ-ли, Раиса Агаповна, человѣкъ, совершившій подлогъ, проявить подобную искренность... онъ плачетъ.

Тигрова *(Кулакову)*. Никогда не испытывала этого чувства, а какъ должно быть пріятно быть оправданнымъ.

Крылушкинъ. Мнѣ особенно пріятна эта встрѣча съ оправданнымъ кліентомъ.

Милягина. Почему это вамъ она особенно пріятна?.. Эта встрѣча всѣмъ намъ одинаково дорога и пріятна.

Тигрова. Ефимъ Андреевичъ, а что, со скамьи-то подсудимыхъ, поди, и смотрѣть страшно, виды разные кажутся. И жестко, вѣдь не обита скамейка-то.

Кулаковъ. Что я пережилъ, что я пережилъ! Сердце бьется, какъ никогда.

Тигрова. Да развѣ вы первый разъ судились?

Милягина *(отводя ее)*. Раиса Агаповна, да пощадите... развѣ можно дѣлать такіе безтактные вопросы убитому горемъ человѣку?..

Тигрова. Съ чего же ему убиваться-то? Что изъ тюрьмы на волю выпустили, свободу дали! Послѣ оправданія танцуютъ, а не плачутъ...

Милягина *(въ сторону)*. Въ ней нѣтъ совсѣмъ воспитанія... говоритъ такія вещи...

Кулаковъ. Господа... Надюша, Антонъ Антоновичъ, молодежь—водочки... *(Дроздовъ ужъ наливаетъ нѣсколько рюмокъ и самъ незамѣтно выпиваетъ три)*. Ноги подкашиваются, не въ состояніи стоять... Человѣкъ—стулъ!

Крылушкинъ *(Кулакову)*. Какъ вамъ понравилась, Ефимъ Андреевичъ, третья заключительная часть моей рѣчи? Помните, когда я говорилъ о подлогахъ вообще.

Кулаковъ. До сихъ поръ руки дрожатъ... не могу притти въ себя. Вы понимаете, Антонъ Антоновичъ, такое состояніе, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ совершилъ подлогъ.

Милягина. Фимушка, не думай ты лучше объ этомъ дѣлѣ, забудь ты про судъ и про рѣчи... вообрази, что ты ужинаешь послѣ маскарада.

Кулебякинъ *(съ рюмкой водки)*. За здоровье дорогого Ефима Андреевича.

Всѣ. Здоровье Ефима Андреевича... много лѣтъ жизни...

Тигрова *(поперхнулась)*. На чемъ эти французы водку настаиваютъ.., должно быть, на персидской ромашкѣ... все горло деретъ... Ефимъ Андреевичъ, за ваше здоровье.

Крылушкинъ *(Кулакову)*. Вы замѣтили сегодня въ моей рѣчи удачный афоризмъ?

Тигрова. Адвокатъ непремѣнно мудреное слово подберетъ. Вотъ тоже мой Шлепензонъ никогда не скажетъ: законно, а все говоритъ—легально.

Милягина *(въ сторону)*. Крылушкинъ надоѣлъ съ своими рѣчами.

Кулаковъ. По послѣдней, господа, а то консоме несутъ... общее здоровье... Раиса Агаповна... чокнемтесь.

Тигрова. Мерси... я разноцвѣтныя-то водки не особенно люблю. Покойникъ мужъ у меня предпочиталъ сорокотравку, а я никогда не любила.

Сашка. Консоме подано-съ.

Милягина. Господа, за столъ... Фимушка, ты около меня... господа, занимайте мѣста... Дроздовъ, не довольно ли вамъ... вы какъ будто экспертизу производите по части водокъ...

Дроздовъ *(жуетъ и говоритъ)*. Вторую только... оранжамеръ.

Кулаковъ *(Сашкѣ)*. Ты намъ, братецъ, послѣ

краснаго прямо холодное неси... мадеръ и хересовъ не надо... имѣй въ виду, мы больше никого не ждемъ и никого еще не пускай.

Сашка. Очень хорошо-съ. У насъ на этотъ счетъ строго. *(Разливаетъ шампанское).*

Тигрова. Я сегодня сижу въ судѣ и думаю: Ефимъ Андреевичъ не виновенъ, а вдругъ прошлая біографія погубитъ!.. Долженъ онъ мнѣ четыреста рублей, и не получу, пришлось бы простить... хорошо, что оправдали!..

Крылушкинъ. Во второй половинѣ первой части моей рѣчи я сдѣлалъ характеристику...

Дроздовъ *(въ сторону).* Опять о своей рѣчи... очень однообразенъ.

Милягина *(съ бокаломъ).* Здоровье Ефима Андреевича... если онъ по недоразумѣнію томился и страдалъ, то мы больше страдали, не видя его среди насъ. Фимушка, твое здоровье!

Всѣ. Ура... браво... сказано тепло. *(Кулаковъ цѣлуетъ руку Милягиной. Всѣ чокаются).*

Крылушкинъ *(надѣвъ пенснэ).* Милостивые государи, милостивыя государыни... въ настоящую минуту нами овладѣло одно искреннее чувство... насъ соединяетъ одна любовь къ дорогому Ефиму Андреевичу и радость по поводу сегодняшней блестящей моей побѣды. Я доказалъ, что невинному человѣку погибнуть нельзя... что никакая грязь, которой случайно его обрызгаютъ, не пристанетъ къ нему. Торжество мое— есть торжество правосудія.

Всѣ. Браво, браво... мило... хорошо... *(Чокаются).* Хотя все больше о себѣ... я, да я!

Кулаковъ *(встаетъ съ бокаломъ).* Дорогіе друзья, я пью здоровье всѣхъ тѣхъ, которые такъ сердечно отнеслись ко мнѣ, которые протянули невинно-погибающему руки и вытащили его изъ той бездны...

Сашка *(за нимъ другой лакей)*. Подавай живо...

Милягина. Тс... говорите тише, погоди. *(Лакеи останавливаются и какъ бы замираютъ на мѣстѣ)*.

Тигрова. Кончайте скорѣй, а то простынетъ.

Кулаковъ *(продолжая)*. Изъ той бездны, куда хотѣли его толкнуть... Сердце мое полно глубокой признательности... Благодарю, благодарю. *(Рукопожатія и поцѣлуи)*.

Крылушкинъ. Про свою защиту я могу сказать одно—это защита по глубокому убѣжденію... Успѣхъ ея равносильно дорогъ для васъ, Ефимъ Андреевичъ, и для меня.

Милягина *(въ сторону)*. Знаю я убѣжденіе адвоката. Сколько взялъ, да еще пятьсотъ потребуетъ.

Кулаковъ. Антонъ Антоновичъ, обнимаю васъ отъ всего сердца... Душа моя полна благодарности... Знаете что... Да нѣтъ , не могу... Не хватаетъ смѣлости на это предложеніе.

Крылушкинъ. Не стѣсняйтесь, Ефимъ Андреевичъ, я къ вашимъ услугамъ... Располагайте...

Кулаковъ. Еще, пожалуй, обидитесь, назовете меня невоспитаннымъ, но я вѣдь отъ души.

Крылушкинъ. Да говорите... сдѣлайте милость... За что же мнѣ обижаться... Кромѣ самыхъ симпатичныхъ отношеній, мы...

Кулаковъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ... Не взыщите... Позвольте сдѣлать вамъ сюрпризъ, чрезвычайно подходящій къ вамъ... Разрѣшите прислать завтра малиновый бархатный халатъ на память. Я купилъ его случайно и никогда не носилъ.

Крылушкинъ. Мнѣ остается только благодарить... Вы и безъ того щедры по отношенію ко мнѣ, но эта награда просто конфузитъ меня...

Кулаковъ. Отъ чистаго сердца... Носите его и вспоминайте...

Трепаковъ *(Кулебякину)*. Вѣдь мой халатъ-то. Помнишь, когда я проигрался, такъ отдалъ ему за тридцать три рубля.

Кулебякинъ. Такой халатъ, да ты потребуй назадъ.

Трепаковъ. Требовалъ, семьдесятъ рублей проситъ. Сохраненіе отъ моли, говоритъ, дорого стоило.

Кулебякинъ. Подобный халатъ продать—жидъ больше дастъ.

Тигрова. Въ такомъ халатѣ адвокату, если принять кого утромъ,—навѣрное дороже заплатятъ за совѣтъ. Бархатный-то не у всякаго содержателя банкирской конторы есть...

Кулаковъ. Знаете-ли, теплый халатъ, Антонъ Антоновичъ, стеганый.

Милягина *(въ сторону)*. Когда Фимушка выпьетъ, то дѣлается необыкновенно щедрымъ... Съ какой стати дарить халатъ!

Сашка *(подбѣгаетъ къ Кулакову)*. Ваше сіятельство, тамъ *(шепчетъ)*... двѣ дамы васъ спрашивали. Гдѣ, говорятъ, онъ, покажи... онъ у васъ... мы хотимъ его видѣть. Слѣдили за вами.

Кулаковъ *(громко)*. Какія меня дамы могли спрашивать?

Сашка. По уголовной части онѣ... уголовныя, что-ли... такъ вродѣ какъ мнѣ метръ-д'отель сказалъ.

Милягина. Уголовныя дамы... Онѣ несомнѣнно заинтересованы тобой, Фимушка... Человѣкъ, ты долженъ былъ сказать, что его нѣтъ.

Сашка. Не слушаютъ, крикъ подняли... Солонину Ибрагимъ несъ... уронилъ изъ-за нихъ... Требуютъ: подай, да и только.

Кулаковъ. Онѣ мнѣ въ судѣ надоѣли, разглядывали точно подъ микроскопомъ. Терпѣть не могу уголовныхъ дамъ.

Сашка. Мужчина тоже приходилъ... на газеты онъ пишетъ... газетчикъ, значитъ... Я тоже отказалъ. Спрашивалъ меню вашего супе, въ газету хочетъ тиснуть.

Кулаковъ. И отлично сдѣлалъ... Я этихъ сочинителей ненавижу... Ты не далъ ему меню?

Сашка. Але вузанъ, сказали... Онъ много что спрашивалъ... Но только у насъ больше нѣмыми представляются.

Кулаковъ. Откуда узнали, что я здѣсь?..

Сашка. Все знаютъ... Этотъ газетчикъ взглянулъ у швейцара—такъ вашу шубу и узналъ. Калоши разсматривалъ... Вѣдь ужъ они ничего не упустятъ... Насилу выжили его...

Кулаковъ. Безъ всякаго разговора прикажи въ шею гнать. И уголовныхъ дамъ, и репортеровъ.

Тигрова *(подходя къ Кулакову)*. Герой, вамъ можно два слова сказать по секрету?

Кулаковъ *(отводя ее въ сторону)*. Насчетъ чего, Раиса Агаповна?

Тигрова. По векселю-то дадите хоть что-нибудь?

Кулаковъ. Вотъ нашла время о глупостяхъ говорить. Откуда я возьму... дайте мнѣ хоть опомниться-то.

Тигрова. Ужъ пора бы опомниться... Вѣдь кабы я не дала три года тому назадъ, тоже, можетъ быть, судъ назначали за растрату чужого залога. Казнить васъ не хотѣла.

Кулаковъ. Отвяжитесь вы, Раиса Агаповна, какъ вамъ не стыдно въ эти моменты. *(Отходитъ прочь, Тигрова сердится и садится въ отдаленіи).*

Милягина *(тихо)*. Какъ піявка впилась... Ужасная женщина. Какъ дѣло векселя коснется—задрожитъ вся. Я бы на мѣстѣ Фимушки ей ничего не отдала. Квартира на мое имя, и взять невозможно.

Кулаковъ. Раиса Агаповна, стаканъ вина.

Тигрова *(ехидно)*. Очень вамъ благодарна... если бы я его обожала, то могла бы ренсковый погребъ дома открыть... Мы люди дѣловые, намъ напиваться нельзя... Я завтра въ судебной палатѣ должна быть.

Кулаковъ. Ужъ и разсердилась, какъ индюкъ на птичьемъ дворѣ... хоть бы для сегодняшняго дня дали снисхожденіе.

Тигрова. На васъ снисхожденія не дѣйствуютъ. Васъ вонъ, часъ тому назадъ, оправдали, а вы ужъ готовы каждаго обидѣть.

Милягина. Въ минуту общей радости... *(Всѣ встаютъ изъ-за стола и расходятся по кабинету)*. Въ минуту общей радости вы, Раиса Агаповна, готовы ядъ влить... Зашипѣли, какъ змѣя.

Тигрова. Я женщина коммерческая, у меня все въ расчетъ входитъ... Давши слово—держи его. У меня завтра, можетъ быть, платежъ жалованья. Я вѣдь не одна, у меня дома-то, можетъ быть, канцелярія.

Кулаковъ. Однако, довольно... Знаете, я этого не люблю, Раиса Агаповна... Мнѣ не нравится... Я не бѣгу... Обратитесь къ суду. Ну, что, молодые люди... *(Онъ подходитъ къ Кулебякину и Трепакову)*.

Кулебякинъ *(тихо)*. Ефимъ Андреевичъ, вы не забыли... послѣдній разъ въ клубѣ вы мнѣ остались должны сорокъ три рубля тридцать копѣекъ.

Кулаковъ. Я? Нѣтъ, не помню... Должно быть, я отдалъ.

Кулебякинъ. Вы еще сказали мнѣ—сочтусь при первомъ свиданіи, а потомъ васъ арестовали.

Кулаковъ. Извините, голубчикъ,—не помню. Положительно, не помню... Это было такъ давно.

Трепаковъ. При мнѣ вы говорили ему, Ефимъ

Андреевичъ... Онъ даже занялъ у меня двадцать рублей подъ вашъ долгъ.

Кулаковъ. Положительно изъ головы вонъ.

Трепаковъ. Какъ сейчасъ помню, вы поставили ремизъ на семерку пикъ...

Кулебякинъ. Помните, еще вы съ Носовичемъ поссорились, который взялъ взятку...

Кулаковъ. То-есть, ничего не помню. Вообще, переживая такіе моменты... Ахъ, какъ я страдалъ... какъ я страдалъ и мучился! Да оно, конечно, можетъ быть, но теперь... извините...

Кулебякинъ. Всего сорокъ три рубля.

Кулаковъ. Сколько безсонныхъ ночей, сколько терзаній. Какіе сны я видѣлъ...

Трепаковъ. Сорокъ три рубля съ копѣйками.

Кулаковъ. А моментъ, когда ушли совѣщаться присяжные засѣдатели... Этотъ моментъ мнѣ цѣлымъ годомъ показался. Каково положеніе сознавать свою правоту, и...

Кулебякинъ. Я теперь очень нуждаюсь.

Кулаковъ *(не слушая)*. Но зато, когда старшина прочелъ «не виновенъ»... Нѣтъ, я не въ силахъ передать этотъ моментъ... нельзя его передать... Перечувствовать надо, чтобы понять его. Пережить надо. Господа, вина, что же вы забыли про вино?

Кулебякинъ *(Трепакову)*. Гм... вотъ оно что.

Трепаковъ. Я тебѣ говорилъ.

Кулебякинъ. Честное слово. А я изъ-за него прослезился на судѣ... вѣдь дѣйствительно онъ въ этомъ-то дѣлѣ чистъ...

Трепаковъ. Записалъ бы въ книгу и получилъ бы.

Милягина. Фима, не пей много, ты и безъ того въ возбужденномъ состояніи... Здоровье твое расшатано...

Тигрова *(въ сторону)*. Посмотрю, какъ онъ запоетъ, когда снова попадется... Ужъ до сихъ поръ подлога не сдѣлалъ, такъ въ будущемъ ему не обойтись безъ него... любитъ онъ эту магію-то...

Крылушкинъ. Ефимъ Андреевичъ.... вы мнѣ сдѣлали такой прекрасный подарокъ — презентовали халатъ. Я не хочу оставаться въ долгу и желалъ бы... Ахъ, какъ это щекотливо...

Кулаковъ. Съ какой стати, Антонъ Антоновичъ... вы меня обижаете... Стоитъ-ли вспомнить о пустякахъ!

Крылушкинъ. Нѣтъ, мнѣ именно хочется, Ефимъ Андреевичъ, сдѣлать вамъ, въ свою очередь, что-нибудь пріятное... Знаете что... Я предложу вамъ не прямо, а, такъ-сказать, издалека... Вообразите, Ефимъ Андреевичъ, что не я у васъ ужинаю, а вы у меня.

Кулаковъ. Какъ-то неясно... Я не совсѣмъ понимаю.

Милягина. А я догадываюсь... идея очень хороша.

Крылушкинъ. Выражусь проще... Сегодняшній ужинъ даете не вы, а я. Именно я, вашъ защитникъ... даю его въ честь дорогого кліента. Я васъ угощаю.

Кулаковъ. Позвольте, Антонъ Антоновичъ, я приглашалъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, а вы... Да нѣтъ, я протестую, положительно протестую.

Крылушкинъ. Въ другой разъ я охотно приму вашъ ужинъ... но сегодня мы васъ чествуемъ. Это мое сердечное желаніе, и я прошу васъ согласиться. Вы мнѣ предложили халатъ, я могъ обидѣться, но я понялъ, что вы дарите мнѣ отъ души... Имѣете ли вы послѣ этого нравственное право отказаться отъ моего предложенія?

Кулаковъ. Упрямецъ... Что жъ... ужъ если вы такъ настаиваете... хоть и непріятно это, пусть бу-

детъ по вашему, полюбилъ я васъ очень. Дайте васъ поцѣловать. Уговоръ лучше денегъ—завтра ужъ мой ужинъ и на этомъ мѣстѣ.

Крылушкинъ *(протягиваетъ руки)*. По рукамъ, значитъ.

Кулаковъ. Вотъ кабы такихъ адвокатовъ, да побольше... хорошо бы было.

Тигрова *(въ сторону)*. Радъ радешенекъ въ душѣ-то, что платить не придется... Везетъ каналью... *(Крылушкинъ звонитъ, является Сашка, которому онъ приказываетъ подать бутылку вина и уходитъ расплачиваться)*.

Милягина *(отводитъ Кулакова въ сторону)*. Фима, и отлично, пусть его по счету платитъ. Мнѣ очень жаль только, что ты обѣщалъ ему подарить роскошный халатъ... Халатъ дороже этого ужина... У насъ въ окна дуетъ, тебѣ бы самому пригодился...

Кулаковъ. А кто мнѣ мѣшаетъ не послать ему этого халата? Скажу, что украли, и кончено дѣло. Надобности мнѣ въ адвокатѣ послѣ окончанія процесса рѣшительно никакой нѣтъ...

Милягина. У тебя замѣчательно практическій взглядъ на вещи.

Тигрова *(выступая впередъ)*. Вы хоть бы, Ефимъ Андреевичъ, въ видѣ любезности, проценты-то отдали. Вѣдь я съ васъ только четыре въ мѣсяцъ взяла, а съ родного брата семь брала.

Кулаковъ. Нѣтъ ужъ, Раиса Агаповна, это изъ рукъ вонъ. Такъ можно и изъ терпѣнія человѣка вывести... Вы моего спокойствія не нарушайте... я смиренъ до поры до времени. Вѣдь вы меня у скамьи подсудимыхъ, когда я только ступилъ съ нея, просили вамъ заплатить. Имѣйте же состраданіе къ измученному человѣку... Наконецъ, у васъ документъ—взыскивайте съ меня.

Милягина. Будете приставать—ничего не получите.

Тигрова. Да? Ну, это мы, голубушка, посмотримъ. Вотъ вы какъ заговорили, я думала, что домъ предварительнаго заключенія васъ исправитъ...

Кулаковъ. Вы бы потише... вѣдь здѣсь общественное мѣсто, Раиса Агаповна.

Тигрова. Я считала васъ честнымъ и по совѣсти это показывала...

Милягина. Какъ вамъ не стыдно нарушать то настроеніе, въ которомъ мы находимся подъ вліяніемъ общей радости, общаго счастья.

Кулебякинъ. Ефимъ Андреевичъ, какъ же относительно тѣхъ сорока трехъ рублей?

Тигрова. Часъ, какъ изъ суда вышелъ, а со всѣми перессорился, всѣхъ обманулъ.

Кулаковъ. Кончится тѣмъ, что меня изъ кабинета выгонятъ. Не угодно ли вамъ!.. Со всѣхъ сторонъ привязались и не вырвешься. Господа... дайте вы мнѣ успокоиться то... Дайте вздохнуть-то свободно... Я посѣдѣлъ за это время... Нервы мои разстроены до послѣдней степени... Нельзя же быть такими варварами.

Тигрова. Добро бы денегъ не было, а то знаемъ гдѣ онѣ и на чье имя спрятаны.

Милягина *(зло)*. Вы напрасно бросаете камушки въ мой огородъ, Раиса Агаповна. Я чужихъ денегъ не скрываю... У насъ съ Фимой все общее.

Крылушкинъ *(вбѣгая)*. Ефимъ Андреевичъ, Надежда Аполлоновна, господа... по послѣднему стакану добраго вина... посмотрите, какъ оно играетъ.

Кулаковъ. Теперь ужъ ваше здоровье, Антонъ Антоновичъ. Господа, здоровье Антона Антоновича, которому я такъ обязанъ! Никогда не забуду той нравственной поддержки, которую вы мнѣ оказали. Позвольте васъ поцѣловать еще.

Милягина. Отъ души присоединяюсь къ этому тосту, движимая любовью къ Фимѣ. Я въ васъ ошиблась, Антонъ Антоновичъ... Сознаюсь, что вообще я не люблю адвокатовъ и не вѣрю въ ихъ искренность, но вы меня убѣдили въ совершенно противномъ. Намъ нужно побольше такихъ симпатичныхъ людей.

Кулаковъ. Въ моей жизни, говорю откровенно, трижды чуть было я не сдѣлался жертвой судебной ошибки... Я судился въ Москвѣ, въ Кіевѣ, наконецъ, сегодня въ Петербургѣ и все по разновиднымъ дѣламъ... Мнѣ приходилось часто сталкиваться съ юристами, такъ-сказать, 84-й пробы, платить имъ большія деньги, но души въ нихъ не видѣлъ. Первый разъ я встрѣтилъ въ юристѣ такую душу.

Крылушкинъ. Не вы одинъ, Ефимъ Андреевичъ, а десятки людей, которыхъ я спасалъ отъ хладной Сибири и непривѣтливой тюрьмы, говорили мнѣ то же самое... Вы невиновны, вы правы, вы не совершали преступленія, но вѣдь дѣло такъ запутано, столько крючковъ... Ахъ!.. лучшая награда для защитника— это искренній отзывъ его кліента.

Милягина. Этотъ халатъ, который завтра пришлетъ Ефимъ Андреевичъ, вамъ придется укоротить: онъ длиненъ вамъ, но какой халатъ... Мягкій, пріятный... Чудная вещь.

Кулаковъ. Плохую вещь я бы и не осмѣлился предложить Антону Антоновичу. Ну-съ, господа, допьемъ, да и разойдемся... Нѣтъ такой компаніи, которая бы не расходилась.

Тигрова. Что же, такъ я ничего сегодня и не получу? Отраднаго и ждать нечего.

Кулаковъ. Такъ, Раиса Агаповна, ничего и не получите. Имѣйте терпѣніе и относитесь къ людямъ по-человѣчески.

Крылушкинъ *(звонитъ, является Сашка)*. Еще бутылку, живо!..

Кулаковъ. Антонъ Антоновичъ, что касается меня, не могу. Силъ нѣтъ... Волненія, перенесенныя мною...

Милягина. Наши волненія трѣбуютъ тишины и спокойствія.

Крылушкинъ. По послѣднему стаканчику... Вотъ и несутъ, посмотрите.

Кулаковъ. Вы посидите лучше еще, а ужъ мы поѣдемъ. Глаза закрываются... Спасибо тысячу разъ... за угощеніе... за все спасибо... Дроздовъ, вы, конечно, посидите... вы можете до утра сидѣть... Ну, а мы съ Надюшей поѣдемъ.

Милягина. До свиданія, Раиса Агаповна.

Крылушкинъ. Раису Агаповну я не отпущу, она обязана выпить съ нами послѣдній стаканъ.

Тигрова. Придется вексель передать Шлепензону... медлить тутъ нельзя... *(Въ сторону).* Досадно мнѣ теперь, что онъ подлога-то не совершилъ.

Милягина. Она все о своемъ... Ужасно упряма.

Крылушкинъ *(отводя Кулакова).* Ефимъ Андреевичъ, вы меня извините, но вы не забыли нашего условія?

Кулаковъ. Насчетъ завтрашняго ужина?

Крылушкинъ. Нѣтъ... я про дѣловое условіе говорю... Вы мнѣ даже на скамьѣ говорили, что въ случаѣ оправданія—пятьсотъ рублей.

Кулаковъ. Еще пятьсотъ рублей? Большой вы шутникъ, Антонъ Антоновичъ... Я отлично помню, что имѣлъ намѣреніе вознаградить васъ въ случаѣ оправданія, что и высказывалъ неоднократно.

Крылушкинъ. Совершенно вѣрно, значитъ вы не отрицаете этого въ принципѣ?

Кулаковъ. Если бы я отрицалъ, то, вѣроятно бы, не предложилъ вамъ роскошнаго халата.

Милягина. Что за чудная вещь этотъ халатъ!

Крылушкинъ. Но позвольте, по условію я долженъ получить пятьсотъ рублей. *(Всѣ прислушиваются).* Это куда болѣе пріятно, нежели ношенный халатъ! Надѣюсь, что вы сдержите уговоръ.

Кулаковъ. Тутъ, какъ я вижу, просто вкралось недоразумѣніе, Антонъ Антоновичъ. Вы не разслышали тогда меня, я не разслышалъ васъ, но мы это завтра уладимъ...

Крылушкинъ. Напоминаю вамъ еще... Вчера въ судѣ, послѣ обѣденнаго перерыва, вы сказали мнѣ, что, при благопріятномъ исходѣ дѣла, въ чемъ я не сомнѣвался, сейчасъ отдадите мнѣ пятьсотъ рублей.

Трепаковъ *(въ сторону)*. Всѣхъ объегоритъ.

Тигрова. Не отдастъ, ни копѣйки не отдастъ. Вотъ Шлепензонъ бы мой съ него получилъ... Тотъ бы еще во время преній вытянулъ.

Крылушкинъ. Не нужно, слышите-ли, не нужно мнѣ вашего халата... Я требую мои заработанныя деньги... О... сколько я надѣлалъ глупостей и въ довершеніе всего обязался за ужинъ платить!

Кулаковъ. Заплатить за ужинъ это было ваше душевное желаніе, вы съ ножемъ къ горлу приставали.

Крылушкинъ. Если вы мнѣ сейчасъ же не отдадите мои деньги, я завтра же этотъ фактъ гласности предамъ... что тутъ церемониться.

Кулаковъ *(язвительно)*. Очень прискорбно, что вы, милостивый государь, такъ непослѣдовательны... Часа три тому назадъ, вы распинались за меня на судѣ, называя меня образцомъ великодушія, а теперь увѣряете, что я васъ обсчиталъ... Однако, я не такой дурной человѣкъ и пришлю вамъ завтра халатъ.

Милягина. Кто могъ думать, что такъ пріятно проведенный вечеръ окончится пикировкой.

Тигрова. Самымъ тончайшимъ манеромъ всѣхъ сбанули, Ефимъ Андреевичъ... Совершите подлогъ

снова, въ тюрьмѣ очутитесь, калачика не отъ кого не увидите.

Кулебякинъ. Какіе-нибудь сорокъ три рубля...

Трепаковъ. Небось, самъ выигралъ, такъ халатъ съ плечъ стянулъ... Вотъ этотъ самый, что вамъ презентуетъ.

Крылушкинъ. Изъ-за этой защиты я, можетъ быть, мою репутацію подорвалъ, которая «чище снѣга Альпійскихъ вершинъ». Хотя онъ въ этомъ дѣлѣ не виноватъ, но вѣдь личность-то темная...

Кулаковъ. Э, полноте, Антонъ Антоновичъ... Никто васъ не тянулъ защищать меня. Сами вы разлетѣлись ко мнѣ съ предложеніемъ... просили, чтобы я хлопоталъ о назначеніи васъ мнѣ въ защитники... дѣло громкое, въ нѣкоторомъ родѣ злоба дня... выиграли, устроили себѣ рекламу... получите халатъ.

Крылушкинъ *(бѣгая по комнатѣ)*. А если прокуроръ перенесетъ дѣло дальше? Вотъ тогда вы у меня попрыгаете.

Кулаковъ. Надежда Аполлоновна, поѣдемте домой. Я чувствую необходимость успокоиться. Еще разъ, господа, благодарю васъ всѣхъ. Не знаю, за что вы сердитесь, но у меня къ вамъ навсегда сохранится чувство искренней признательности. Это не слова... это голосъ чувства, голосъ сердца... вы возвратили обществу человѣка, который ничего противозаконнаго не совершилъ и который достоинъ этого общества. Спасибо, спасибо... А халатомъ вы, Антонъ Антоновичъ, не брезгайте... Желаю васъ скоро увидѣть въ этомъ халатѣ.

(Уходитъ съ Милягиной; лакеи отворяютъ двери и провожаютъ ихъ. Оставшіеся въ кабинетѣ быстро расхаживаютъ по угламъ взадъ и впередъ—кто ворчитъ, кто дуется, кто жестикулируетъ. Нѣмая сцена. Дроздовъ не отходитъ отъ стола).

Тигрова *(послѣ паузы становится, подбоченясь, посреди сцены. Прочіе обступаютъ ее).* Каковъ виновникъ-то торжества... Если бы было мѣсто дальше Сибири, да была бы власть у меня, я бы его туда отправила.

Крылушкинъ. Удивительно умѣлъ всѣхъ расположить къ себѣ, но какъ только оправдали—снова сказался. Характеръ желѣзный.

Тигрова. Онъ гіену къ себѣ расположитъ, и та его не укуситъ... Кто знаетъ, какія я услуги ему оказывала? Ни одного гешефта безъ меня не сдѣлалъ. На выручку призывалъ кого? Раису Агаповну. Кто совѣтъ давалъ? Раиса Агаповна. Кто въ тюрьму кренделі посылалъ? Раиса Агаповна.

Крылушкинъ. Лѣшій меня надоумилъ заплатить за ужинъ... поилъ всѣхъ шампанскимъ... нѣтъ, во всякомъ случаѣ я этого такъ не оставлю... я съ нимъ еще поговорю.

Кулебякинъ. Мнѣ человѣку маленькому сорокъ три рубля не отдалъ...

Дроздовъ *(хладнокровно).* Какъ будто вы, господа, не знаете привычекъ Ефима Андреевича.

Крылушкинъ. Вотъ у насъ часто нападаютъ на адвокатовъ но я васъ спрашиваю, кто же, кромѣ адвоката, способенъ на подобное? Его обманываютъ, а онъ шампанскимъ поитъ.

Тигрова. Ну, вы, милый, тоже себѣ на умѣ; кабы васъ раньше обманули, такъ вы бы угощать не стали. Пора намъ и по домамъ... Утро вечера мудренѣе... Можетъ быть, завтра съ Шлепензомъ найдемъ на него подходящую статью въ законѣ.

Крылушкинъ. Съ одной стороны успѣхъ, выиграно дѣло, шумъ въ газетахъ... съ другой стороны такая непріятность! Просто голова трещитъ. *(Всѣ берутъ шляпы, и Раиса Агаповна надѣваетъ накидку).*

Тигрова. Если увижу,—Ефимъ Андреевичъ въ Невѣ тонетъ... такъ городового не кликну... тони, молъ, глубже тони, коли долговъ платить не хочешь... Охъ... передамъ его завтра въ руки Шлепензону и пусть онъ казнь ему придумаетъ. Одного теперь желаю, чтобы онъ все-таки подлогъ совершилъ, чтобы прокурору было за что ухватиться и осудить его.

Занавѣсъ.

Въ ссудной кассѣ.

Картинка Петербургекой жизни

въ одномъ дѣйствіи.

Представлено въ первый разъ на сценѣ Александрин-
скаго театра.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Моисей Берковичъ Шмулевичъ, содержатель кассы ссудъ. Говоритъ съ акцентомъ. Одѣтъ модно и завитъ.

Семенъ, молодой лакей холостого барина.

Никита, дворникъ изъ сосѣдняго дома.

Синеоковъ, молодой франтъ со стеклышкомъ въ глазу.

Миловзоровъ, его пріятель, плохо одѣтый, но старающійся держаться съ апломбомъ. Очень важенъ.

Старуха, живущая въ углахъ того дома, гдѣ помѣщается ссудная касса Шмулевича.

Косматовъ. провинціальный актеръ-трагикъ.

Неизвѣстный.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Сцена представляетъ комнату съ прилавкомъ и конторкой. Всѣ стѣны увѣшаны платьемъ и тряпьемъ. Въ углахъ разный хламъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Шмулевичъ, потомъ **Семенъ**.

Шмулевичъ *(разсматриваетъ, чрезъ увеличительное стекло, часы и напѣваетъ арію Тореадора изъ «Карменъ»)*. Ходъ хорошій... Если въ срокъ не возьмутъ, оставлю для себя... Циферблатъ немнозко порценый, а ходъ вѣренъ...

Семенъ *(входя)*. Моисею Беркычу почтеніе...

Шмулевичъ. Сто нузно! Зравствуйте...

Семенъ. Насчетъ свѣтлой пары, которую вчера закладывалъ... Самъ въ гости сегодня ѣдетъ, такъ выкупить велѣлъ...

Шмулевичъ. Охъ, узъ эти мнѣ гесефты... не успѣютъ залозить—подай опять...

Семенъ. А вамъ самому пощеголять хочется... Видѣлъ васъ въ клубѣ-то... Пинжакъ моего барина сразу узналъ.

Шмулевичъ. Стозъ у меня не можетъ быть такой пинзакъ, какъ у твоего барина?

Семенъ. Матерья съ искрой, опять же и широкъ онъ вамъ... Да мнѣ что—щеголяйте... Пожалуйте пару... Получите четыре рубля съ гривенникомъ... Вотъ и квитанція!

Шмулевичъ. Сицасъ... Охъ, узъ мнѣ эти гесефты!

Семенъ. Чѣмъ это вы, Моисей Беркычъ, обсыпаете платье. Не начихаешься!

Шмулевичъ. Парасокъ отъ моли.

Семенъ. Страсть... хуже нюхательнаго табаку.

Шмулевичъ *(отдавая пару)*. Полуците.

Семенъ. Сегодня до котораго пріемъ-то у васъ?

Шмулевичъ. Девять цасовъ вечера запираюсь!

Семенъ. Неравно баринъ изъ гостей возвратится, раздѣнется, такъ велитъ пару опять снести...

Шмулевичъ. Сцеголь вашъ баринъ.

Семенъ. Женится—тогда прощайте!.. Жилетки не увидите!.. Это пара-то, вы знаете, какая? Аглицкая... Фасонъ французъ кроилъ, разъ тридцать со счетомъ прибѣгалъ...

Шмулевичъ. Бальсой сцетъ!

Семенъ. Къ мировому не подавалъ еще, не знаю! У насъ портныхъ просто ужасти сколько, и какъ только баринъ заказывать умудряется... Шьютъ, шьютъ и шьютъ... Сами видите, какой у васъ гардеробъ сохраняется... Одинъ нѣмецъ обѣщалъ мнѣ визитку выворотить задаромъ, коли баринъ ему уплатитъ! Моисей Беркычъ...

Шмулевичъ. Ну?

Семенъ. Не навернется-ли фракъ подходящій?

Шмулевичъ. Пригнать мозно. Дорого не возьму!

Семенъ. Обѣщалъ жалованье отдать. Хочу фракомъ обзавестись... На свадьбу куда поѣхать—не въ чемъ. Вы женитесь, и къ вамъ не въ чемъ!..

Шмулевичъ. Зениться собираюсь. Тогда на фарсированную сцуку милости прошу.

Семенъ. Заговорился, баринъ торопится... *(Нюхаетъ платье)*. Ишь, надушили-то какъ. Камфора не камфора, чортъ знаетъ что. *(Протягиваетъ Шмулевичу руку)*. Семнадцатый разъ эту пару отъ васъ тащу. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Шмулевичъ, Синеоковъ и Миловзоровъ.

(Синеоковъ и Миловзоровъ сначала разговариваютъ между собой).

Синеоковъ. Я, Пьеръ, того мнѣнія, что одно пальто мы заложить можемъ. Хотя бы, напримѣръ, твое!

Миловзоровъ. Отчего же не твое? За твое дороже дадутъ, оно моднѣе...

Синеоковъ. Мое мы можемъ носить попеременно.

Миловзоровъ. Резонъ... Но за мое много не дадутъ!

Синеоковъ. Достаточно... Намъ нужно взять извозчика до «Аркадіи», а тамъ мы займемъ...

Миловзоровъ. Но у кого? Въ послѣдній я разъ занялъ у Вихляева три рубля, такъ вѣдь...

Синеоковъ. Вѣдь далъ?

Миловзоровъ. Но какъ далъ — отвяжитесь! Положимъ, мнѣ всѣ равно, но физіономій надутыхъ не люблю... Пріятно, когда даютъ отъ души!

Синеоковъ. Попугаевъ дастъ.

Миловзоровъ. Оставьте надежды... Попугаевъ увидитъ насъ съ вами и сейчасъ въ кусты, за театръ...

Синеоковъ. Зачѣмъ загадывать, кто-нибудь да попадется. Такіе пустяки.

Миловзоровъ. Изволь, заложимъ мое, но только помни... выкупъ на общій счетъ. И затѣмъ завтра

утромъ я поѣду въ твоемъ пальто... у меня визитъ къ одной дамѣ.

Синеоковъ. Уговоръ лучше денегъ. *(Шмулевичу)*. Послушайте, пальто нельзя ли заложить. *(Миловзоровъ снимаетъ пальто)*. Пожалуйста, поскорѣй, а то еще войдетъ кто-нибудь... Меня всѣ знаютъ... Мы забыли дома деньги, а возвращаться не хочется...

Шмулевичъ. Мозно!.. Позвольте смотрѣть... *(Беретъ пальто)*.

Синеоковъ. Нельзя-ли не разсматривать... поскорѣй... Меня, Пьеръ, это какъ будто шокируетъ. Случайность,—а шокируетъ.

Миловзоровъ. Я никогда ничего не закладывалъ!

Синеоковъ. Я первый разъ и признаюсь, того... неловко...

Шмулевичъ *(улыбается, глядя на пальто)*. Старый знакомецъ!

Синеоковъ. Кто?

Шмулевичъ. Васе пальто у меня въ гостяхъ было.

Миловзоровъ. Ну, нѣтъ, милѣйшій, вы ошибаетесь... Я, во-первыхъ, никогда не прибѣгаю къ такимъ операціямъ, а, во-вторыхъ, живу далеко отъ васъ... на Моховой, такъ что могъ бы, если вздумалъ, заложить по близости...

Шмулевичъ. Я презде въ Моховой дерзалъ касса.

Синеоковъ *(въ сторону)*. Правъ каналья, поддѣлъ... *(Вслухъ)*. Вѣроятно, шашни моего лакея, котораго я вскорѣ прогналъ.

Шмулевичъ. Три рубля я могу видавать...

Синеоковъ. Но, послушайте, однако, неужели за подобное пальто нельзя дать... ну, хотя бы четыре рубля.

Шмулевичъ. Воротникъ тертый... Ластикъ въ подкладкѣ порценый... Три рубля мозно...

Миловзоровъ. Собственно говоря—прандронъ, потому что сетасэ.

Синеоковъ. Пожалуй, оно, конечно... до завтра... не стоитъ торговаться... Давайте...

Шмулевичъ. Фамилія?

Синеоковъ *(быстро)*. Ивановъ! *(Беретъ квитанцію и деньги)*. Практичнѣе было бы запастись каретой.

Миловзоровъ. Шансъ тотъ, чго можно прокатиться на стрѣлку... да и вообще не трясетъ...

Синеоковъ. Только у Симеоновскаго моста не бери... Послѣднихъ рессоръ забыть не могу... Спина болитъ... Двигаемся...

Шмулевичъ. До свиданія!

Миловзоровъ *(уходя)*. Надо въ мелочной лавочкѣ папиросъ десятокъ купить... дешевыхъ, въ портсигарѣ не разглядятъ...

Синеоковъ. Минутку погоди... что у меня лицо не забрызгано грязью?

Миловзоровъ. Ничуть...

Синеоковъ. Рубашка чиста?

Миловзоровъ. Безукоризненна...

Синеоковъ. Ага... я очень доволенъ новой прачкой... Вѣдь у меня исторія съ прежней...

Миловзоровъ. Какая?

Синеоковъ *(тихо)*. Задержала бѣлье... Приспичило ей деньги требовать... Подай, да падай! Такъ ничего и не отпустила... Я отправился въ прачешное заведеніе, снялъ сорочку и отдалъ въ стирку, а самъ дожидался два часа въ фуфайкѣ... Читалъ газеты... Сначала было стыдно, но потомъ—ничего! Ѣдемъ... Какъ это пѣла Тео... Тамъ тарари тарарамъ, тарари, татарамъ... *(Отворяетъ дверь)*. Ты первый—проходи!

Миловзоровъ. Нѣтъ, ты!

Синеоковъ. У тебя пальто — тебѣ преимущество...

Миловзоровъ. Нѣтъ, ты...

Синеоковъ Въ такомъ случаѣ позвольте предложить вамъ руку и выйдемъ вмѣстѣ... *(Они уходятъ подъ ручку).*

Шмулевичъ *(надѣвая пальто Синеокова).* Холодно, мозно погрѣться... Кургузый фасонъ и сукно русское.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Шмулевичъ и Старуха.

Старуха. Здравствуйте, Моисеичъ батюшка, здравствуйте, красавчикъ.

Шмулевичъ. Позалуйста скорѣе, ты публику разгонишь... Неприлицное платье твое...

Старуха Мужъ-то мой, чтобъ ему провалиться, опять запилъ, негодный... Фиціантъ и пьяница, да какой пьяница—горькій. Сегодня кухмистръ Поликарповъ присылалъ за нимъ, свадьба, люди нужны... Выкликать здравіе молодыхъ и родственниковъ ихъ, онъ у меня это умѣетъ, потому басъ... и запилъ!..

Шмулевичъ. Ницего настоющій целовѣкъ!

Старуха. Сидитъ подбоченясь въ питейномъ домѣ Облизалова и пьетъ, негодяй... Я говорю: фиціантъ ты, или нѣтъ? Пошла, говоритъ, прочь... Кухмистръ, говорю, Поликарповъ за тобой присылалъ. Поди, говоритъ, прочь... Фракъ-то, говорю, пожалѣй, конфузишь вѣдь его, и безъ того онъ блеститъ... Поди, говоритъ, прочь...

Шмулевичъ. Узе это мнѣ скуцно... будетъ!..

Старуха. Я Облизалову—кабатчику говорю, какъ, говорю, тебѣ поить его не стыдно, видишь, говорю, у него ноги-то, какъ прутья, отъ вѣтра трясутся...

Шмулевичъ. Харасенько за волосы его...

Старуха. Кого? Мужа-то... У него, у пьяницы и

волосъ-то нѣтъ... Баки только пушистые... И хотѣла было, да побоялась... Жалость взяла... Изъ-за бакъ его кухмистры-то больше и держатъ... Длиннѣй его бакъ по Петербургу не сыщешь... По бакамъ его мѣсто въ клубѣ, а онъ пьянствуетъ...

Шмулевичъ. Сто зе нузно тебѣ?

Старуха. Не пускаютъ его безъ двугривеннаго... лишнее перепилъ... Заплати, говоритъ Облизаловъ,— тогда отпущу... Гдѣ мнѣ взять?

Шмулевичъ. У тебя нѣтъ, у меня есце меньсе!

Старуха. Моисеичъ, красавчикъ, у васъ-то хватитъ мостовую вымостить, вы изъ одного процента по шубѣ въ день скроите... Двадцать копѣекъ одолжите... не забуду такого благодѣянія... Кухмистръ другой разъ не позоветъ—разсердится... Двугривенный!

Шмулевичъ. Обезпеценіе гдѣ?

Старуха. Чѣмъ же тебя обезпечить-то, Моисеичъ?... Всѣмъ, кажется, обезпечила, потому все у тебя. Калоши хозяйка угловъ подарила, и тѣ у тебя. Полотенце нешто, одно у меня есть.

Шмулевичъ. Тасци... помогу!

Старуха *(вынимаетъ изъ кармана полотенце)*. Охъ, со мной оно, да отдавать-то жалость... хорошее оно...

Шмулевичъ *(даетъ деньги)*. Восемнадцать копѣекъ—обирай нацисто!

Старуха. Двадцать надо, Моисеичъ!

Шмулевичъ. Двѣ копѣйецки за тобой были. Помнись?

Старуха. Какъ не помнить... на заварку чая занимала. Да теперь-то двугривенный нуженъ.

Шмулевичъ. Концено... больсе нѣтъ. Самъ нуздаюсь! Попроси у дворника , онъ тебѣ одолзитъ.

Старуха. Одолжилъ одинъ такой. Онъ вродѣ мужа моего. Пойду въ табашкѣ попрошу, я тамъ разъ папиросъ десятокъ цѣлый купила.

Шмулевичъ. До свиданія!

Старуха. Квитанція-то гдѣ-жъ?

Шмулевичъ. На мелочь не нузно... безъ квитанціи...

Старуха. Ужъ коли только да мужъ мой къ кухмистру не попадетъ... Не пожалѣю... Себя погублю, его погублю, а баку ему оборву... Облизаловой женѣ въ ножки упаду, чтобы она своему мужу воспретила моего спаивать. Для басу, говоритъ, я пью, да басъ-то у него и безъ того тромбону не уступитъ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Шмулевичъ, Никита и Неизвѣстный.

Никита *(входитъ навеселѣ. Въ почтительномъ разстояніи отъ него не совсѣмъ твердо стоитъ Неизвѣстный, въ рваномъ коричневомъ пиджакѣ).* Моисеичъ, гулять хочу... денегъ давай, а то вотъ у меня пріятель... вотъ онъ—видишь, сейчасъ протоколъ и засудитъ тебя.

Неизвѣстный. Да ужъ... гдѣ законная почва подъ ногами—тамъ берегись меня... Не пощажу!

Никита. Давай намъ цѣлковый—гулять хотимъ!

Неизвѣстный. Можно бы и два взять за такую штуку.

Шмулевичъ. Уходите, просу васъ... нельзя сумѣть!..

Никита. Давай, Моисеичъ, цѣлковый, а то, видишь, онъ тебя уничтожитъ... Скажетъ—нѣтъ его и нѣтъ тебя... въ Сибирь.

Неизвѣстный. Въ тюрьмахъ изнурю, на цѣпь посажу... такія статьи въ законѣ знаю, которыя еще многимъ неизвѣстны.

Никита. Давай цѣлковый—гулять хотимъ!

Шмулевичъ. Маршъ... уходите.

Никита *(Неизвѣстному).* Растолкуй ему, что будетъ съ нимъ, коли онъ намъ не дастъ.

Неизвѣстный *(откашливается)*. Присвоеніе и эксплуатація чужой собственности—это ой, ой, ой! Есть статья, которая прямо говоритъ: «въ отдаленныя мѣста Сибири»! Позвольте васъ спросить, господинъ Шмулевичъ, на какомъ основаніи вы пользуетесь вещами, предоставленными вамъ на храненіе?

Никита. Гдѣ гармоника-то? Ну, покажи гармонику, что я тебѣ заложилъ?

Шмулевичъ. Заплати деньги, пруценты...

Никита. Нѣтъ, ты покажи гармонику!..

Шмулевичъ. Ступай прочь... безъ денегъ нельзя..

Никита. Нѣтъ, покажи... ты не того... ты покажи.

Неизвѣстный. По крайней мѣрѣ, я этого такъ не оставлю. Я буду преслѣдовать..,

Никита Уничтожимъ.

Шмулевичъ. Скуцная канитель.

Никита. Гдѣ гармоника-то? Ты думаешь, я не знаю. Въ бѣлошвейную далъ поиграть... Акулины Ивановны именины, ты къ ней чувство имѣешь и мою гармонику отдалъ.

Шмулевичъ. Довольно, довольно... ступай проць.

Неизвѣстный. Нѣтъ, мы безъ протокола не уйдемъ! Я сказалъ, что этого такъ не оставлю, и не оставлю.

Никита. Гибель тебѣ... Давай цѣлковый—гулять хотимъ...

Неизвѣстный. Никита Петровичъ, вы покарауль те его, а я обращусь къ полицейской администраціи. Онъ напрыгается у насъ за эту штуку.

Никита. Давай цѣлковый.

Шмулевичъ *(смягчаясь)*. Мало гулялъ, есце хоцется...

Неизвѣстный. Угодно вамъ войти съ нами въ миролюбивое соглашеніе, или нѣтъ... Иначе я буду

принужденъ... Кромѣ того, существуетъ кассаціонное рѣшеніе.

Никита. Онъ тебя по судамъ десять лѣтъ проводитъ... засудитъ... Давай цѣлковый...

Шмулевичъ *(струсивъ окончательно)*. Полуците сорокъ копѣекъ и до свиданія.

Неизвѣстный. Никита Петровичъ, оставьте, не берите, что вы мараете себя... Ни въ какія сдѣлки! Или удовлетворяйте искъ полностью, или я прибѣгну къ своимъ мѣрамъ.

Шмулевичъ. Платить... за сто... мосенничество!..

Неизвѣстный. Мы будемъ говорить на судѣ... Никита Петровичъ, покараульте его.

Никита. Давай цѣлковый, и прощенье тебѣ... Но только смотри... У тебя жилетъ мой плисовый... не вздумай его таскать—тогда не раздѣлаешься... хошаты его и въ рублѣ принялъ, но десяти не возьму...

Неизвѣстный. Съ ними вообще надо быть строгими, въ моей практикѣ бывали случаи... Приносятъ имъ новую вещь, а они пишутъ въ квитанціи «ношенная»... Для того, чтобы самому пощеголять въ ней... Много я ихъ засадилъ!

Никита. Давай цѣлковый...

Шмулевичъ *(выбрасываетъ еще сорокъ копѣекъ)*. Полуците... процъ уходите...

Неизвѣстный. Еще двадцать копѣекъ... Я со всей суммы получаю 25 процентовъ... тутъ мои интересы страдаютъ.

Никита. Ну, шутъ съ нимъ... помиримся....

Неизвѣстный. Ни, ни, ни... т.-е. ни, ни...

Никита. Клещъ, право, клещъ... впился и не отстанетъ...

Шмулевичъ *(кидаетъ еще двадцать копѣекъ)*. Подавитесь... пусть подавится...

Неизвѣстный. Никита Петровичъ, я говорю, что такое умъ? Вѣдь вотъ изъ ничего деньги сдѣлалъ...

Сообразилъ, и деньги! Я вотъ какой, я могу коли ежели кому онъ долженъ, такъ съ того еще взыскать... Вотъ что я могу... А другой не можетъ...

Никита. Пойдемъ гулять...

Неизвѣстный. Мусье Шмулевичъ, если нужно, я къ вашимъ услугамъ... Живу близко... Никита Петровичъ знаютъ мой адресъ... Если пожелаете, то не прочь даже быть юрисконсультомъ вашего учрежденія...

Шмулевичъ. За сто рубль далъ, самъ не знаю!

Никита *(Неизвѣстному)*. Пойдемъ!

Неизвѣстный. Погоди... Положеніе юриста, мусье Шмулевичъ, таково... онъ и туда, и сюда... Обоюдоострое орудіе... Сегодня я противъ васъ, завтра я—за васъ! Однимъ словомъ, и такъ, и этакъ...

Никита. Пойдемъ... Ахъ, клещъ, право, клещъ!

Неизвѣстный. Никита Петровичъ, я никогда не пренебрегаю практикой, оттого я такъ и популяренъ... Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи! *(Быстро исчезаютъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Шмулевичъ и **Семенъ** *(съ платьемъ).*

Семенъ. Моисей Беркычъ... Принимайте сѣрую пару... Сюртукъ пожалуйте...

Шмулевичъ. Въ гости баринъ не поѣхалъ?

Семенъ. Ѣздилъ—дома не засталъ... Поди, говоритъ, это заложи, а сюртукъ принеси... Разнообразіе, говоритъ, люблю...

Шмулевичъ. Совсѣмъ гардеробная твоего барина у меня...

Семенъ. Сколько вы наживете-то съ нашихъ оборотовъ! Домъ купите...

Шмулевичъ. На куриныхъ ножкахъ...

Семенъ. Торопитесь, потому нужно...

Шмулевичъ. Скажи барину... шинели срокъ завтра... проценты пускай вноситъ.

Семенъ. Завтра займемъ гдѣ-нибудь... дѣла-то у насъ туги... Кредиторъ мучитъ... Мировой судья покоя черезъ насъ не знаетъ... хотя бы, говоритъ, въ другой участокъ переѣхали... Въ январѣ одиннадцать разъ судились... да столько же заочныхъ отзывовъ подавали... Сюртукъ скорѣй.

Шмулевичъ. Надо порядокъ дѣлать! *(Пишетъ)*. Записывать, давать новую квитанцію...

Семенъ. Время дорого...

Шмулевичъ. Кому не дорого? Полуцайте... Сюртукъ нумеръ 143... Вотъ онъ.

Семенъ *(взявъ сюртукъ)*. Сегодня, пожалуй, ужъ и не увидимся... развѣ фракъ будетъ нуженъ...

Шмулевичъ. Лѣтомъ фракъ не носится...

Семенъ. У насъ все носятъ... захочетъ фракъ... ну, и подавай ему фракъ... Обѣдаетъ гдѣ, такъ постоянно во фракѣ...

Шмулевичъ. Когда вы все у меня повыкупаете... Позалуй, никогда...

Семенъ. Наскучили?

Шмулевичъ. Мнѣ все равно...

Семенъ. Никогда намъ съ вами, Моисей Беркычъ, не разстаться, потому дома держать гардероба не можемъ... особый складъ для него нуженъ... Исполнительныхъ листовъ онъ боится!

Шмулевичъ. Это хузе моли!

Семенъ. Все съѣстъ... кусочка не оставитъ! Моль что-нибудь оставитъ, а исполнительный листъ—ничего! Мебель у насъ, и ту скушалъ... Кромѣ кровати да стола—ничего нѣтъ.

Шмулевичъ. Нузно самбръ-гарни брать...

Семенъ. Нужно, по настоящему, мнѣ бариномъ называться, потому у меня всего долгу четырнадцать рублей съ полтиной... Ко мнѣ не подступятся... *(Ню-*

хаетъ сюртукъ). Ужъ такъ я за день-то вашихъ духовъ нанюхаюсь, что всю ночь чихаю... До свиданья. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Шмулевичъ и **Косматовъ.**

Косматовъ *(входитъ и останавливается, осматривая Шмулевича).* Почему нѣтъ поклона, знаешь-ли, кто къ тебѣ пришелъ?..

Шмулевичъ *(въ сторону).* Зацемъ онъ мнѣ «ты» говоритъ. *(Вслухъ).* Потисе...

Косматовъ. Къ тебѣ пришелъ человѣкъ, который выше толпы... человѣкъ, который заставляетъ толпу рыдать его рыданіями и смѣяться его смѣхомъ!..

Шмулевичъ. Сумаседсій...

Косматовъ. Почетъ и уваженіе прежде всего... Кланяйся... *(Шмулевичъ, нехотя, кланяется)*... Ага... я научу тебя вѣжливости...

Шмулевичъ. Сто вамъ угодно?

Косматовъ. Грамотный ты или неграмотный? Читать умѣешь?

Шмулевичъ. Цитаю?

Косматовъ *(вынимая изъ кармана портсигаръ, подноситъ къ самому носу Шмулевича).* Прочелъ? Не понялъ? *(Шмулевичъ дѣлаетъ видъ, что не понялъ).* Такъ я тебѣ прочту. «Ирбитъ, 3-го января 1883 года. Благодарнѣйшая публика на память своему неизмѣнному любимцу и фавориту... Таланту на славу просвѣщенія«... Далѣе слѣдуютъ многочиселнныя подписи... Не правда-ли, вещь дорогая...

Шмулевичъ. Серебро... 84-я проба...

Косматовъ. Серебро? О, люди, люди... серебро!.. Ему дорого только серебро, а общественная признательность его не трогаетъ! Знаешь-ли ты, что эта вещь мнѣ дороже всей твоей кассы, со всей рухлядью и даже съ самимъ тобой!..

Шмулевичъ. Сто вы думаете, у меня одинъ порцигаръ. У меня много порцигаровъ...

Косматовъ. Такихъ у тебя нѣтъ!

Шмулевичъ. Порченый... Кто возьметъ такую весчь?..

Косматовъ. О, мелочной лавочникъ... Если бы онъ зналъ, при какихъ условіяхъ мнѣ поднесенъ этотъ портсигаръ... Зала дрожала отъ рукоплесканій, сыпались вѣнки, кричали «браво», «возвращайтесь Наумъ Наумовичъ»... Какъ сейчасъ помню, изображалъ я Датскаго принца Гамлета... Дошелъ я до того мѣста, когда говорю: «А я люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ»... Все замерло, многіе утирали глаза платками, многимъ дѣлалось дурно... трехъ дамъ на рукахъ унесли... Вдругъ опомнились и громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ на мои грудныя ноты... Ободренный энтузіазмомъ, нажимаю педаль... голосъ мой то звучитъ, то замираетъ... Я бросаюсь съ остервенѣніемъ льва на Лаэрта... Опять выносятъ двухъ дамъ... Восторгъ зрителя достигаетъ апогея... Ломаютъ стулья, машутъ платками, шляпами... опять вѣнки и, наконецъ... на бархатной подушкѣ портсигаръ... О, портсигаръ... и съ тобой мы должны разстаться!

Шмулевичъ. Тисе, позалуста, тисе...

Косматовъ. Безсердеченъ! Его не трогаютъ мои слова... Слова, слова и опять слова...

Шмулевичъ. Сосѣди могутъ вообразить, сто здѣсь пазаръ...

Косматовъ. Нѣтъ, не могу забыть день подобнаго тріумфа и когда вспоминаю, то невольно увлекаюсь... Афиши на атласѣ печатали... вотъ что это такое было...

Шмулевичъ. Узасно непріятно...

Косматовъ *(съ яростью)*. Молчи, презрѣнный... иль самый адъ призвать я долженъ... О, небо и земля!

Тутъ у меня переходъ восхитительный, я беру ноту головную... *(Пауза)*. Уфъ... усталъ. *(Обтираетъ лобъ платкомъ)*... На воздухъ, скорѣе на воздухъ... Бери мое послѣднее сокровище и награждай презрѣннымъ металломъ...

Шмулевичъ. Сесть рублей я могу ссузать!

Косматовъ. Что! Что ты сказалъ? Повтори, презрѣнный!

Шмулевичъ. Нузно полицію позвать... Сто за гивалтъ ви дѣлаете...

Косматовъ. Онъ хочетъ, чтобъ я его задушилъ собственными руками... За самое дорогое для меня онъ предлагаетъ шесть рублей! Позоръ и стыдъ тебѣ...

Шмулевичъ *(въ сторону)*. Отъ такого давальца не избавиться. *(Вслухъ)*. Я рубль вамъ накидываю, но болѣе ни копѣйки...

Косматовъ. Ха, ха, ха, ха, ха... Разступись земля подо мною... Какъ глыба сорвусь, какъ въ воду топоръ...

Шмулевичъ. Здѣсь не базаръ! Тисе.

Косматовъ. Бѣдный артистъ, ты распинаешься предъ закладчикомъ и думаешь тронуть его сердце... У него нѣтъ сердца! Гдѣ твое сердце!.. Проценты превратили тебя въ злодѣя... Ты счастливъ, если наживешь лишній гривенникъ... Алтынникъ... Деньги для тебя дороже всего... Онѣ твой кумиръ... Для нихъ ты пожертвуешь всѣми радостями и счастьемъ... Всѣмъ прекраснымъ и дорогимъ... Человѣческая нужда тебя не трогаетъ...

Шмулевичъ. Уходите, дѣлайте одолзеніе...

Косматовъ. Ни бѣдности, ни слезъ, ни мольбы ты знать не хочешь... Если бы къ тебѣ пришелъ нищій и сказалъ, что у него дочь умираетъ и нѣтъ двугривеннаго, чтобы отвезти ее въ больницу, ты прогналъ бы его прочь или снялъ бы съ него послѣднее отрепье... А знаешь-ли ты, что бы сдѣлалъ я?

Шмулевичъ. Уфъ...

Косматовъ. Не стоитъ говорить... Давай назадъ мое сокровище... *(Беретъ портсигаръ)*... Бѣгу, не оглянусь... Пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Шмулевичъ. Больсе никто не дастъ! Всѣ кассы обходите.

Косматовъ. Презрѣнье! вотъ мой отвѣтъ на дерзкія слова... Шире дорогу — Косматовъ идетъ!! *(Уходитъ и возвращается)*. Извергъ естества! *(Уходитъ)*.

Занавѣсъ.

АВТОРЪ.

Картинка Петербургекой жизни

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Представлено въ первый разъ на сценѣ Александрин-
скаго театра.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Борисъ Ивановичъ Пѣтуховъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, лѣтъ сорока. Сочинилъ водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ „Очки“.

Анна Семеновна, его жена, полная особа, лѣтъ тридцати семи.

Кубаревъ, управляющій домомъ, гдѣ живутъ Пѣтуховы.

Зеленщикъ.

Сапожникъ.

Прачка.

Наташа, горничная и кухарка Пѣтуховыхъ.

Бѣдно обставленная комната въ квартирѣ Пѣтуховыхъ. Три двери. Направо окно. При поднятіи занавѣса Анна Семеновна читаетъ газету.

П ѣ т у х о в а *(читаетъ)*. «Бенифисный спектакль закончится новымъ водевилемъ въ двухъ дѣйствіяхъ «Очки», соч. г. Пѣтухова. Роли распредѣлены между выдающимися артистами драматической труппы». *(Бросаетъ газету на диванъ).* Сегодня назначена была послѣдняя —генеральная репетиція... Борисъ не могъ заснуть и всю ночь волновался... Я тоже не спала... Мы взволнованы ужъ нѣсколько дней. Первое драматическое произведеніе мужа принято, наконецъ, на сцену и завтра идетъ! Воображаю, какъ завидуютъ всѣ наши знакомые... Соберутся въ театръ, въ надеждѣ быть свидѣтелями полнаго фіаско, и вдругъ—успѣхъ, огромный успѣхъ, безконечные вызовы автора!.. Какъ жаль, что наши средства такъ ограничены въ настоящее время... я бы желала сдѣлать Борису сюрпризъ и поднести вѣнокъ...

Н а т а ш а *(входя)*. Барыня, обѣдъ черезъ часъ будетъ готовъ.

П ѣ т у х о в а. Мы сегодня будемъ обѣдать позднѣе обыкновеннаго, потому что Борисъ Ивановичъ при-

сутствуетъ на послѣдней репетиція своей пьесы... *(Звонокъ).*

Н а т а ш а. Должно быть, баринъ. *(Бѣжитъ отворять дверь. Входитъ Пѣтуховъ; онъ утомленъ и въ изнеможеніи бросается на диванъ. Наташа исчезаетъ).*

П ѣ т у х о в а. Борисъ Ивановичъ, Боря... ну, что? Доволенъ ты исполнителями?

П ѣ т у х о в ъ. Охъ! Доволенъ, всѣми доволенъ... охъ, усталъ!

П ѣ т у х о в а. Дѣлалъ ты актерамъ замѣчанія? Вѣдь ты, какъ авторъ, имѣешь право дѣлать замѣчанія!..

П ѣ т у х о в ъ. Великолѣпно, прекрасно... Давно я такъ не смѣялся, какъ сегодня, смотря свою пьесу. Удивительно смѣшно!

П ѣ т у х о в а. Что говорятъ за кулисами? Предсказываютъ успѣхъ?

П ѣ т у х о в ъ. Полный... Я нарочно замѣчалъ... буквально всѣ смѣялись... музыканты, актеры... плотники и тѣ смѣялись... Всѣ!

П ѣ т у х о в а. Режиссеръ съ тобой любезенъ?

П ѣ т у х о в ъ Сигару предложилъ... вы, говоритъ, батюшка, насъ не забывайте... пишите еще!

П ѣ т у х о в а. Обѣщалъ ты что-нибудь еще написать?

П ѣ т у х о в ъ. Обѣщалъ!.. Но какъ играютъ, если бы ты видѣла, какъ играютъ! Сцена, когда Тормошиловъ падаетъ и разбиваетъ очки—это великолѣпіе! До того я хохоталъ, что боль подъ ложечкой чувствую...

П ѣ т у х о в а. Какая досада, что родственникамъ автора не дозволено присутствовать на сценѣ... я бы желала видѣть репетицію.

П ѣ т у х о в ъ. Я хотѣлъ съѣздить за тобой, просилъ режиссера, но онъ заявилъ, что это не принято! Забавнѣйшій водевиль!

Пѣтухова. Такъ что ты успокоился, и сегодня уснешь, наконецъ?

Пѣтуховъ. Ничего не знаю... Первое представленіе меня страшно тревожитъ: какъ отнесется публика... понравится-ли ей?

Пѣтухова. Если нравится артистамъ...

Пѣтуховъ. За сцену, когда Тормошиловъ падаетъ—я ручаюсь... покатятся со смѣху!

Пѣтухова. Не мѣшало бы тебѣ быть завтра, во время представленія, во фракѣ...

Пѣтуховъ. Конечно, не мѣшало бы, но фракъ заложенъ и денегъ на выкупъ нѣтъ... А съ другой стороны—въ сюртукѣ лучше... это показываетъ скромность... какъ будто я не ожидалъ вызововъ!

Пѣтухова. Я буду смотрѣть изъ балкона, меня не замѣтятъ... я первая закричу—автора!

Пѣтуховъ. Сегодня мнѣ удалось, наконецъ, застать Ковригина, просилъ его помочь успѣху... Онъ вѣдь пѣвчій, у него басъ... крикнетъ «автора», такъ стѣны затрясутся!

Пѣтухова. Не худо бы кухарку Наташу въ раекъ посадить!..

Пѣтуховъ. Обязательно... я купилъ для нея билетъ! Только вѣдь она глупа, нужно ее научить... Закричитъ не во-время,—все дѣло испортитъ!

Пѣтухова. Послушай, Борисъ, меня ужасно тревожитъ одно обстоятельство...

Пѣтуховъ. А именно?

Пѣтухова. Ты черезчуръ неповоротливъ... сумѣешь ли ты хорошо... красиво кланяться публикѣ, когда тебя будутъ вызывать?..

Пѣтуховъ. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше!

Пѣтухова. Сдѣлаемъ маленькую репетицію... Представь себѣ, что я публика... выйди, поклонись!

Пѣтуховъ. Да, пожалуй!

Пѣтухова. Вообрази, что всѣ вызываютъ автора... Ты выходишь...

Пѣтуховъ. Ну, вотъ выйду, такъ и поклонюсь! *(Выходитъ впередъ и кланяется).*

Пѣтухова *(внимательно вглядывается и дѣлаетъ замѣчанія).* Гм... позволь... не лучше ли будетъ, если ты приложишь руку къ сердцу?

Пѣтуховъ *(прикладываетъ руку къ сердцу и кланяется).*

Пѣтухова. Гораздо лучше... Ну-ка повтори! *(Онъ повторяетъ).* Отлично... не нагибай только слишкомъ головы и держись прямѣе... *(Пѣтуховъ выпрямляется).* Вотъ такъ... Первый разъ ты можешь кланяться, пожалуй, не прикладывая руки къ сердцу, а когда вызовутъ второй разъ—приложи!

Пѣтуховъ. Ахъ, вотъ, кстати, не забыть бы... напомни, Анна Семеновна, чтобъ я завтра зашелъ къ парикмахеру... нужно немножко постричься...

Пѣтухова. Непремѣнно, и прикажи зачесать волосы больше назадъ... это къ тебѣ идетъ, и, кромѣ того, большой лобъ доказываетъ умъ.

Наташа *(входитъ растерянная).* Управляющій пришелъ!

Пѣтуховъ. Должна была сказать, что меня дома нѣтъ.

Наташа. Онъ въ окошко видѣлъ, какъ вы изъ конки выскочили!

Пѣтухова. Попроси его сюда!

(Наташа уходитъ, является управляющій).

Пѣтуховъ. Платонъ Платоновичъ, сердечно радъ васъ видѣть!.. Признаться вамъ сказать, сегодня самъ хотѣлъ у васъ быть, но генеральная репетиція... Вы, конечно, знаете?

Кубаревъ. Хозяинъ очень проситъ денегъ за квартиру... настолько проситъ, что приказалъ даже заготовить прошеніе къ мировому судьѣ...

П ѣ т у х о в ъ *(дѣлая видъ, что не слушаетъ)*. Вы, конечно, знаете? Читали, слышали!

К у б а р е в ъ. Съ девятаго числа четвертый мѣсяцъ пошелъ!

П ѣ т у х о в ъ. Анюта, дай афишу... *(Пѣтухова молча подаетъ афишу)*. Не угодно-ли вамъ посмотрѣть... завтра первое представленіе...

К у б а р е в ъ *(взглянувъ небрежно на афишу)*. Хозяинъ выдаетъ дочь замужъ, ему очень нужны деньги.

П ѣ т у х о в ъ. Покажите ему афишу, и онъ, навѣрно, успокоится... Какая досада, что не могу вамъ предложить билета на первое представленіе моей пьесы...

К у б а р е в ъ. Я читалъ что-то въ газетахъ, но не зналъ, что это ваше произведеніе...

П ѣ т у х о в а. Борисъ только сейчасъ вернулся съ послѣдней репетиціи... предсказываютъ небывалый успѣхъ.

П ѣ т у х о в ъ. Достаточно вамъ замѣтить, что хохотъ не умолкалъ въ теченіе всей репетиціи...

К у б а р е в ъ. Хозяинъ хотѣлъ васъ видѣть самъ...

П ѣ т у х о в ъ. Послѣ второго представленія я попрошу васъ пожаловать за деньгами... Очень радъ, что могу, наконецъ, свести эти счеты!

П ѣ т у х о в а. Борисъ получитъ за свою пьесу нѣсколько сотъ рублей...

П ѣ т у х о в ъ *(продолжая)*. При среднемъ успѣхѣ... при успѣхѣ полномъ, какой я ожидаю, тысячъ до двухъ и болѣе...

К у б а р е в ъ. Поздравляю васъ, но только хозяинъ...

П ѣ т у х о в ъ. Позвольте, какой у насъ сегодня день? Середа, завтра первое представленіе, въ пятницу, вѣроятно, второе... въ понедѣльникъ милости прошу!

Пѣтухова. Если вы подадите къ мировому, то получите во всякомъ случаѣ позже!

Пѣтуховъ. Да, думаю, что и мировой посовѣтовалъ бы подождать... Вчера на меня портной предъявилъ искъ, и я показывалъ уже мировому афишу...

Кубаревъ. Я переговорю съ хозяиномъ.

Пѣтуховъ. Вы можете, Платонъ Платоновичъ, взять для него афишу, а послѣзавтра пусть смотритъ газеты.

Пѣтухова. Чрезвычайно игривая пьеса!

Пѣтуховъ. Одна сцена, а именно, когда Тормошиловъ падаетъ и разбиваетъ очки—это, знаете,—верхъ комизма!

Пѣтухова. Бориса Ивановича просили написать новую пьесу, до такой степени эта удачна.

Пѣтуховъ *(не давая управляющему разинуть рта)*. Содержаніе мною заимствовано изъ дѣйствительной жизни...

Кубаревъ. Хозяинъ...

Пѣтуховъ *(перебивая)*. Тормошиловъ—это холостякъ, который увлеченъ дочерью аптекаря...

Пѣтухова *(продолжая)*. А дочь аптекаря увлечена провизоромъ.

Кубаревъ. Хозяинъ...

Пѣтуховъ *(перебивая)*. Ну-съ... и тутъ завязываются самыя забавныя сцены...

Кубаревъ *(замѣтно разсердившись)*. Хорошо-съ, я передамъ хозяину, но дальнѣйшихъ снисхожденій мы дѣлать положительно не можемъ!

Пѣтуховъ. Послѣдній актъ чуть-ли не лучше еще!.. Итакъ—послѣ второго представленія, Платонъ Платоновичъ! Честь имѣю кланяться... сочту своей обязанностью...

Кубаревъ. Тѣмъ болѣе, что хозяинъ...

Пѣтуховъ *(выпроваживая Кубарева)*. Актеры играютъ одинъ лучше другого... Бенефиціантъ и режис-

серъ положительно въ восторгѣ... Сцена, когда Тормошиловъ падаетъ и разбиваетъ очки... *(Кубаревъ уходитъ)*. Вотъ когда онъ прочтетъ обо мнѣ послѣ перваго представленія отзывы въ газетахъ, такъ заговоритъ съ бо́льшимъ уваженіемъ... А почти всѣ уже знаютъ о постановкѣ моей пьесы... сегодня встрѣтилъ Семяникова, съ которымъ служилъ когда-то въ обществѣ конно-желѣзныхъ дорогъ... Васъ, говоритъ, можно поздравить?

Пѣтухова. Ты вѣдь ему что-то долженъ?

Пѣтуховъ. Десять рублей... обѣщалъ отдать послѣ третьяго представленія!..

Пѣтухова. Теперь всѣ съ удовольствіемъ подождутъ и даже еще одолжатъ!

Пѣтуховъ. Гм... ну, нѣтъ, этого я не скажу... я попросилъ у него еще пять рублей—отказалъ!

Пѣтухова. Безъ тебя заходилъ Гребенкинъ... онъ будетъ въ театрѣ, купилъ галлерею четвертаго яруса...

Пѣтуховъ. Вотъ тоже Гребенкинъ!.. И ему долженъ... проигралъ рубль двадцать копѣекъ въ стуколку и не отдалъ! Какъ бы не взздумалъ завтра шикать.

Пѣтухова. Онъ было намекнулъ мнѣ что-то относительно стуколки, но я сдѣлала видъ, что не слышу.

Наташа *(входя)*. Зеленщикъ пришелъ, я говорила, что васъ дома нѣтъ, дожидаться хочетъ...

Пѣтуховъ. Позови! *(Наташа уходитъ)*. Отлично знаю, почему они всѣ лѣзутъ сегодня... прочитали въ газетахъ, что даютъ мою пьесу, думаютъ, что получатъ деньги... вотъ и лѣзутъ!

Пѣтухова. Прикажи зайти послѣ четвертаго представленія!..

Зеленщикъ *(входитъ и кланяется)*. По книжкѣ

должокъ за вами... семнадцать рублей тридцать двѣ копѣйки.

Пѣтуховъ. Книжка у тебя, любезный, съ собой?

Зеленщикъ. Такъ точно-съ.

Пѣтуховъ. Анна Семеновна, дай перо... я подпишу и назначу окончательный срокъ уплаты!

Зеленщикъ. Хоть немножко нельзя-ли-съ!..

Пѣтуховъ. Получишь все сполна черезъ девять дней... терпѣть не могу дробить крупныхъ долговъ на мелкія части.

Зеленщикъ. Должно быть, ужъ домъ такой несчастливый... Восемь книжекъ, и ни съ кого получить не можемъ.

Пѣтухова. За нами не пропадетъ... наши обстоятельства измѣнились значительно къ лучшему...

Пѣтуховъ *(пишетъ, повторяя вслухъ)*. «По сему счету обязуюсь уплатить сполна послѣ пятаго представленія моей пьесы «Очки», а именно въ двадцать восьмой день сего мѣсяца. Борисъ Пѣтуховъ».

Зеленщикъ. Очень нуждаемся-съ... Судиться не хотимъ... двадцать три года лавку держимъ, и ни разу не судились.

Пѣтуховъ. И отлично дѣлаете... все до копѣйки получите, аккуратно.

Пѣтухова *(не безъ важности)*. Завтра въ театрѣ представляютъ комедію Бориса Ивановича, и мы получимъ весьма солидное вознагражденіе.

Зеленщикъ. Будьте такъ любезны...

Пѣтуховъ. Можете положиться на мое слово... всегда цѣню благородство и порядочность!

Зеленщикъ *(уходя)*. Очень нуждаемся...

Пѣтуховъ. Однако, мы довольно-таки запутались... повсюду задолжали, и если бы не «Очки», признаюсь, не зналъ бы что и дѣлать.

Пѣтухова. Еще спасибо, что у насъ въ участкѣ

хорошій человѣкъ мировой судья... вникаетъ въ положеніе...

П ѣ т у х о в ъ. Любитель театра—вотъ что важно... Онъ не зналъ вчера куда меня посадить! Я ему разсказалъ содержаніе пьесы, познакомилъ съ распредѣленіемъ ролей... и даже успѣлъ прочесть двѣ сцены... Очень понравились... Обѣщалъ быть въ театрѣ... Письмоводитель у него тоже симпатичная личность... Ему мимоходомъ я прочелъ отрывки изъ перваго акта...

П ѣ т у х о в а. Понимающій человѣкъ?

П ѣ т у х о в ъ. О!.. Очень понимающій... подвизался на домашнихъ спектакляхъ и собирается театръ снять... Любезенъ до невѣроятности: далъ мнѣ письмо къ судебному приставу, котораго я знаю, какъ тебѣ извѣстно, только въ качествѣ представителя закона...

П ѣ т у х о в а. Что же онъ пишетъ въ этомъ письмѣ?

П ѣ т у х о в ъ. Оказывается, что нашъ судебный приставъ сочинилъ комедію и каждый вечеръ бываетъ въ театрахъ... Кромѣ того, у него теноръ и онъ поетъ романсы... Я, во-первыхъ, хочу извиниться передъ нимъ, что часто причиняю ему безпокойства, а, во-вторыхъ, просить присутствовать въ театрѣ и поддержать меня!

П ѣ т у х о в а. Представленіе обѣщаетъ быть особенно торжественнымъ!..

П ѣ т у х о в ъ. Какая досада, что я не могу одновременно быть и на сценѣ, и въ зрительной залѣ!

П ѣ т у х о в а. Сегодня вечеромъ я займусь съ Наташей и покажу ей, когда и какъ нужно тебя вызывать завтра въ театрѣ. Жаль, что она будетъ сидѣть далеко отъ меня... Могла бы смотрѣть на меня и дѣлать все, что я дѣлаю!

П ѣ т у х о в ъ. Нѣтъ лишнихъ денегъ, а то бы слѣдовало купить еще одинъ билетъ для ея знакомаго...

Отставной пожарный онъ или кучеръ—не знаю!.. Который всегда на кухнѣ чай пьетъ... У него басъ основательный!.. Просить еще билетъ у бенефиціанта совѣстно, онъ довольно-таки скуповатъ!

Н а т а ш а *(входя)*. Сапожникъ и прачка пришли... Точно сговорились!.. Какъ мухи на сахаръ летятъ!

П ѣ т у х о в ъ. Такой дружный натискъ кредиторовъ я только и могу себѣ объяснить тѣмъ, что повсюду узнали о постановкѣ моей пьесы.

П ѣ т у х о в а. Ты самъ виноватъ... всѣмъ, буквально всѣмъ нахвасталъ... Дворники и тѣ знаютъ, что твоя пьеса принята на сцену!..

П ѣ т у х о в ъ. И отлично, пускай весь городъ знаетъ... Всѣ пускай знаютъ! Наталья, позови сюда прачку и сапожника!

П ѣ т у х о в а. Ахъ, какъ мнѣ наскучили подобныя конференціи!.. Вотъ ужъ не во-время-то... Когда нужно сосредоточиться, обдумать все, успокоиться... Тебя ежеминутно тревожать!.. *(Наташа уходитъ, пропуская въ дверь прачку и сапожника)*.

П ѣ т у х о в ъ. Анна Семеновна, когда мы можемъ уплатить имъ эти ничтожные долги?

П ѣ т у х о в а *(важно)*. Послѣ третьяго представленія...

П ѣ т у х о в ъ. Въ среду на будущей недѣлѣ... И съ тобой, и съ тобой будутъ ликвидированы всѣ счеты... получите рубль за рубль...

П р а ч к а. Мужъ у меня пьянствуетъ, работницы денегъ просятъ... Ни стирать, ни гладить не хотятъ!

С а п о ж н и к ъ. Хоть за товаръ позвольте получить!

П ѣ т у х о в ъ. Въ среду, сказано, въ среду...

П ѣ т у х о в а. Между десятью и одиннадцатью часами утра! Раньше не будите!..

П р а ч к а. Я на прошлой недѣлѣ тридцать одинъ разъ была у васъ...

Сапожникъ. Всѣ пороги обилъ...

Пѣтуховъ. Вполнѣ признаю ваши основательныя требованія... Въ среду поквитаемся! Завтра въ театрѣ будетъ представлена пьеса, которую я сочинилъ и за которую немедленно получу деньги... Уже сдѣлано распоряженіе...

Пѣтухова. Борисъ Ивановичъ, что деньги тебѣ привезетъ курьеръ, или ты самъ поѣдешь за ними?..

Пѣтуховъ. А право не знаю, какъ это принято... можетъ быть, и курьеръ...

Прачка. Манишку съ высокимъ воротничкомъ я накрахмалила и приготовила.

Пѣтухова. Я распорядилась, Борисъ Ивановичъ, чтобы тебѣ приготовили манишку съ высокимъ воротникомъ, она къ тебѣ очень идетъ... Покажись передъ публикой въ парадномъ туалетѣ.

Пѣтуховъ. Въ ней, признаться сказать, трудно кланяться низко... потому что шею рѣжетъ!

Пѣтухова. Пустяки, ты въ ней красивѣй выглядишь.

Сапожникъ. Всего приходится съ васъ четыре рубля пятнадцать копѣекъ.

Пѣтухова. Мы отлично помнимъ и въ среду отдадимъ, а теперь не безпокойте Бориса Ивановича... онъ занятъ совсѣмъ другимъ.

Пѣтуховъ *(почти выталкивая прачку и сапожника)*. Не забудьте—въ среду... До свиданія... кстати я закажу тебѣ тогда новые опойковые сапоги...

Пѣтухова. А мнѣ нужно будетъ туфли сшить...

Пѣтуховъ. До свиданія! *(Прачка и сапожникъ уходятъ)*.

Пѣтухова. Надо приказать Натальѣ, чтобъ никого больше не пускала... Ты утомленъ репетиціей, а тутъ еще съ глупостями каждую минуту пристаютъ!

Пѣтуховъ. Ужъ у меня начинаетъ, Анна Семеновна, слагаться кое-что новое въ головѣ... этотъ сюжетъ я видѣлъ однажды во снѣ... надо только кончикъ придумать...

Пѣтухова. Ты бы записывалъ, Борисъ Ивановичъ, свои вдохновенія, а то забудешь потомъ!

Пѣтуховъ. Какъ подумаешь, сколько потеряно времени даромъ! Таскался каждый день въ правленіе конно-желѣзныхъ дорогъ, въ обществѣ для заклада движимыхъ имуществъ служилъ... Если бы взялся раньше за перо, можетъ быть, только мои бы пьесы и давали на сценѣ!

Пѣтухова. Ты въ юности ничего не писалъ?

Пѣтуховъ. Были опыты стихотворные, но размѣръ мнѣ никогда не давался... Давно, очень давно...

Наташа *(вбѣгая, машетъ руками)*. Баринъ, барыня... тс... заприте. Портной идетъ, который къ мировому подалъ... Я дверь заперла, будто дома никого нѣтъ!.. *(Продолжительный звонокъ. Пѣтуховы сидятъ тихо, боясь пошевельнуться, чтобъ не зашумѣть).*

Пѣтуховъ и Пѣтухова. Тс... тс... *(Звонокъ утихаетъ. Наташа крадется къ окну).*

Наташа *(смотря въ окно)*. Ушелъ... по двору идетъ! *(Уходитъ).*

Пѣтуховъ. И чего онъ хочетъ? Разъ подалъ къ мировому, никакихъ объясненій и переговоровъ между нами быть больше не можетъ!

Пѣтухова. Пожалуй, на примиреніе разсчитывалъ, узнавъ о завтрашнемъ днѣ...

Пѣтуховъ. Ни на какія примиренія я теперь не пойду... такихъ господъ слѣдуетъ учить... Въ теченіе двухъ недѣль подамъ мировому судьѣ отзывъ на заочное рѣшеніе, потомъ еще какой-нибудь крючекъ придумаю.. Мѣсяцъ его и проморю... Я вѣдь эту волокиту отлично знаю... Пусть подождетъ.

Пѣтухова. Грубіянъ, стучитъ постоянно кулакомъ по столу... Даже Наталья его боится!

Пѣтуховъ. И шьетъ отвратительно! Надо будетъ заказать костюмчикъ у кого-нибудь на Невскомъ... разумѣется, на наличныя деньги...

Пѣтухова. Ты правъ, потому что на тебѣ все мѣшкомъ сидитъ.

Пѣтуховъ. Ни малѣйшаго понятія о кройкѣ не имѣетъ... Напримѣръ, жилетку до того сузилъ, что я боялся на генеральной репетиціи... того и гляди отъ смѣха треснетъ!

Пѣтухова. Спросилъ бы ты, Борисъ Ивановичъ, у васъ за кулисами, кто лучшій портной и не шьетъ-ли онъ въ разсрочку для актеровъ и авторовъ?

Пѣтуховъ. Откровенно говоря, не до того мнѣ, Анна Семеновна... Я поглощенъ дѣломъ!.. Первое дѣтище, такъ-сказать... Вѣдь вотъ я разсуждаю объ одномъ, а думаю о другомъ... Предъ глазами мелькаютъ актеры, актеры, актеры... Вижу, какъ падаетъ Тормошиловъ... Но какъ онъ падаетъ!

Пѣтухова. На репетиціи онъ дѣйствительно падалъ?

Пѣтуховъ. А то какже... вѣдь это генеральная репетиція... Такъ и растянулся... Я потомъ цѣловалъ его... Понялъ, мысль мою понялъ... упалъ именно такъ, какъ я себѣ представлялъ, когда писалъ!

Пѣтухова. Что со сцены въ публику интересный видъ?

Пѣтуховъ. Грандіозный... но когда зала освѣщена и переполнена, вѣроятно, еще лучше... что-то волшебное! *(Ходитъ по комнатѣ).* Меня нѣсколько газеты безпокоятъ... вставятъ по твоему адресу, ни про что ни за что, какую-нибудь шпильку!.. Рецензенты это любятъ... они думаютъ, что написать хорошій водевиль—вздоръ, пустяки!..

Пѣтухова. Если публика выразитъ сочувствіе,—что ни печатай, все равно!

Пѣтуховъ. Знакомые прочтутъ, вотъ что непріятно... обрадуются, если на тебя накинутся... Ну, да авось, обойдется... Говоря совершенно безпристрастно,—отличная пьеса!

Пѣтухова. Мнѣ чрезвычайно нравится... я каждое представленіе буду смотрѣть...

Пѣтуховъ. Первый актъ очень хорошъ, а второй еще лучше!

Пѣтухова. Я на тебя, Борисъ Ивановичъ, немножко въ претензіи!

Пѣтуховъ. За что, Анна Семеновна?

Пѣтухова. Когда ты сочинялъ «Очки», я тебѣ много совѣтовала... Мы сообща обдумывали нѣкоторыя сцены, обсуждали... Я указывала промахи...

Пѣтуховъ. Что ты этимъ хочешь сказать?

Пѣтухова. Ты могъ бы выставить на афишѣ и мое имя... Сочиненіе господина и госпожи Пѣтуховыхъ... Это было бы справедливо.

Пѣтуховъ. Позвольте, Анна Семеновна!

Пѣтухова. Кто придумалъ развязку пьесы? Я придумала!

Пѣтуховъ *(сердито)*. Анна Семеновна, пьесу сочинилъ я и покорнѣйше прошу васъ не возбуждать такихъ вопросовъ... Вы должны радоваться, что вашъ мужъ...

Пѣтухова. Увѣряю тебя, что меня не столько соблазняетъ твоя слава, сколько хочется быть за кулисами... Мы бы были вмѣстѣ... два автора... мужъ и жена!

Пѣтуховъ. Да не раздражайте меня, Анна Семеновна... Неужели вы думаете, что два-три замѣчанія, сдѣланныя вами, можетъ быть и основательныя, даютъ право называть себя авторомъ?

Пѣтухова. Пожалуй, благодаря этимъ замѣча-

ніямъ бенефиціантъ на твою пьесу и вниманіе-то обратилъ?

П ѣ т у х о в ъ *(возвышая голосъ)*. Анна Семеновна, замолчите... право, это можетъ наскучить и даже, если хотите—неприлично! Я хорошо помню—когда писалъ пьесу, ты мнѣ говорила: «когда ты бросишь глупости, служилъ бы лучше».

П ѣ т у х о в а. Никогда я этого не говорила!

П ѣ т у х о в ъ. Говорила!

П ѣ т у х о в а. Не говорила!

П ѣ т у х о в ъ. Ну, вотъ посмотрите! Да оставь ты, пожалуйста... хочешь сглазить мнѣ успѣхъ... чтобы все погибло!

П ѣ т у х о в а. Спроси у Гребенкина, онъ помнитъ!

П ѣ т у х о в ъ. Вотъ, вотъ... этого еще недоставало... Гребенкинъ помнитъ! Да этотъ Гребенкинъ отвратительный сплетникъ... онъ услышитъ одно слово и закричитъ повсюду, что пьеса не моя... Какъ вамъ не стыдно, Анна Семеновна, и съ чего вы это вздумали!

П ѣ т у х о в а. Я только выразила желаніе быть съ тобой за кулисами, а ты привязался и пошелъ, и пошелъ... Пойми ты, что твой успѣхъ—это мой успѣхъ, потому что я тебя люблю!

П ѣ т у х о в ъ. Опять намекъ... «Твой успѣхъ—мой успѣхъ» Вы намекаете, что мы сочиняли вмѣстѣ?..

П ѣ т у х о в а. Борисъ Ивановичъ!

П ѣ т у х о в ъ. Я ничего не имѣю противъ вашего сотрудничества... готовъ написать съ вами вмѣстѣ какую-нибудь бездѣлушку, но «Очки»—это мое дѣтище, я за него горой!

П ѣ т у х о в а *(добродушнымъ тономъ)*. Ну, да успокойся... твое, твое... Волнуешься ни изъ-за чего... Тебѣ именно теперь нужно поберечь свои нервы, приготовиться къ овацiи...

П ѣ т у х о в ъ. Въ томъ-то и дѣло... тутъ пережи-

ваешь трагическіе моменты, а вы съ пустяками... У меня въ головѣ цѣлый рой мыслей и всѣ эти мысли мѣшаются! Успѣхъ, вызовы, газеты, злорадство пріятелей, привѣтъ артистовъ... улучшеніе обстоятельствъ... возрожденіе.

П ѣ т у х о в а. Охота тебѣ придавать значеніе всякой бездѣлицѣ и дѣлать изъ мухи слона!

П ѣ т у х о в ъ. У меня даже аппетитъ пропалъ, обѣдать не хочется... Вижу предъ глазами зало, освѣщенное электрическимъ свѣтомъ, оркестръ кончилъ играть вальсъ... въ публикѣ проносится какой-то гулъ... потомъ шепотъ!.. Я хожу изъ угла въ уголъ за кулисами! *(Ходитъ изъ угла въ уголъ).* Но тс... все замерло, все смолкло... занавѣсъ подняли! Въ театрѣ всѣ кашляютъ и переглядываются.. скучно, не весело! *(Совершенно другимъ тономъ).* Начало у меня, дѣйствительно, ничего особеннаго не представляетъ! *(Увлекаясь снова).* Нѣкоторые пожимаютъ плечами, морщатся, собираются уходить... У всѣхъ на лицахъ написанс: Пѣтуховъ провалился, Пѣтуховъ осрамился, Пѣтуховъ бездарность!!! Но нѣтъ... онъ не провалился!!!

П ѣ т у х о в а. Борисъ Ивановичъ, выпилъ бы ты стаканъ воды!

П ѣ т у х о в ъ *(продолжаетъ, не обращая вниманія на слова жены).* Нѣтъ, онъ не осрамился, онъ восторжествуетъ... Вотъ... вотъ... сейчасъ рѣшительный моментъ... Эффектная сцена... Тормошиловъ падаетъ!.. Общій восторгъ, громъ рукоплесканій, крики—«автора». Я рвусь, чтобы раскланяться, режиссеръ меня удерживаетъ за руку, справедливо замѣчая, что авторъ можетъ выходить на вызовы публики лишь по окончаніи дѣйствія... Тормошиловъ подымается, успѣхъ растетъ... Занавѣсъ опускается, меня выводятъ актеры, всѣ смотрятъ въ бинокли: каковъ изъ себя этотъ Пѣтуховъ: молодой онъ или старый?.. Вызовы

сканчиваются, выхожу въ коридоръ, гдѣ встрѣчаю Анну Семеновну... Ты меня поздравляешь, я беру тебя подъ руку... т.-е. ты меня берешь подъ руку, и мы прогуливаемся, возбуждая общее вниманіе... Тс... музыка снова смолкла, начинается второе дѣйствіе. Оно кончилось... Буря! Автора, автора... я до того растроганъ, что выйдя за кулисы, падаю на стулъ, а тамъ продолжается шумъ... Пѣтухова, автора, браво, автора, брависсимо! *(Падаетъ въ изнеможеніи на диванъ, жена его поддерживаетъ. Пауза).*

Наташа *(вбѣгая).* Баринъ, вамъ письмо изъ театра.

Пѣтуховъ *(не слушая).* Пріятна слава, обворожительна, но достичь ее не легко, не легко, Анна Семеновна!

Пѣтухова. Тебѣ какое-то письмо изъ театра...

Пѣтуховъ. Охъ, усталъ, не могу... усталъ... Прочти, Анна Семеновна, что имъ нужно еще?

Пѣтухова *(пробѣжавъ письмо).* Ахъ!

Пѣтуховъ. Что такое, что случилось? Говори...

Пѣтухова *(падая на диванъ).* Отлагается!

Пѣтуховъ. Что отлагается, что ты такое говоришь! *(Выхватываетъ письмо и перечитываетъ громко).* «По внезапной болѣзни господина Солонкина, исполняющаго роль Тормошилова, представленіе вашей пьесы отлагается. Прошу принять увѣреніе и пр. Главный режиссеръ Спиридоновъ». *(Комкаетъ письмо и бросаетъ его въ сторону).* Не можетъ быть, когда же онъ успѣлъ заболѣть, если я сейчасъ его видѣлъ здоровымъ... Я съ докторомъ къ нему поѣду, пусть засвидѣтельствуетъ.

Пѣтухова. Ничего не сдѣлаешь. Можетъ быть, годъ еще представленія придется ждать!

Пѣтуховъ *(кричитъ).* Не разочаровывайте меня, Анна Семеновна! Этого быть не можетъ... я поѣду!..

Пальто *(хватаетъ пальто)*, шляпу! *(Надѣваетъ шляпу)*. Я разслѣдую... я не допущу... Жаловаться буду!..

П ѣ т у х о в а *(сквозь слезы)*. Что мы теперь кредиторамъ-то скажемъ, вѣдь они, узнавъ, что пьеса не идетъ, всѣ завтра соберутся?

П ѣ т у х о в ъ *(продолжая кричать)*. Пускай идутъ къ главному режиссеру и настаиваютъ на представленіи.. Пускай онъ съ ними раздѣлывается!.. Нѣтъ, тутъ кроется интрига, возмутительная интрига, но я ее разоблачу... я заставлю выздоровѣть этого актера... онъ притворяется. Въ противномъ случаѣ я къ нему предъявлю искъ и потребую двѣсти рублей за причиненные мнѣ убытки!.. *(Убѣгаетъ)*.

Занавѣсъ.

Покойной ночи, пріятнаго сна!

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

(Заимствовано съ французскаго).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Леонидъ Ивановичъ Птичкинъ.
Надежда Николаевна Лубянцева.
Лубянцевъ, ея мужъ (голосъ за сценой).
Коридорный (голосъ за сценой).

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ меблированныхъ комнатахъ.

Меблированная комната. Дверь направо. Въ глубинѣ дверь, заклеенная обоями. Столъ, кровать, стулья, налѣво окно. Входитъ Лубянцева съ подсвѣчникомъ въ рукѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Лубянцева *(въ дверяхъ, обращаясь къ кориdорному)*. Оставьте, пожалуйста, ключъ въ дверяхъ и не говорите моему мужу, когда онъ вернется, что я ожидаю его здѣсь! Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ. *(Входитъ въ комнату и ставитъ подсвѣчникъ на столъ)*. Понялъ-ли онъ? Прислуга въ меблированныхъ комнатахъ невозможная: я ему говорю, а онъ дремлетъ... Наконецъ-то я пріѣхала!.. Пьеръ не ожидаетъ меня... Воображаю, какъ онъ будетъ пораженъ и обрадованъ!.. Супруга располагается въ его комнатѣ въ то время, когда онъ думаетъ, что она за сотни верстъ, въ Москвѣ!.. А жаль, что я не предупредила его... Онъ явился бы встрѣтить меня на вокзалъ, и я не скучала бы одинокой въ этой комнатѣ! Что онъ можетъ дѣлать въ это время! Онъ писалъ, что ложится спать чуть-ли не въ десять часовъ вечера!.. Вѣроятно, въ театръ пошелъ... Теперь одиннадцать часовъ! Я почти сутки провела въ дорогѣ... какой длинный путь!

Ѣдешь, ѣдешь и конца нѣтъ... Совсѣмъ разбита и утомлена! *(Снимаетъ шляпу и бросаетъ ее на диванъ).* Ахъ, какъ я устала! Не прилечь-ли мнѣ? Нѣтъ, я боюсь одна... или прилечь? *(Смотритъ на кровать, стоящую за ширмою).* Прилягу... *(Ложится).* Какая жесткая... Вотъ удивлю моего ревнивца! Онъ страшно ревнивъ, хотя не сознается въ этомъ... Когда кто-нибудь ухаживаетъ за мной, онъ зло посматриваетъ и брянчитъ саблей, заставляя соперника удалиться, а потомъ ссорится со мной... по его мнѣнію, быть интересной, это преступленіе!.. Впрочемъ, мужчины похожи другъ на друга... Глаза мои закрываются. *(Засыпаетъ. Минуту спустя появляется Птичкинъ).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Лубянцева, Птичкинъ *(съ подсвѣчникомъ въ рукѣ).*

Птичкинъ.. Вы возьмете вычистить мое платье завтра въ 7 часовъ! Вотъ ключъ, заприте меня и не будите утромъ, войдите сами... *(Слышно, какъ коридорный запираетъ дверь).* Терпѣть не могу вставать рано, чтобы отпирать двери. Онъ забылъ здѣсь свою свѣчку, когда убиралъ... *(Хочетъ тушить ее).* А, все равно, пусть горитъ, вѣдь не платить за нее!.. Да и жены моей съ ея скупостью нѣтъ... Она бы, навѣрно, назвала меня расточителемъ. *(Говоря это, онъ снимаетъ перчатки, тщательно складываетъ ихъ, гладитъ рукавомъ шляпу и кладетъ ее на столъ).* Зинушка предана мнѣ до глубины души, безъ сомнѣнія, но характеръ у нея строптивый и деспотическій! Я иногда страдаю отъ него такъ же, какъ наслаждаюсь вотъ теперь полной свободой! Иду, куда хочу, дѣлаю, что хочу! Когда я забываю жену мою, я вполнѣ счастливъ! Однако, я не злоупотребляю свободой и жена еще не можетъ упрекнуть меня ни въ чемъ, кромѣ, пожалуй,

расточительности... Зачѣмъ я ѣзжу на извозчикѣ, зачѣмъ часто бываю въ театрахъ и выпиваю въ ресторанѣ нѣсколько кружекъ пива... Какое же, чортъ возьми, это расточительство?.. Я просто привыкъ жить, не отказывая себѣ... Сегодня я смотрѣлъ балетъ: «Дочь Фараона»! Какое волшебное зрѣлище! Сколько стройныхъ ножекъ... Но я благоразуменъ, я не воспламеняюсь, я знаю, что эти прелестныя танцовщицы могутъ съ ума свести человѣка... Одна изъ нихъ, черноглазая вострушка, маленькая такая, глазъ съ меня не спускала... честное слово... *(Смотритъ на себя въ зеркало)*. А вѣдь я еще ничего! Не старикъ еще!.. Цвѣтъ лица у меня свѣжій... Вотъ, что значитъ жениться въ молодые годы и жить долго въ провинціи! Въ маленькомъ городкѣ я сдѣлался образцовымъ супругомъ и такимъ же отцомъ семейства. Въ Петербургѣ увлекающійся человѣкъ можетъ попасть иногда и въ западню какой-нибудь красавицы. *(Снимаетъ пальто и хочетъ положить его на диванъ)*. Что это значитъ? *(Беретъ дамскую шляпу)*. У меня была женщина! Теперь я понимаю, почему въ моей двери былъ ключъ! *(Идетъ поставить свѣчку на ночной столикъ и въ испугѣ отступаетъ)*. Кто-то лежитъ на кровати! *(Подходитъ тихонько и смотритъ)*. Возможно, что это переодѣтый разбойникъ, забравшійся сюда, чтобъ обобрать меня, убить!.. А дверь моя заперта!.. *(Хочетъ позвонить, но дрожащая рука его выпускаетъ подсвѣчникъ, стукъ отъ паденія котораго пробуждаетъ Лубянцеву)*.

Лубянцева. Что здѣсь за шумъ? Гдѣ я? Пьеръ! *(Вскакиваетъ)*.

Птичкинъ. Не подходите! Ради Бога, дальше, дальше...

Лубянцева. Это не мужъ!

Птичкинъ. Женщина! Гдѣ же ея сообщникъ?

Лубянцева *(испуганно)*. Что вы дѣлаете здѣсь?

Птичкинъ. А вы, сударыня? Вы должны отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ, категорически отвѣтить!

Лубянцева. Я здѣсь въ комнатѣ моего мужа!

Птичкинъ. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Нѣтъ, сударыня, вы въ комнатѣ благороднаго человѣка, котораго не удастся вамъ провести...

Лубянцева. Не можетъ быть!.. Такъ я уйду немедленно.

Птичкинъ. Войдя украдкою!.. Нѣтъ, сударыня!

Лубянцева. Я стану кричать о помощи.

Птичкинъ *(въ сторону)*. Скандалъ, если жена узнаетъ когда-нибудь, что въ моей комнатѣ была женщина...

Лубянцева. Я думаю, что вы отворите мнѣ?

Птичкинъ. Это невозможно.

Лубянцева *(бросается къ колокольчику, но ручка отъ него обрывается)*. Я закричу!

Птичкинъ. Постойте!.. Скандалъ!.. Умру, право, умру... У меня ноги подкосились!..

Лубянцева. Это правда!.. Еще въ газетахъ напечатаютъ... Но вы понимаете, что вы ошиблись... я благородная женщина!

Птичкинъ. Но съ какой стати вы забираетесь по ночамъ къ незнакомымъ людямъ?

Лубянцева. Ошибка, понимаете, ошибка!.. Я пріѣхала изъ Москвы къ мужу; коридорный, должно быть съ просонья, провелъ меня сюда, въ эту комнату, сказавъ, что эта комната мужа, и я вошла, ничего не подозрѣвая... Усталая съ дороги, я бросилась на кровать и заснула. Вотъ и вся исторія, болѣе непріятная для меня, нежели для васъ, потому что мой мужъ можетъ очень дурно истолковать ее. Послѣ этого объясненія, вы поспѣшите, конечно, отпереть дверь.

Птичкинъ. Но повторяю вамъ, что я не могу исполнить вашу просьбу.

Лубянцева. Берегитесь, милостивый государь! Меня нельзя оскорблять безнаказанно. Мой мужъ офицеръ и жестоко накажетъ за обиду.

Птичкинъ. Офицеръ?

Лубянцева. Кавалеристъ.

Птичкинъ. Кавалеристъ?

Лубянцева. Участвовалъ въ трехъ походахъ!

Птичкинъ. О!! Вы были бы свободны, сударыня, сію минуту, если бы я могъ!.. Увы, мы заперты! Мы въ карцерѣ!

Лубянцева. Заперты!?

Птичкинъ. Коридорный Никита положилъ ключъ отъ этой двери въ свой карманъ.

Лубянцева. Позовите его, сударь.

Птичкинъ. Я бы самъ желалъ... Но подумайте, сударыня, вы болѣе часа находитесь въ комнатѣ у человѣка, сравнительно еще молодого... ну, и довольно интереснаго..

Лубянцева. Ахъ, Боже мой! Что же дѣлать, какъ быть?

Птичкинъ. Не знаю! Я теряюсь въ догадкахъ...

Лубянцева. Давайте искать средство. Вѣдь дѣло идетъ о моей репутаціи!

Птичкинъ. И о моемъ спокойствіи!

Лубянцева. Разбейте окно и выпрыгните!

Птичкинъ. Это съ 4-го-то этажа? Благодарю покорно-съ!

Лубянцева. Не могу же я провести здѣсь ночь, мой мужъ страшно ревнивъ!

Птичкинъ. Что же вы хотите отъ меня, сударыня?

Лубянцева. Онъ убилъ бы васъ, не моргнувъ глазомъ.

Птичкинъ. Но, однако, чортъ возьми! Имѣя такого мужа, нельзя располагаться въ комнатѣ чужого человѣка, какъ у себя, подвергая опасности

жизнь отца семейства! Я васъ не искалъ, сударыня, я васъ не звалъ, никогда не видалъ даже, я не намѣренъ платить жизнью за вашу неосмотрительность! Женщина должна знать, на что она рѣшается, въ особенности въ такомъ мѣстѣ, какъ меблированныя комнаты!

Лубянцева. Вы правы, я виновата, но что же дѣлать?

Птичкинъ. Не знаю-съ! Безъ васъ я спокойно бы спалъ...

Лубянцева. Повѣрьте, милостивый государь, я крайне сожалѣю, что нарушила ваше спокойствіе... Я умоляю только выпустить меня. Вы должны, должны понять, какъ я боюсь потерять мою безукоризненную репутацію... Я молода...

Птичкинъ. Молоды и прелестны! *(Въ сторону).* Я, кажется, начинаю обращать на нее слишкомъ много вниманія.

Лубянцева. Кромѣ того, зная отлично бурный темпераментъ моего мужа, я думаю, что мы подвергаемся большой опасности!..

Птичкинъ. Чтобъ чортъ его побралъ!

Лубянцева. Я боюсь, онъ проткнетъ васъ своей саблей.

Птичкинъ. Это совсѣмъ не такъ пріятно, какъ онъ думаетъ. *(Пауза).*—Ну, хорошо же! Если я долженъ погибнуть, то все равно... пусть будетъ за что! *(Подходитъ къ Лубянцевой и хочетъ поцѣловать ея руку).*

Лубянцева. Уйдите... оставьте!

Птичкинъ. Балетныя феи... это ночное приключеніе, опасность, грозящая мнѣ...

Лубянцева. Сжальтесь надо мной... пощадите!

Птичкинъ. А сжалится-ли онъ надо мной, надъ женатымъ человѣкомъ, если узнаетъ, какъ высокоблагородно мое поведеніе!

Лубянцева. Вы женаты?

Птичкинъ. Да, сударыня, моя жена рѣшится на все.

Лубянцева. Вы пугаете меня...

Птичкинъ. А вы развѣ не пугаете меня, повторяя каждую минуту, что я буду уничтоженъ, какъ цыпленокъ? Я отомщу непремѣнно! Я не боюсь, я буду защищаться, я разобью своимъ револьверомъ голову вашего кавалериста такъ же легко, какъ ломаю этотъ стулъ!.. *(Онъ беретъ стулъ и бросаетъ его на полъ).*

Лубянцева. Я дрожу... Тише, что вы...

Голосъ Лубянцева *(изъ-за двери).* Скажите, пожалуйста, сосѣдъ, чѣмъ я виноватъ, что вы не даете мнѣ покоя! Вѣдь день еще не насталъ.

Лубянцева. Боже мой! Это его голосъ!

Птичкинъ. Чей голосъ?

Лубянцева. Моего мужа.

Птичкинъ *(тихо).* Тише, тсс... Вы говорите слишкомъ громко!

Лубянцева. Вы боитесь, вы дрожите, какъ и я!

Птичкинъ. Я дрожу? Съ чего это вы взяли, сударыня! *(Подходитъ къ двери и кричитъ).* Я у себя, милостивый государь, вполнѣ свободенъ и дѣлаю, что хочу! Не угодно-ли вамъ объясниться...

Лубянцева. Онъ съ ума сошелъ отъ страха! Да оно и понятно, мой мужъ ужасенъ...

Птичкинъ. Каково я отвѣчаю тѣмъ, кто смѣетъ мнѣ угрожать! Но вы будете, сударыня, горько сожалѣть о томъ, что заставите двухъ храбрѣйшихъ мужчинъ перерѣзать другъ другу горло...

Лубянцева. Но можно избѣжать страшной драмы: я утромъ скажу, что едва только пріѣхала изъ Москвы.

Птичкинъ. Конечно, можно...

Лубянцева. Онъ не будетъ знать, что я была у васъ!

Птичкинъ. Это вполнѣ справедливо, потому что я не виноватъ... я не виноватъ, что вы пожаловали ко мнѣ! *(Сердито)*. Вообще я долженъ сказать, что не терплю вмѣшиваться въ семейныя дрязги.

Лубянцева. Милостивый государь, не раздражайтесь, я постараюсь выгородить васъ совершенно. Такъ какъ я хочу скрыть отъ мужа эту исторію, въ которой вы неповинны, то мужъ не будетъ знать когда я пріѣхала, и подумаетъ, что 10-ю часами позже. Онъ очень недовѣрчивъ, но если я удачно обману его, то для его же собственнаго спокойствія...

Птичкинъ. Знаете что—вы очаровательная особа... и мнѣ почему-то кажется, что счастливый кавалеристъ не доставляетъ вамъ счастья?

Лубянцева. Онъ очень добръ, милъ... только черезчуръ ревнивъ и слишкомъ вспыльчивъ, но зато я нѣжна и кротка, какъ овечка... Онъ очень любитъ меня и, когда я завтра брошусь въ его объятія, поцѣлую его...

Птичкинъ *(громко)*. Умоляю избавить меня отъ подобныхъ картинъ! Теперь, когда я успокоился и смотрю на васъ съ уваженіемъ, котораго вы вполнѣ заслуживаете, мысль о поцѣлуяхъ смущаетъ меня, сердце мое сильно бьется... Вы прелестны, вы очаровательны!..

Лубянцева *(тихо)*. Вы забываете, что мой мужъ можетъ услышать васъ...

Птичкинъ. Тсс... вѣрно, вѣрно, вы правы...

Голосъ за дверью. Но говорите тише, чортъ возьми! моя кровать близъ заклеенной двери... Дайте спокойствіе людямъ! Это ни на что не похоже!

Птичкинъ *(тихо)*. Каналья...

Лубянцева *(тихо)*. Замолчите, замолчите, умо-

ляю васъ. Сядемьте,—вы на диванъ, а я на кресло, и постараемся заснуть. *(Они садятся).*

Птичкинъ. Я повинуюсь, сударыня, я не могу ни въ чемъ вамъ отказать; но что касается предложенія заснуть... невозможно!.. Заснуть, когда близъ меня... очаровательная женщина... развѣ вы принимаете меня за мраморную статую?.. Но успокойтесь... я буду сдерживаться... Надо вамъ сказать, сударыня, что я поэтъ и мечтатель... и не разъ я мечталъ, прогуливаясь по тѣнистымъ аллеямъ моего сада, но если бы вы знали, о чемъ я мечталъ?.. Я мечталъ быть любимымъ... женщиной, вотъ такой, какъ вы... она мнѣ представлялась даже менѣе прелестной... у нея не было такихъ глазъ, такой таліи, граціи, дѣлающихъ мое самообладаніе положительно героизмомъ... Если бы вы согласились выслушать меня, понять, что я испытываю, и сжалились бы... эта спокойная ночь стала бы прекраснѣйшимъ днемъ моей жизни! *(Въ сторону).* Какъ поэтично я говорю...

Лубянцева *(вставая)*. Милостивый государь!—вы женатый человѣкъ...

Птичкинъ *(вставая)*. Эта рѣчь лишь слабое выраженіе того, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. Умоляю на колѣняхъ... *(Онъ падаетъ на колѣни и опрокидываетъ маленькій столикъ).*

Лубянцева. Какой шумъ! Вы сумасшедшій!

Голосъ Лубянцева. А! Вы смѣетесь надо мной! Я желаю знать, кто вы такой? *(Звонокъ)*. Погодите!

Лубянцева. Боже мой, мой мужъ придетъ сюда!

Птичкинъ. Дверь заперта—не безпокойтесь!

Лубянцева. Онъ выломаетъ ее!

Птичкинъ. Но клянусь вамъ, тогда онъ долженъ будетъ перешагнуть черезъ мой трупъ... прежде, чѣмъ подойдетъ къ вамъ... Идутъ! спрячьтесь поскорѣй за

ширмы... Осторожнѣе, чтобъ не могли васъ замѣтить... Я буду васъ защищать! Я вооруженъ... *(Дверь отворяется, коридорный говоритъ не входя: «Жилецъ изъ сосѣдней комнаты прислалъ меня къ вамъ, сударь, узнать, кто вы такой!»).*

Птичкинъ *(выхватываетъ ключъ, запираетъ дверь, потомъ подходитъ къ двери, ведущей въ комнату сосѣда и говоритъ басомъ).* Я, сударь, генералъ. Я имѣю несчастье быть лунатикомъ, я мечтаю о сраженіяхъ, но теперь я проснулся и вы можете спать спокойно. *(Возвращаясь).* Генералъ! Это заставитъ призадуматься лихого кавалериста. Вамъ нечего больше опасаться, сударыня, оставаясь около меня!

Лубянцева. Ключъ у васъ... не правда-ли?

Птичкинъ. Вотъ онъ!

Лубянцева. Ну, такъ отворите дверь, пожалуйста!

Птичкинъ. Вы со мной обращаетесь совсѣмъ какъ съ швейцаромъ.

Лубянцева. Извините... могу васъ увѣрить, что я отлично сознаю непріятности, которыя я неумышленно вамъ причинила. Я удаляюсь... ухожу... но тсс... тише!

Птичкинъ. Неужели я не получу никакой награды?

Лубянцева. Отворите сначала дверь...

(Птичкинъ отпираетъ дверь и поворачивается, желая поцѣловать ручку Лубянцевой).

Лубянцева *(укланяется отъ него, выходитъ и говоритъ, смѣясь).* Что скажетъ ваша супруга! *(Уходитъ).*

Птичкинъ *(растерявшись, выходитъ на авансцену).* Она смѣется! Вотъ награда! Я былъ слишкомъ честенъ! *(Изъ сосѣдней комнаты слышится голосъ Лубянцевой: «Пьеръ, мой милый Пьеръ!»).*

Птичкинъ. Она у него, я узнаю ея голосъ! Они цѣлуются... *(Онъ прислушивается, бросается къ заклеенной двери и кричитъ).* Но замолчите же! Это неприлично! Дайте покой!

Голосъ за дверью. Спите, ваше превосходительство! Покойной ночи, пріятнаго сна!

Птичкинъ *(падаетъ въ кресло).* Трусъ! Жалкій трусъ! У меня не хватило смѣлости поцѣловать ее... Теперь она презираетъ меня! Она смѣется надо мной!.. Нда... слишкомъ много скромности—это ужъ глупость! Непростительная глупость!..

Занавѣсъ.

Я любила его.

Сценка-монологъ.

ДѢЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Варвара Александровна Бороздина.

Надо вамъ сознаться, что я любила его, я сильно его любила, но скрывала это и старалась казаться совершенно равнодушной, что чрезвычайно его бѣсило. Онъ ломалъ себѣ руки, кусалъ губы, безпрестанно повторялъ: «да вѣдь я васъ люблю, поймите вы,—люблю»... и при этомъ, не жалѣя свою грудь, билъ въ нее кулакомъ, какъ въ барабанъ... Я притворялась и отвѣчала: «перестаньте... замолчите... къ чему эта несносная любовь... будемъ друзьями». Онъ дѣлался блѣднымъ, какъ полотно, и безконечно вздыхалъ. Въ то время я жила на дачѣ въ Озеркахъ и вотъ, въ теченіе цѣлаго лѣта подобныя объясненія происходили ежедневно. Онъ сочинялъ мнѣ стихотворныя посланія, съ паѳосомъ ихъ декламировалъ и разъ даже осмѣлился лермонтовское стихотвореніе выдать за свое... Я уличила его въ обманѣ, заставивъ покраснѣть и сознаться. Я думаю, многимъ изъ васъ влюбленные преподносили чужіе стихи, выдавая ихъ за поэтическое настроеніе наболѣвшей души.

Когда онъ позволялъ себѣ слишкомъ увлекаться въ минуты изліянія нѣжныхъ чувствъ, хватать меня

за руки и стращать мальчишескими угрозами лишить себя жизни, я звала горничную и приказывала подать ему стаканъ воды. Но разъ онъ меня ужасно взбѣсилъ... Былъ майскій вечеръ... чудный теплый вечеръ... солнце спряталось... Я вышла въ садъ полюбоваться цвѣтами въ клумбахъ, за которыми ухаживала, какъ за дѣтьми... Вдругъ скрипнула калитка, является онъ... Мраченъ, какъ Гамлетъ, волосы взъерошены...

— Что это вы поздно, откуда вы? спросила я.

Отвѣта не послѣдовало. Онъ кивнулъ головой и сѣлъ на скамейку, только что выкрашенную зеленой краской.

— Поздравляю, вы выкрасились.

— Нѣтъ, знаете, это жестоко, это болѣе чѣмъ жестоко!

— Сами виноваты. Не будьте такимъ разсѣяннымъ, только что выкрашенная скамейка и вы садитесь.

— Да я не про скамейку, я про наши отношенія, все это такой туманъ.

— Какой туманъ, съ чего вы взяли? Все такъ ясно... Мы добрые друзья.

Онъ не вытерпѣлъ и закричалъ на меня въ родѣ того, какъ кричатъ провинціальные трагики. Пришлось сдѣлать маленькую уступку и ласково попросить его замолчать, чтобы онъ больше не разсвирѣпѣлъ.

— Успокойтесь, голубчикъ... Нельзя же такъ, что подумаютъ сосѣди!.. Пойдемте на балконъ.

Затѣмъ, ни слова не произнося, мы пришли на балконъ, сѣли другъ противъ друга, глядѣли другъ другу въ глаза и молчали... Чудная картина, достойная кисти художника... Я бы назвала такую картину «разговоръ влюбленныхъ«... Да.... итакъ, сидимъ и молчимъ..:

— Что новаго? начинаю я.

— Ничего!

— Вы сегодня въ необыкновенно дурномъ расположеніи духа, кто разстроилъ ваши нервы?

Молчитъ... И я опять молчу... Минуту молчимъ, двѣ, три, пять, десять... Наконецъ, онъ собирается съ силами, и съ иронической улыбкой произнесъ «нда»...

Мнѣ все это было пріятно, но помучить влюбленнаго моя страсть...

Послѣ знаменательнаго «нда«, онъ подвинулъ стулъ и приблизился ко мнѣ.

— Пожалуйста, не приближайтесь... Сидите тамъ, гдѣ вы сидѣли!

Какъ только я ему это сказала, онъ вскочилъ со стула, подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку, сжалъ ее и горячо, даже слишкомъ горячо, прочиталъ цѣлый драматическій монологъ, пересыпанный жестокими тирадами о любви и мученіяхъ, испытываемыхъ влюбленными...

— Подите прочь! Крикнула я, а онъ въ отвѣтъ... что вы думаете... онъ осмѣлился—поцѣловать меня...

Мнѣ было пріятно, но я возмутилась, я разсердилась... или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала видъ, что возмущена...

— Уйдите отсюда вонъ! Крикнула я,—и не смѣйте показываться мнѣ на глаза...

— Прощайте, совсѣмъ тихо произнесъ онъ,—«пойду и брошусь въ воду».

— Пойдите и бросьтесь, и пускай васъ какая-нибудь рыба въ здѣшнемъ озерѣ проглотитъ.

Ушелъ... ушелъ, чтобы утопиться! Не утопишься, голубчикъ, подумала я, не испугаешь! А сама, признаться сказать, немножко трушу и нарочно изъ калитки поглядываю, куда онъ пошелъ,—оказывается, къ озеру...

Полчаса я была въ страшномъ волненіи изъ-за этого человѣка... Неожиданно является его пріятель, и вообразите... извѣщаетъ меня, что тотъ бросился съ мостика у купальни внизъ головой и скрылся...

Сердце мое заговорило, я была не въ силахъ преодолѣть себя и разрыдалась... рыданія меня душили и я въ истерикѣ упала... Меня уносятъ въ комнаты, приводятъ въ чувство...

— Стоитъ-ли такъ убиваться, замѣчаетъ мнѣ его товарищъ,—вѣдь вы его никогда не любили.

Меня такъ взбѣсила эта фраза, что я распекла его жестоко.

— И вы, его товарищъ,—говорила я,—и вамъ его не жаль?.. Вамъ не жаль человѣка, который бросился въ воду, который теперь... о... вы... вы... Такъ знайте, что я его любила, я давно его любила, я боготворила его! И если бы онъ не сдѣлалъ такой глупости, я бы бросилась ему на шею, я бы...

Каково мое удивленіе... растворяется дверь—и, о ужасъ... онъ! Онъ стоитъ передо мной, я въ восторгѣ бросаюсь въ объятья, цѣлую его, говорю: «милый, хорошій, дорогой, ты живъ, тебя спасли?»

— Я, говоритъ, и не думалъ бросаться... это была моя хитрость... Смотрю, дѣйствительно—изъ воды сухъ вышелъ!..

Я хотѣла опять разсердиться, но при свидѣтелѣ *бросилась ему на шею и волей-неволей покорилась* своей участи...

Если когда-нибудь съ вами вздумаютъ сыграть *такую штуку—не будьте такъ наивны, какъ я!*

Занавѣсъ.

Несравненная.

Картинка въ одномъ дѣйствіи.

Представлено первый разъ на сценѣ театра Литературно-Художественнаго Общества въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бирюкова, опереточная актриса, лѣтъ 30.
Вулканова, ея компаньонка и довѣренное лицо, лѣтъ 55.
Зарницынъ, другъ Бирюковой, директоръ банка, лѣтъ 48.
Володя, почитатель таланта Бирюковой, театралъ, лѣтъ 18.
Зина, горничная Бирюковой.

Дѣйствіе въ Петербургѣ у Бирюковой. Вечеръ. Красиво убранная комната. Три двери. Входная по серединѣ.

(При поднятіи занавѣса на сценѣ Вулканова и Володя).

Вулканова. По-моему Наталья Петровна талантливѣе всѣхъ опереточныхъ знаменитостей, а только у насъ кумовство, зависть и таланту пробиться мудрено.

Володя. Наталья Петровна цвѣтокъ-съ, благоуханный цвѣтокъ, можно сказать. Несравненная-съ!

Вулканова. Гдѣ бы мы не играли, и здѣсь, и въ провинціи,—успѣхъ нашъ полный. Насъ любятъ.

Володя. Развѣ вы тоже играете, Агата Францевна?

Вулканова. Я и она—это одно цѣлое, поэтому я всегда говорю: «мы». У насъ и горе и радости общія. Въ четвергъ нашъ бенефисъ и я волнуюсь, больше ея волнуюсь! Это будетъ праздникъ искусства.

Володя. И говорятъ, и въ газетахъ писали, что готовятся овація.

Вулканова. Насъ удивительно любятъ, наше мѣсто давно въ Александринскомъ театрѣ, въ драмѣ, но Таша горда. Пускай попросятъ, а сами... ни за что! Мы себѣ цѣну знаемъ!

Володя. Во многихъ лавкахъ портреты Натальи Петровны выставлены сегодня... Между фруктами гдѣ-то стоятъ, потомъ въ химической лабораторіи... еще въ кондитерской, въ цвѣточномъ магазинѣ...

Вулканова. Въ мѣховомъ магазинѣ, у парикмахера... Я сама развозила, всѣ просили. Это украшаетъ окна магазиновъ.

Володя. Я букетъ подамъ Натальѣ Петровнѣ, надпись на лентахъ уже заказалъ...

Вулканова. Что вамъ за охота тратиться на эти букеты. За ту же цѣну вы могли бы пріобрѣсть полдюжины десертныхъ и даже столовыхъ серебряныхъ ложекъ.

Володя. Къ цвѣтку—больше идутъ цвѣты. Подавать серебро—такъ посолиднѣе, а не полдюжины ложекъ.

Вулканова. Какъ будто вы подаете для вида, вѣдь въ васъ говоритъ извѣстный порывъ, это дань таланту. Даровому коню, говоритъ пословица, въ зубы не смотрятъ. Намъ въ Симферополѣ одну столовую ложку подали въ красивомъ футлярѣ. Въ этотъ же вечеръ я получила отъ поклонниковъ золотое пенснэ... Вотъ это самое... которое у меня на носу. Кажется, и наша Прекрасная Елена ползетъ.

Бирюкова *(входитъ важно, немножко ломается)*. Ахъ, мальчикъ, и вы здѣсь.

Вулканова *(Бирюковой)*. Тамъ, на столѣ, я положила 80 копѣекъ... Я купила на 20 копѣекъ гуммиарабику для наклейки въ золоченую книгу рецензій о васъ.

Бирюкова. Только хорошія рецензіи лѣпите.

Володя *(цѣлуетъ руку)*. Наталья Петровна, вчера, въ Прекрасной Еленѣ вы всѣхъ уничтожили! высокое исполненіе-съ... Два офицера между собой бесѣдовали: «надо ей букетъ закатить въ бенефисъ»,—сказалъ одинъ другому.

Бирюкова. Я знаю этихъ офицеровъ, они все собираются меня чествовать, а я уклоняюсь. Смерть не люблю этой помпы.

Вулканова *(закуривая папиросу)*. И напрасно... Другія вонъ ежегодно справляютъ по юбилею, берутъ мѣха, золото и драгоцѣнности, а мы пятнадцатилѣтіе пропустили!

Бирюкова *(на кушеткѣ)*. Юбилеи въ молодости только старятъ... Я начну ихъ праздновать позже... Тогда они будутъ молодить.

Володя. Около меня, Наталья Петровна, заслуженный человѣкъ сидѣлъ... Я думаю, не менѣе генерала... Все вспоминалъ! «Въ прошломъ столѣтіи,—говоритъ,—была Шнейдерша, но право Бирюкова не хуже ея!» А Шнейдерша имя, такъ-сказать, историческое... Я вчера всѣ руки отхлопалъ.

Вулканова. А послѣ дуэта «Такъ это сонъ», вы ослабли...

Володя. Не ослабъ, но тутъ сосѣдъ на меня сталъ коситься, какъ будто за клакера счелъ...

Бирюкова. У насъ каждаго искренняго энтузіаста готовы признать за клакера.

Вулканова. Что прекрасно, то прекрасно! Я вамъ хлопала и кричала «бисъ» совсѣмъ не какъ знакомая, а по наитію, по вдохновенію. Пускай-ка кто-нибудь такъ споетъ «кувыркомъ». У насъ и голосъ, и представительность. Не даромъ насъ нарасхватъ.

Володя *(Бирюковой)*. Позвольте ручку поцѣловать... Пламень есть въ игрѣ, пронизываете, Наталья Петровна.

Бирюкова *(ломаясь)*. У меня все на нюансахъ.

Вулканова *(перебивая)*. У насъ французская игра. Возьмите нынѣшнихъ опереточныхъ актрисъ—или русская баба, деревенская, неуклюжая, безъ граціи, или цыганка, а мы по-французски.

Володя. Наталья Петровна, я хотѣлъ просить у васъ портретъ въ «Мадамъ Анго»... не откажите осчастливить... съ автографомъ...

Бирюкова. Вѣдь у васъ цѣлая коллекція моихъ портретовъ?

Володя. А въ «Анго» нѣтъ-съ...

Вулканова. Его можно наградить, онъ намъ преданъ, у него большія и хорошія знакомства...

Володя. Мы съ пріятелями, каждый разъ по окончаніи спектакля, подходимъ къ оркестру и вызываемъ.

Вулканова. Вѣдь это онъ вамъ розу бросилъ въ среду...

Бирюкова. Я всегда боюсь этихъ овацій, того и гляди въ глазъ попадутъ. Ну, хорошо, я вамъ приготовлю портретъ, но съ условіемъ.

Вулканова *(перебивая)*. Устройте намъ хорошую бенефисную встрѣчу, чтобы всѣмъ завидно было.

Володя. Радъ стараться: насъ человѣкъ десять наберется...

Бирюкова. Вы знаете, какъ я скромна... Въ нашемъ театрѣ у всѣхъ клака.

Вулканова *(перебивая)*. Мы въ ней не нуждаемся. Наша клака—вся публика!

Володя *(снова цѣлуя руку)*. До свиданья, Наталья Петровна...

Вулканова. Не забудьте мой совѣтъ...

Володя *(въ недоумѣніи)*. Насчетъ чего-съ?

Вулканова. Насчетъ серебряныхъ ложекъ...

Володя. Ахъ да!

Бирюкова. Агата Францевна, что вы къ нему пристаете? съ какими-нибудь глупостями?.

Вулканова. Это наши секреты!

Володя *(цѣлуетъ руку Бирюковой, потомъ жметъ руку Вулкановой и уходитъ)*. До свиданья-съ...

Бирюкова *(послѣ его ухода)*. Пожалуйста, вы, Агата Францевна, взятокъ съ моихъ бѣдныхъ по-

клонниковъ передъ бенефисами не берите... я вамъ запрещаю.

Вулканова *(обижаясь)*. Я, кажется, слабостью къ лихоимству не отличалась, пятнадцать лѣтъ состою при васъ, а тысячнаго билета ренты не скопила.

Бирюкова. На какое серебро вы намекали мальчику?

Вулканова. Мои помыслы всегда клонятся къ вашей пользѣ. Онъ собирается вамъ цвѣты поднесть, а я рекомендовала серебряныя ложки... Если нѣсколько человѣкъ поднесутъ по полдюжинѣ ложекъ—намъ будетъ очень пріятно. У насъ сервировка требуетъ ремонта.

Бирюкова. Клакеръ былъ?

Вулканова. Спиридоновъ? Не тольло былъ, но выпросилъ десять рублей въ задатокъ. Я сама разработала съ нимъ планъ бенефиснаго пріема.

Бирюкова *(указывая на столъ)*. Я написала тамъ, на бумажкѣ, какія аріи я буду повторять по желанію публики и когда нужно мнѣ усиленно хлопать.

Вулканова. Все исполнено. Онъ прибавку проситъ, потому что потребуется резервъ въ галлеркѣ и потомъ онъ приведетъ знакомыхъ дамъ.

Бирюкова. Когда вы поѣдете по редакціямъ просить помѣстить анонсы о моемъ бенефисѣ?

Вулканова. Когда вы мнѣ дадите лошадей.

Бирюкова. Мнѣ хочется, чтобы бенефисъ прошелъ попышнѣе... Футляръ заказали?

Вулканова. Какой футляръ?

Бирюкова. Какъ вы состарились, Агата Францевна! стали все забывать! Я вамъ приказала заказать малиновый бархатный футляръ для моихъ серегъ... я рѣшила поднесть ихъ себѣ еще разъ.

Вулканова. Надо бы намъ въ старыхъ футлярахъ порыться.

Бирюкова. Новый, слышите, закажите новый!.. чтобы не было подозрѣній. Въ редакціяхъ просите, чтобы напечатали подушевнѣй.

Вулканова. На душевность писателей я особенно не расчитываю... Чернильныя души...

Бирюкова. Пусть напишутъ, что мой бенефисъ будетъ праздникомъ искусства! Развезите всѣмъ имъ кресла. *(Вулканова садится къ столу и что-то пишетъ).* Что вы тамъ пишете?

Вулканова. Чтобы не забыть, я написала вмѣсто васъ нѣсколько словъ Володѣ на портретѣ изъ Анго... «Отъ несравненной».

Бирюкова. Я хочу послѣ спектакля всю труппу въ ресторанъ ужинать пригласить... Зарницынъ заплатитъ.

Вулканова. Разумѣется! Только этого недоставало, чтобы мы сами стали платить въ ресторанахъ! Что онъ вамъ подноситъ?

Бирюкова. Кажется, браслетъ...

Вулканова. Браслетъ! Но на какую сумму? Я могу съѣздить къ ювелиру и поговорить съ нимъ.

Бирюкова. Почемъ же я знаю у кого онъ покупаетъ.

Вулканова. Выпытайте отъ него, пора вамъ быть практичнѣй, вѣдь время уходить... вы звѣзда и должны пользоваться.

Бирюкова. Вы правы, мое безкорыстіе доходитъ до наивности.

Вулканова. Онъ думаетъ, что подарилъ вамъ ротонду и облагодѣтельствовалъ! Погодите, я съ нимъ потолкую какъ-нибудь. Тутъ еще мелкихъ счетовъ три-четыре лежатъ неоплаченныхъ.

Бирюкова. Какіе счета?

Вулканова. Бенефисные заказы. Серебряный вѣнокъ на подушкѣ «отъ почитателей изъ Ростова-на-Дону». Нарочно выбрала мягкую пуховую подушку:

для спанья пригодится. Самоваръ отъ публики «нашей несравненной».

Бирюкова. Опять самоваръ!

Вулканова. Но намъ нуженъ новый самоваръ и надо воспользоваться случаемъ. Потомъ...

Бирюкова. Что еще?..

Вулканова. Я заказала недорогой ридикюль... мѣшокъ... Это ужъ я для себя.. Поднесутъ его вамъ, полежитъ онъ дня два у васъ и я возьму его себѣ... Мнѣ необходимъ мѣшокъ, возить замѣтки въ газеты, счета оплачивать. *(Звонокъ).* Это онъ, по звонку чувствую, что онъ—Зарницынъ.

Бирюкова *(старается принять болѣе красивую позу).* Какъ онъ мнѣ надоѣлъ своей подозрительностью и ревностью, сказать не могу... *(Лиза проходитъ отворять дверь).*

Вулканова. Желчный, сухой чаловѣкъ, но если взять его въ руки... *(Заглянувъ въ дверь и увидя входившаго Зарницына).* Онисій Алексѣевичъ! А Таша все вспоминаетъ о васъ. *(Лиза проходитъ обратно).*

Зарницынъ *(цѣлуетъ руку Бирюковой).* Здоровы ли вы, Наталья Петровна? Агата Францевна... *(Подаетъ руку).*

Бирюкова. Бенефисные хлопоты такъ утомляютъ меня, публика пристаетъ—проситъ билеты, репетиціи...

Зарницынъ *(язвительно).* Поздно спать изволите ложиться, вокальныхъ средствъ не бережете...

Бирюкова. Что же вы хотите, чтобы я, не заканчивая спектакля, послѣ второго акта отправлялась домой спать?

Вулканова. Примите во вниманіе, Онисій Алексѣевичъ, нервное возбужденіе на сценѣ, переживаемое артисткой.

Зарницынъ. Я не знаю-съ, но мнѣ говорили...

Бирюкова. Что? что вамъ еще говорили?

Зарницынъ. Изволили вчера на тройкѣ ѣздить... и знаю даже съ кѣмъ?

Бирюкова. Ахъ, ужъ вы знаете! Удивительные у васъ агенты... Ну, прокатились, что-жъ изъ этого!

Вулканова. У нея голова болѣла, въ виски стучало.

Зарницынъ. Личность-то сомнительная, человѣчишка нехорошій, репутація...

Бирюкова. Ну, пошелъ! да вѣдь у васъ всѣ подленькіе люди, съ кѣмъ бы я ни поговорила, ни поужинала. Въ циркѣ гуляла съ Рѣкинымъ—подлецъ, въ театрѣ былъ у меня въ ложѣ Кидошенковъ—темная личность, поклонилась съ Похитенко—мошенникъ.

Зарницынъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но они вамъ не компанія!

Бирюкова. Надо же мнѣ развлекаться, людей видѣть, не могу я все съ вами сидѣть, вы надуетесь со злости и молчите..

Вулканова *(перебивая)*. Простите, я перебью!.. Таша, у васъ есть рублей пятьдесятъ, мнѣ нужно на расходы?... я ѣду въ театръ.

Бирюкова. Вамъ вѣчно деньги нужны...

Зарницынъ *(вынимая изъ бумажника)*. Пожалуйста, вотъ пятьдесятъ рублей...

Бирюкова. Какъ вы надоѣдаете, Агата Францевна.

Вулканова. Ваши же исполняю порученія.

Бирюкова. Благодарю васъ, Онисій Алексѣевичъ.

Вулканова *(уходя)*. Я не прощаюсь, вѣроятно еще увидимся! до скораго свиданія. *(Уходитъ)*.

Бирюкова. Сядьте около меня... сядьте сюда... *(Зарницынъ садится около нея на кушеткѣ)*. Успокоились?

Зарницынъ. Я всегда спокоенъ, Наталья Пе-

тровна, но вы себя не щадите... Этакій господинъ Алмазовъ поужинаетъ съ вами, а потомъ начнетъ звонить по городу.

Бирюкова. Вы, кажется, еще ни про одного человѣка мнѣ хорошо не сказали. Согласитесь сами, что артисткѣ нуженъ успѣхъ, его создаетъ публика... Не могу же я избѣгать эту публику...

Зарницынъ. Ужинать каждый день...

Бирюкова. Каждый день! поѣхала вчера случайно подышать воздухомъ...

Зарницынъ. А третьяго дня, когда вы не участвовали въ спектаклѣ, что вы дѣлали?

Бирюкова. Вы ушли въ одиннадцать часовъ...

Зарницынъ. А вы поѣхали цыганъ слушать...

Бирюкова. Вотъ какъ! У васъ отлично организованъ тайный надзоръ за мной!

Зарницынъ. Никакого тайнаго надзора нѣтъ, это весь городъ знаетъ.

Бирюкова. Какое событіе, подумаешь! Ну, слушала цыганъ, что-жъ такое!

Зарницынъ. Угодно вамъ больше скажу!—Кэкъ уокъ танцовали!

Бирюкова. Танцовала! Ну, такъ что-жъ!

Зарницынъ. Во-первыхъ, вы меня постоянно обманываете, во-вторыхъ, проводите время съ господиномъ, который...

Бирюкова *(перебивая)* Негодяй?

Зарницынъ. Чуть ли подъ судомъ не находится.

Бирюкова. Ну пошелъ опять! васъ послушаешь, такъ рѣшительно всѣ недостойны меня, кромѣ васъ. Да если бы это и было такъ, я должна поддерживать знакомства, мой бенефисъ приближается.

Зарницынъ. Мое желаніе какъ можно выше поставить васъ на пьедесталъ, а вы...

Бирюкова. Онисій Алексѣевичъ, зачѣмъ мнѣ вашъ пьедесталъ? я упаду съ него и ушибусь.

Зарницынъ. Вы сами мнѣ высказывали свой взглядъ на оперетку, увѣряли, что вамъ душно въ этой атмосферѣ...

Бирюкова. Милый вы человѣкъ, но нытье ваше можетъ расшатать всѣ нервы, Онисій Алексѣевичъ...

Зарницынъ. Съ моимъ положеніемъ, съ моими связями, я могу устроить вамъ дебютъ въ любомъ театрѣ, ваши голосовыя средства...

Бирюкова *(кокетничая)*. Ну, хорошо, хорошо, исправлюсь! даю вамъ слово, что исправлюсь... Ну, успокойтесь... чѣмъ рѣже вы будете читать мнѣ нравоученія, тѣмъ я буду лучше вести себя. Хотите мириться?!

Зарницынъ. Каждый день мы миримся, я успокаиваюсь, а на другой день...

Бирюкова. У васъ ужасный характеръ, милый другъ! вы нервный, раздражительный и къ тому же ревнивы. Куда бы вы не пошли съ нами, вы всегда надуваетесь, набираете воды въ ротъ и молчите! Съ кѣмъ бы я не поклонилась, на кого бы я не посмотрѣла, вы возмущаетесь! Вспомните нашъ послѣдній ужинъ въ ресторанѣ!

Зарницынъ. Поклонились! поклонились—это ничего, а вы сейчасъ безпроволочный телеграфъ устраиваете, начинаете перемигиваться. Вникните въ мое-то положеніе... самое дурацкое.

Бирюкова. Вы подозрительны и вамъ часто кажется то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ!

Зарницынъ. Отчего мнѣ не сказать прямо, что вы хотите поѣхать съ компаніей повеселиться...

Бирюкова. Если вамъ сказать, вы сочините изъ этихъ пустяковъ такую исторію, что меня разстроите и сами заболѣете...

Зарницынъ. Я прежде всего требую откровенности!

Бирюкова. Поймите, мнѣ трудно было отка-

зать, потому что люди желаютъ мнѣ угодить, просятъ билеты на бенефисъ, готовятъ подарки...

Зарницынъ. Будь это солидные люди, а то вѣдь... Ну вотъ хоть бы у васъ бывалъ Пичугинъ...

Бирюкова. И что же? чего только вы мнѣ не говорили объ этомъ Пичугинѣ! и жену-то свою онъ обобралъ, и картежникъ, и я не знаю кто!.. Вы начали его хвалить только тогда, когда мы съ нимъ поссорились. И это ваша система! вы ненавидите всѣхъ моихъ знакомыхъ, всѣхъ друзей, пока они въ добрыхъ отношеніяхъ со мной. Какъ только наступаетъ охлажденіе, вы начинаете имъ высказывать сочувствіе, а новыхъ друзей браните...

Зарницынъ. Я, какъ и всѣ люди, могу ошибаться, но я тороплюсь исправить мои ошибки. Это весьма естественно.

Бирюкова. Вы сами мнѣ говорили, что всѣ женщины, за которыми вы ухаживали, васъ не выносили.

Зарницынъ. Совершенно вѣрно, но вѣдь какія это были женщины? изъ какого круга? Это тѣ женщины, которыя въ моемъ уваженіи, въ моихъ чувствахъ къ нимъ видѣли покушеніе на ихъ свободу, необходимую имъ для оргій и кутежей. Развѣ я могу сравнивать васъ съ ними... Я на васъ смотрю иначе, и...

Бирюкова. И я увѣрена, что каждой изъ нихъ вы говорили то же самое, потому что вы всѣхъ хотите подчинить своему вліянію, передѣлать, создать идеалъ, который вамъ нуженъ. Самая безупречная по своимъ отношеніямъ къ вамъ женщина, заслуживала бы съ вашей стороны безконечные упреки. Ужъ если мой характеръ для васъ тяжелъ, а я ли не стараюсь угождать вамъ, оберегать ваше спокойствіе...

Зарницынъ. Ну, этого я не скажу-съ!

Бирюкова. Еще не было ни одного дня, чтобы вы не придирались ко мнѣ, не пытали меня...

Зарницынъ. Потому что я уважаю васъ и не могу мириться со многимъ въ вашей жизни. Когда мы познакомились и я опредѣлилъ вамъ ясно мои взгляды на жизнь и отношенія, вы вполнѣ согласились со мной.

Бирюкова. И чѣмъ же я ихъ нарушила? нельзя же волноваться изъ-за каждой мелочи, пустяковъ.

Зарницынъ. Для меня это не мелочи-съ! Къ чему всѣ эти заигрыванья съ разными недостойными васъ людьми, когда вы отлично знаете, что о бенефисѣ вашемъ я самъ подумаю и сумѣю достойно отмѣтить этотъ праздникъ искусства...

Бирюкова *(притворяясь)*. Ахъ! Можетъ быть вы и правы, будьте же снисходительны къ намъ—артисткамъ. Условія нашей жизни сложились такъ ужасно, что мы просто не въ силахъ передѣлаться быстро. Мы сами не отдаемъ себѣ полнаго отчета въ томъ, что дѣлаемъ.

Зарницынъ. Несомнѣнно такъ, и я радъ, что въ васъ искра этого сознанія еще не угасла. Иначе-бы я и не возмущался. Согласитесь, что эти господа, Наталья Петровна, вся эта публика...

Бирюкова. Разумѣется, серьезно къ нимъ относиться нельзя. Я такъ на нихъ и смотрю. *(Нѣжно)*. Подвиньтесь ко мнѣ! Я васъ огорчила. *(Быстро цѣлуетъ)*. Я буду послушной...

Зарницынъ. Повѣрьте мнѣ, Наталья Петровна, что никто васъ такъ глубоко, такъ вѣрно не оцѣнитъ и не пойметъ, какъ я... Не хвастаясь скажу, что я психологъ замѣчательный.

Бирюкова. Значитъ миръ? и теперь надолго?

Зарницынъ *(цѣлуетъ руку)*. Я себя не помню, бѣгаю, хлопочу... Сюрпризъ готовлю.

Бирюкова. Ты мнѣ не можешь сказать, какой сюрпризъ ты готовишь?

Зарницынъ (*они встаютъ*). Ни за что на свѣтѣ! бенефисъ не за горами... увидишь сама!

Бирюкова. Я хотѣла тебя просить не разрѣшишь ли ты мнѣ послѣ бенефиса устроить скромный ужинъ, позвать товарищей-актеровъ.

Зарницынъ. Конечно, отлично, я самъ приду, распорядись, пожалуйста!.. Только...

Бирюкова (*продолжая его рѣчь*). Только публики не зови!.. Никого не приглашу, успокойся... будетъ антрепренеръ, актеры, капельмейстеръ, декораторъ, суфлеръ, режиссеръ.

Зарницынъ. Вотъ это прекрасно, я всегда симпатизирую попыткѣ отплатить любезностью товарищамъ, артистамъ, труженникамъ. Я самъ готовъ поднять бокалъ за стройное, дружное исполненіе.

Бирюкова (*обнимая его*). Итакъ, мы больше не сердимся, мы друзья!

Зарницынъ. На долго-ли—не знаю!

Бирюкова. Если ты, дѣйствительно, такъ сильно воспринимаешь мои шалости, даю тебѣ слово больше не дѣлать ихъ.

Зарницынъ. И повѣрь мнѣ, ты будешь чувствовать себя отлично, спокойно, сохранишь свое здоровье, голосъ!.. (*Видя на столѣ счета*). Что это за записки?

Бирюкова (*пряча счета*). Отъ поклонниковъ... не покажу... ни за что не покажу!

Зарницынъ. Не вѣрю.

Бирюкова. Ты правъ! счета! самыя непріятныя записки, которыя приходится получать. Впрочемъ, кто ихъ не получаетъ!

Зарницынъ (*вырываетъ счета, пробѣгаетъ ихъ и вынимаетъ деньги*). 227 рублей. Пожалуйста, ликвиди-

руй... Хотя это въ нашу смѣту и не входило, но я отнесу къ экстреннымъ бенефиснымъ расходамъ. Что ты, Ташенька, сегодня дѣлаешь?

Бирюкова *(вздохнувъ)*. Къ цыганамъ!

Зарницынъ. Разъ ты это говоришь—не вѣрю! Отдыхаешь?

Бирюкова. Да. Сегодня отдыхаю, это единственный день, а завтра и послѣ завтра спектакли. Ты останешься у меня, мы будемъ чай пить...

Зарницынъ. Позволь мнѣ лучше завтра зайти послѣ спектакля, потому что сегодня меня просилъ къ себѣ мой коллега, тоже директоръ банка, у насъ маленькое домашнее засѣданіе и затѣмъ винтъ. Тѣмъ болѣе тебѣ необходимъ отдыхъ, я вижу, что ты очень, очень утомлена.

Бирюкова. Ты правъ, тысячу разъ правъ, что я не берегу своего здоровья...

Зарницынъ. Этими кутежами никого не удивишь! Ну, до свиданія... Ты знаешь который часъ? скоро одиннадцать.

Бирюкова. Агата Францевна сейчасъ пріѣдетъ изъ театра. Она хлопочетъ насчетъ моей бенефисной афиши. Будь здоровъ и будь спокоенъ. *(Она нажимаетъ звонокъ, входитъ горничная Зина)*. Онисій Алексѣевичъ уходитъ.

Зарницынъ. До завтра! *(Цѣлуетъ ей руку, она его въ лобъ. Уходитъ. Зина за нимъ. Минуту спустя Зина возвращается, а за нею показывается Вулканова)*.

Бирюкова. Охъ! какая тяжелая марка этотъ Онисій Алексѣевичъ. Пытаетъ тебя, распекаетъ, ревнуетъ, подозрѣваетъ...

Вулканова *(не снимая накидки)*. Счета показывали?

Бирюкова. Заплатилъ! но съ какимъ предисловіемъ.

Вулканова. А я васъ обрадую!

Бирюкова *(замѣтно оживляясь)*: Чѣмъ?

Вулканова. Насъ просятъ!

Бирюкова *(восторженно)*. Кто, куда, когда?

Вулканова. Повтореніе вчерашняго! Похищеніе несравнѣнной.—Видѣла Алмазова въ театрѣ, просилъ немедленно приготовиться, одѣться! самъ сейчасъ летитъ на тройкѣ. Я условилась, если Зарницына ты еще не спровадила—предупредить швейцара. Живо одѣвайся! Сейчасъ явится...

Бирюкова *(быстро подбѣгаетъ къ зеркалу, поправляетъ волосы и нажимаетъ звонокъ. Входитъ Зина)*. Скорѣе барашковую кофточку, шляпу со стрѣлой, перчатки. Принеси духи! Агата Францевна, не надѣть ли мнѣ красное платье?

Вулканова. Съ какой стати, вѣдь это свой интимный кружокъ... Я сама попросту!.. *(Зина приноситъ кофточку, шляпу, перчатки, муфту и духи. Бирюкова душится и одѣвается)*. Съ насъ не взыщутъ. Какъ вы спровадили-то голубчика?

Бирюкова. Онъ занятъ сегодня. Вотъ надоѣлъ! трудно себѣ представить болѣе нуднаго, назойливаго мужчину. Казнитъ, все время казнитъ.

Вулканова. Инквизиторъ!

Бирюкова. Всѣ на свѣтѣ негодяи, одинъ онъ прекрасный человѣкъ. Жизнь съ нимъ—это темница! *(Звонокъ. Бирюкова вздрагиваетъ, подбѣгаетъ еще разъ къ заркалу и прихорашивается)*. Я готова! Какъ я счастлива, хоть на нѣсколько часовъ забыться, развлечься и отдохнуть! Ѣдемъ!

Вулканова. Онъ и раздѣваться не будетъ! *(Онѣ направляются къ двери, которая растворяется и показывается Зарницынъ. Бирюкова и Вулканова сконфужены. Зарницынъ свирѣпъ)*.

Занавѣсъ.

Величайшее открытіе.

фантастическій сонъ въ 1 д. и 3 картинахъ

А. Плещеева.

Представлено въ первый разъ на сценѣ театра „Кривое Зеркало“.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хозяинъ гостиницы.
Хозяинъ перваго магазина.
Владѣлецъ ваннъ.
Ресторатоpъ.
Часовщикъ.
Булочникъ.
Докторъ Кики.
Аптекарь.
Дама средн. лѣтъ.
Дама помоложе.
Хромой адвокатъ.
Горбатый старикъ.
Молодой человѣкъ.
1, 2, 3, 4 } изъ толпы.
1, 2 } дамы.
Публика.

Дѣйствіе въ крошечномъ городкѣ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Просторная комната).

Хоз. гостин. Я собралъ васъ, дорогіе сограждане, для того, чтобы сообща обсудить, что намъ дѣлать. Мы рѣшительно погибаемъ! Насъ никто не хочетъ знать, никому нѣтъ дѣла до нашего городишка! Мы въ сторонѣ! Сосѣдніе города разростаются, соединены желѣзной дорогой, а мы забыты и заброшены. Несемъ убытки. За цѣлый годъ въ моей гостиницѣ остановилось 25 человѣкъ.

Хоз. перв. магаз. Народонаселеніе города ежегодно уменьшается, всѣ стремятся выѣхать, торговля въ застоѣ.

Владѣл. ваннъ. Никто не знаетъ какіе я несу убытки, выстроивъ образцовыя восточныя бани.

Ресторатторъ. Я закрою мой ресторанъ, оставленный мнѣ отцомъ въ наслѣдство! Граждане обѣднѣли и посѣщаютъ только кабаки.

Часовщикъ. Смѣшно сказать, господа, но я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ продалъ одни столовые часы и пару карманныхъ.

Хоз. гостин. Мы должны добиться отъ правительства, чтобы насъ соединили желѣзнодорожной вѣткой съ ближайшими центрами! Такъ жить нельзя.

Булочникъ. Добиться во что бы то ни стало, послать депутацію, а въ случаѣ отказа угрожать революціей.

Хоз. гостин. Угроза не опасная! Десять кавалеристовъ раздавятъ всѣхъ революціонеровъ. Я противникъ агрессивныхъ мѣръ! Но благосостояніе города надо поднять!

Булочникъ. Хоть бы у насъ родился какой-нибудь изобрѣтатель, изслѣдователь полярныхъ странъ или воздухоплаватель!

Хоз. перв. магаз. Хоть бы какая-нибудь знаменитость считала нашъ городишко своей родиной.

Владѣл. ванны. Былъ одинъ теноръ, который оказывалъ большую честь нашему городу, но и тотъ потерялъ голосъ и торгуетъ теперь гдѣ-то сомнительнымъ коньякомъ.

Ресторатторъ. Удивительный городъ! ни одного политическаго дѣятеля, ни одного настоящаго ученаго, ни одного поэта!

Докторъ. Три доктора въ городѣ и никакой практики! Всѣ лѣчутся гомеопатіей по книгѣ. Да и вообще никто серьезно не болѣетъ.

Булочникъ. Ну, это только хорошо! Что же вы хотите, чтобы мы, любезный докторъ, ради вашего благополучія болѣли и ложились въ больницу.

Докторъ. Смертность ничтожная, а это указываетъ на недостатокъ эпидемій.

Хоз. гостин. Вы многаго требуете! Чортъ васъ возьми съ вашей медициной.

Атекарь. Нѣтъ, каково мнѣ! Застой полный! Кромѣ цинковой мази и горчичниковъ сегодня ничего не продавалъ. Возмутительно! Такъ жить нельзя! Пускай лучше землетрясенье или ураганъ смететъ насъ.

Всѣ. Полное разореніе... Рабочихъ рукъ нѣтъ, всѣ уходятъ на фабрики, въ каменноугольныя копи...

Булочникъ. Хоть бы какую-нибудь выставку придумать.

Владѣл. ванн. Выставку чего?

Аптекарь. Въ другихъ городахъ появляются разбойники, объ нихъ пишутъ въ газетахъ.

Рестораторъ. Тоже хватили! покорно благодарю за такую популярность! Разбойники! Этакъ вы пожелаете экспропріаторовъ, убійцъ, мошенниковъ.

Булочникъ. Правительство обязано что-нибудь сдѣлать для насъ!

Хоз. перв. магаз. У насъ нѣтъ изобрѣтательности, нѣтъ геніевъ... Мы не можемъ поставить въ городѣ ни одного памятника нашимъ согражданамъ, потому что не знали людей выдающихся.

Докторъ *(прикладывая палецъ ко лбу, выходитъ впередъ, всѣ поднимаются съ мѣстъ и идутъ за нимъ).*

Всѣ. Что такое? Вамъ пришла въ голову идея? Что придумали?

Докторъ *(восторженно).* Нашъ городъ будетъ извѣстенъ всему міру и сюда потянутся люди со всѣхъ концовъ свѣта.

Булочникъ. Вы фантазеръ!

Хоз. гостин. Вотъ, если вы достигните этого—мы первый памятникъ поставимъ вамъ. Вы будете нашей гордостью и славой. Но я плохо вѣрю въ вашъ геній.

Хоз. перв. магаз. Изобрѣтете помаду для ращенія волосъ и воображаете, что весь міръ ухватится за это радикальное средство для обладанія густой шевелюрой.

Докторъ *(гордо и быстро ходитъ взадъ и впередъ, всѣ слѣдуютъ за нимъ. Наконецъ онъ останавливается).* Мы учредимъ акціонерную компанію, причемъ половину паевъ вы уступите мнѣ безплатно, какъ учредителю! Золото посыплется въ наши карманы, городъ разрастется во сто разъ, мы всѣ разбо-

гатѣемъ. Намъ будутъ завидовать большіе ближайшіе города. О, небо и земля!

Булочникъ. Не больны ли вы сами, докторъ, вы меня начинаете пугать.

Владѣл. ваннъ. Говорите, что вы сочинили?

Докторъ. Это будетъ пока наша тайна...! Я беру, дорогіе сограждане, слово, что никто никому не проговорится о томъ, что онъ здѣсь услышитъ! Никто никогда не покусится на присвоеніе моего открытія! Клянитесь!

Всѣ. Клянемся! Ну, не мучайте, говорите!

Докторъ. Вы поставите дѣйствительно мнѣ монументъ... Я уже воображаю себя въ бронзѣ, украшающимъ площадь Свиданія Друзей!

Всѣ. Онъ шутитъ! намъ не до смѣху!

Докторъ. Я шучу! Граждане! я не шучу. Слушайте внимательно!

Всѣ. Не мучьте! не глумитесь!

Докторъ. О, что я сдѣлаю! О, что я тутъ создамъ! Вы всѣ скажете, что я великій строитель.

Булочникъ. Вы насъ дурачите!

Докторъ. Навострите уши! Знаете ли вы, господа, Козій ручей на окрайнѣ города, куда прежде, до устройства бассейна, многіе ѣздили за водой!

Хоз. перв. магаз. Да кто же не знаетъ Козій ручей! Но въ чемъ дѣло-то?

Докторъ. А вотъ въ этомъ Козьемъ ручьѣ мы найдемъ милліоны. Вотъ гдѣ зарыта собака!

Булочникъ. Если вы помѣшались, то не думайте, что и мы сумасшедшіе.

Докторъ. Всѣхъ великихъ людей, всѣхъ геніевъ считали сумасшедшими!..

Хоз. гостин. Онъ считаетъ себя великимъ человѣкомъ! Ха, ха, ха!

Докторъ. Мысль моя зрѣетъ, растетъ и такъ велика, что даже плохо укладывается въ головѣ. Мало,

мало мѣста для нея здѣсь! *(Бьетъ себя по головѣ).* Ей нуженъ просторъ... это—орлиная мысль.

Всѣ. Говорите или мы не станемъ васъ слушать. Довольно глумленія!..

Докторъ. О, люди! О, человѣчество! вотъ твое отношеніе къ собрату, который становится выше толпы.

Булочникъ. Не дурачьте насъ, чортъ васъ возьми!

Докторъ. Награда благодѣтелю! Слушайте... Козій ручей и Козью рѣчонку въ лѣсу я превращу въ замѣчательные минеральные источники, исцѣляющіе отъ всѣхъ болѣзней...

Всѣ. Какъ же вы это сдѣлаете? вѣдь вода-то въ нихъ самая обыкновенная, простая?..

Докторъ. И вотъ эту самую обыкновенную простую воду будетъ пить весь міръ! цѣлый свѣтъ! Мы будемъ отправлять во всѣ концы свѣта милліарды бутылокъ, откроемъ стеклянные заводы, построимъ сотни гостиницъ для тѣхъ, кто пріѣдетъ пить эту воду сюда, въ нашъ городъ! Устроимъ казино съ театрами, игорными залами, концертами...

Хоз. гостин. Да вѣдь вода-то не минеральная! Что же вы будете подмѣшивать въ нее что-нибудь?

Докторъ. Я докажу, что это первоклассные легкіе щелочные источники! Я найду такихъ врачей и паціентовъ, которые предъ цѣлымъ міромъ засвидѣтельствуютъ безконечную пользу отъ этой воды, ея вліяніе на организмъ человѣка. Граждане...

Булочникъ. А вѣдь это не глупо! Онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ геніаленъ.

Докторъ *(бьетъ себя въ грудь).* Граждане, неужели вы не знаете, что на свѣтѣ много такихъ минеральныхъ водъ, которыя ничѣмъ не отличаются отъ нашей простой воды! Ихъ пьютъ, ими лѣчутся отъ всѣхъ рѣшительно болѣзней, за нихъ благословляютъ

ученыхъ! Насъ не только соединятъ рельсами со всей Европой, но выстроятъ богатѣйшій вокзалъ, къ которому будутъ подходить спеціальные поѣзда съ ваго-нами-ресторанами. Высокіе персоны, знаменитости цѣлаго свѣта будутъ считать за удовольствіе провести здѣсь мѣсяцъ, попитъ простой воды и поправиться. Ваши восточныя ванны я объявлю минеральными, вы наживете милліоны. Идите, идите, господа, и объявляйте о великомъ открытіи! Не скупитесь на телеграммы, телеграфируйте всюду объ открытіи доктора Кики. Да благословитъ его человѣчество.

Булочникъ. Это было бы чудомъ.

Аптекарь. Я открылъ бы пять аптекъ, дабы предупредить конкурентовъ.

Хоз. гостин. А если узнаютъ, что вода наша—простая вода!

Докторъ. Я произведу анализы! Мы закажемъ еще анализы европейскимъ врачамъ, заплатимъ имъ и вы увидите, какой успѣхъ насъ ожидаетъ.

Хоз. перв. магаз. Что вы думаете лѣчить этой водой—печень, желудокъ?..

Докторъ. Глаза, голосовыя связки, лѣчить отъ ревматизмовъ, падагры... Нѣтъ болѣзней, которыя не поддадутся силѣ Козьихъ водъ.

Голоса. А что, если удастся! Торопитесь, мысль какъ будто замѣчательная.

Докторъ. Да не какъ будто, а на самомъ дѣлѣ.

Булочникъ. Я не разъ бывалъ за границей, пивалъ воды, которыя не отличишь отъ простой!

Докторъ. Это и навело меня на идею эксплуатаціи новѣйшихъ источниковъ. Разстрѣляйте меня, граждане, если люди не будутъ благодарить насъ и не сознаютъ пользы новой воды.

Хоз. перв. магаз. Я начинаю вѣрить въ осуществленіе этого выгоднаго дѣла.

Докторъ. За бутылку самой простой воды мы будемъ взимать марку, франкъ или полтинникъ! Представьте себѣ этотъ процентъ пользы! Мы создадимъ изъ маленькаго оазиса городъ, цвѣтущій, большой городъ!

Хоз. гостин. Хоть бы что-нибудь найти въ этой водѣ!

Докторъ. Я найду радіактивную почву! Ну что, господа? Что вы скажете! дурачу я васъ, или нѣтъ?

Аптекарь. Мы будемъ дурачить всѣхъ!

Докторъ. Дѣло въ режимѣ, а не въ водѣ. Пейте какую вамъ угодно воду, но вставайте рано утромъ, ходите по десять верстъ въ день и соблюдайте строгую діэту! Итакъ, господа, мы наканунѣ обогащенія!..

Всѣ. Пустая вещь, а никому въ голову не приходила!

Докторъ. Все геніальное прежде всего просто и несложно!

Всѣ. Да здравствуетъ докторъ Кики! Ура!

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

На сценѣ мракъ. Пролетѣло пятнадцать лѣтъ. Докторъ Кики у себя въ роскошномъ кабинетѣ принимаетъ паціентовъ. Онъ немного посѣдѣлъ).

Дама средн. лѣтъ *(входя)*. Профессоръ! Вы мнѣ назначили быть у васъ сегодня.

Докторъ. Какъ ваше самочувствіе, сударыня? какъ печеночка? не колетъ больше? *(Предлагаетъ сѣсть)*.

Дама средн. лѣтъ. Мнѣ лучше! Я пила три стакана 2-го источника Козьихъ водъ.

Докторъ. Я вамъ говорилъ, какъ рукой сниметъ! Продолжайте.

Дама средн. лѣтъ *(потупя глаза)*. Профессоръ!

Докторъ Вы имѣете что-нибудь спросить у меня?

Дама средн. лѣтъ *(оглядываясь)*. Насъ никто не слышитъ?

Докторъ. Сударыня, будьте спокойны: то, что здѣсь говорится, составляетъ великую профессіональную тайну врача.

Дама средн. лѣтъ. Профессоръ... Ахъ, право, это такъ неловко, я конфужусь.

Докторъ. Предъ докторомъ, сударыня, тайнъ не должно быть!

Дама средн. лѣть. Я замужемъ, профессоръ! Я обожаю дѣтей, мой мужъ тоже!..

Докторъ. И что-же?

Дама средн. лѣтъ. И у насъ ихъ нѣтъ!

Докторъ Ахъ, это пустяки! вы бы желали, чтобы у васъ были дѣтки?

Дама средн. лѣтъ. Да! я страшно люблю дѣтей.

Докторъ. Совершенные пустяки! вы сколько стакановъ 2-го источника пьете?

Дама средн. лѣтъ. Три стакана...

Докторъ. Пейте шесть и результаты обнаружатся сами!

Дама средн. лѣтъ *(вскрикиваетъ)*. Неужели!

Докторъ. Тысяча примѣровъ говорятъ о томъ.

Дама средн. лѣтъ. О подобной цѣлебности Козьихъ водъ я не думала!

Докторъ. Чудеса!

Дама средн. лѣтъ. Я бы желала, чтобы у меня былъ кудрявый мальчикъ!

Докторъ. Мальчикъ! Тогда пейте семь стакановъ въ день того-же источника.

Дама средн. лѣтъ. Мерси, мерси! Какъ удивительны тайны природы. *(Она уходитъ)*.

Докторъ. То ли еще, сударыня, бываетъ! *(Записываетъ, по уходѣ ея, въ книжку)*. Третья консультація. *(Смотря въ дверь)*. Разъ двадцать придешь!

Дама помоложе. Профессоръ!

Докторъ. Прошу садиться. Довольны-ли вы нашими водами, сударыня?

Дама помоложе. У меня колетъ подъ ложечкой!

Докторъ. Такъ и слѣдуетъ! естественная реакція.

Дама помоложе. Я пью два стакана 4-го источника.

Докторъ. Съ завтрашняго дня вы начнете пить по три стакана.

Дама помоложе. Вчера, по ошибкѣ, я выпила стаканъ 3-го источника.

Докторъ. Боже васъ упаси! что вы, что вы! надѣлаете себѣ бѣдъ.

Дама помоложе. Профессоръ!

Докторъ. Что прикажете?

Дама помоложе. У меня совершенно интимное обстоятельство. Я замужемъ, профессоръ.

Докторъ *(въ сторону)*. И эта тоже!

Дама помоложе. Право, я краснѣю...

Докторъ. Предъ мужемъ науки, сударыня, это совершенно лишнее. Я умѣю хранить тайну!

Дама помоложе. У меня семь человѣкъ дѣтей!

Докторъ. Признаюсь, никогда бы не повѣрилъ.

Дама помоложе. Я нахожу, что это достаточно!

Докторъ. Я тоже нахожу, что достаточно, даже немного слишкомъ!

Дама помоложе. Но какъ сдѣлать, чтобы это было достаточно?

Докторъ. Только и всего? Счастливъ, сударыня, что могу вамъ помочь. Семь человѣкъ—безусловно достаточно!

Дама помоложе. Профессоръ! Помогите!

Докторъ. Пейте вмѣсто двухъ кружекъ, шесть той же воды и вы убѣдитесь въ могучей силѣ Козьихъ водъ.

Дама помоложе Шесть кружекъ или стакановъ?

Докторъ. Можетъ быть, даже семь, но пока полдюжины. Кружка или стаканъ—это безразлично...

Дама помоложе. Благодарю васъ, профессоръ. Я лучше прямо начну пить по семи кружекъ.

Докторъ. Нѣтъ, этого вы безъ врача не дѣлайте, а то дѣйствіе можетъ обнаружиться совершенно противоположное!

Дама помоложе *(уходя)*. До чего дошла наука!

Докторъ *(прощаясь)*. Мы завоевываемъ ее не по днямъ, а по часамъ! *(По уходѣ записываетъ въ книжку)*. Не вѣрю глазамъ, какъ повезло!

Хромой адвок. *(входя)*. Привѣтъ великому больнеологу!

Докторъ. А! Ну, какъ вы себя чувствуете?

Хромой адвок. Эта первая недѣля меня что-то утомила.

Докторъ. Несомнѣнно, такъ оно и должно быть!.. Вы второй источникъ пьете?

Хромой адвок. По три стакана! Но вотъ бѣда—ходить не могу много! *(Указывая на ногу)*. Одна нога короче другой.

Докторъ *(глубокомысленно)*. Правая?

Хромой адвок. Правая.

Докторъ *(послѣ паузы)*. Надо ее удлинить!

Хромой адвок. *(удивленно смотритъ на доктора)*. Отъ рожденія!

Докторъ. Я вамъ не обѣщаю, что она за время одного курса удлинится вполнѣ, но она станетъ длиннѣе.

Хромой адвок. Вы говорите о сверхъестественномъ!

Докторъ. Ничуть! возьмите вы по шесть стаканоевъ 2-го источника. Повторяю вамъ, въ одинъ пріѣздъ вы полнаго успѣха не достигнете. Пріѣдете года три подъ рядъ и тогда я вамъ ручаюсь, что вы у насъ мазурку будете танцовать.

Хромой адвок. Профессоръ, да вы меня окрылили! неужели были примѣры? чѣмъ вы это объясняете?

Докторъ. Радій, радіактивная почва! наука еще не въ силахъ постичь вполнѣ эту силу!

Хромой адвок. Невѣроятно!

Докторъ. А чѣмъ вы объясняете, напримѣръ, такія явленія: у семидесятилѣтняго испанца, послѣ пятаго стакана 4-го источника Козьихъ водъ, начали прорѣзываться зубы! У меня есть его письмо, засвидѣтельствованное нотаріусомъ и дантистомъ.

Хромой адвок. Страшно подумать, но у меня вчера чесалась верхняя десна.

Докторъ. Возможно, что прорѣзывается зубокъ!

Ну, скажите, что это такое! Не правъ ли Шекспиръ, сказавшій, что на свѣтѣ много чудесъ, о которыхъ не смѣла думать наша мудрость.

Хромой адвок. Такъ шесть стакановъ! *(Въ сторону)*. Хвачу восемь! *(Вслухъ)*. Знаете, что, профессоръ... можетъ быть, это самовнушеніе, но мнѣ кажется, что короткая нога у меня и теперь ужъ стала длиннѣй!

Докторъ. Никогда не обнадеживаю, это мое правило.. потерпите!

Хромой адвок. *(удаляясь)*. Что бы сказала моя жена, если бы увидѣла меня на двухъ одинаковыхъ ногахъ!

Докторъ *(проводивъ его, опять записываетъ въ книжку)*. Всѣ паціенты отъ меня въ восторгѣ! Чего же еще желать.

Горбатый стар. Профессоръ, я сегодня кончаю курсъ и пришелъ разсчитаться съ вами.

Докторъ. Вы напрасно, ваше превосходительство, безпокоились, а, впрочемъ, счетъ, кажется, уже готовъ! Вотъ онъ! *(Докторъ подаетъ счетъ, горбатый старикъ платитъ)*. Рекомендую вамъ, ваше превосходительство, по возвращеніи на родину, пить три мѣсяца, какъ столовую воду, нашъ источникъ № 1.

Горбатый стар. По сколько стакановъ?

Докторъ. По сколько угодно! Это сравнительно слабый источникъ, такъ сказать, обыденный, питьевой... *(Докторъ пристально всматривается въ горбатаго старика. Пауза)*.

Горбатый стар. Что вы смотрите? Я похудѣлъ? Я сегодня вѣшался и потеря вѣса выразилась въ трехъ фунтахъ семи золотникахъ.

Докторъ *(продолжая смотрѣть)*. Или я ошибаюсь!

Горбатый стар. Да что такое?

Докторъ. Пожалуйте сюда! къ зеркалу. Вы ничего, ваше превосходительство, не замѣчаете?

Горбатый стар. Похудѣлъ!

Докторъ. Кто?

Горбатый стар. Я!

Докторъ. Не вы, а вашъ горбъ уменьшился!

Горбатый стар. *(надѣвая очки)*. Что вы говорите, профессоръ!.. *(Пауза)*. Дѣйствительно, измѣненіе какое-то есть.

Докторъ. И не какое-то, а значительное! Я сразу замѣтилъ. Вы третій источникъ пили! Это второй случай!..

Горбатый стар. Второй случай чего?

Докторъ. Непостижимаго испрямленія. Я васъ не отпущу! не отпущу, ваше превосходительство. Предлагаю вамъ пить по восемь стакановъ 3-го источника!

Горбатый стар. *(у зеркала)*. Вотъ ужъ подлинно не знаешь, гдѣ что найдешь. Я готовъ остаться еще на три недѣли. Воображаю удивленіе семьи и подчиненныхъ! Профессоръ, я васъ и ваши Козьи воды прославлю еще больше. Вы говорите, примѣръ былъ?

Докторъ. Не полный... но, однако, испрямленіе наполовину!

Горбатый стар. 15 стакановъ готовъ пить... До свиданья, я прикажу разложить снова мои вещи въ гостиницѣ. Непостижимо! Ахъ, да... профессоръ, я вчера простудился, у меня что-то горло побаливаетъ.

Докторъ. Выпейте стаканъ 4-го источника, какъ рукой сниметъ!

Горбатый стар. Такъ до свиданья. *(Уходя взглядываетъ въ зеркало)*. Т.-е. положительно сглаживается.

Докторъ *(одинъ)*. Убѣдилъ его вполнѣ! Чья очередь, прошу! *(Смотритъ въ дверь)*.

Молодой чел. *(заикаясь)*. Про... про... про...

Докторъ *(въ сторону)*. Точно хочетъ сказать прохвостъ!

Молодой чел. Профессоръ! Я за... за...

Докторъ. Вы Заза?

Молодой чел. Я за... за... за... икаюсь!

Докторъ. Нехорошо.

Молодой чел. Нне хохохо...

Докторъ. Не хохочете? Хотите хохотать?..

Молодой чел. Кто спе... пе... пе...

Докторъ. Кто спѣшитъ?

Молодой чел. Кто спе... пе... ціа... листъ за... за... за... заиканья!

Докторъ. Ахъ, вотъ что! *Попробуйте вы пить* по пять стакановъ источника № 4... но обязательно по утрамъ.

Молодой чел. По... по... по...

Докторъ. Побольше? Нельзя... Этакъ вы у насъ всю воду выпьете!

Молодой чел. По... по... поможетъ?

Докторъ. Не скрою отъ васъ, было нѣсколько случаевъ радикальнаго излѣченія. Когда будете пить, *поднимайте голову выше и послѣ каждаго глотка* старайтесь произносить сначала односложныя слова. Я почти убѣжденъ...

Молодой чел. Сколько?

Докторъ. Стакановъ?

Молодой чел. Нѣтъ... вамъ.

Докторъ. Навѣдайтесь еще раза два—три... Я хочу, ради науки, послѣдить за вами. Мнѣ кажется, что мы справимся съ этимъ пустымъ недостаткомъ. Козьи воды тутъ вполнѣ примѣнимы.

Молодой чел. Спа... па...

Докторъ. Спать хотите? или съ папой?

Молодой чел. Спапасибо!.. *(Жметъ руку).*

Докторъ. До свиданья. *(Молодой человѣкъ уходитъ. Докторъ разсматриваетъ монету).* Кажется, его превосходительство сунулъ мнѣ сегодня фальшивый золотой. Ну, да пустяки, сдамъ его кому-нибудь изъ

пацiентовъ сдачи. *(За дверью голоса. Докторъ почти со слезами говоритъ).* Могъ ли я мечтать о подобномъ счастьѣ! О подобномъ величайшемъ открытiи. Опять цѣлая комната пацiентовъ! Господа, очередь, соблюдайте очередь!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(На сценѣ мракъ. Проходитъ пятьдесятъ лѣтъ. Площадка сквера. Посрединѣ памятникъ доктору Кики, съ надписью: „Благодѣтелю человѣчества". Кики стоитъ на пьедесталѣ, скрестивъ руки на груди. Самое лучшее, если встанетъ актеръ, изображавшiй его. Около памятника самая разнообразная публика, нарядныя дамы, мужчины съ кружками черезъ плечо на ремешкахъ и пр. Оркестръ по близости играетъ вальсъ Штрауса).

Первый изъ толпы. Чей это памятникъ?

Второй изъ толпы Это величайшiй ученый прошлаго вѣка, открывшiй Козьи источники, докторъ Кики.

Первая дама *(лорнируя)*. Онъ былъ очень красивъ...

Вторая дама. Я купила вчера его бiографiю съ портретомъ. *(Докторъ Кики низко кланяется съ памятника, но такъ, что никто не замѣчаетъ).*

Первая дама. Вотъ охота! Впрочемъ, на водахъ покупаешь и читаешь всякую дрянь! *(Докторъ Кики на пьедесталѣ качаетъ головой).*

Третiй изъ толпы. Великiя заслуги человѣчеству оказалъ этотъ бронзовый мужъ.

Четвертый изъ толпы. Это былъ геній. А вѣдь по виду обыкновенный, простой смертный!

Докторъ *(съ пьедестала, громко)*. Господа, я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить! *(Общее смятенiе. Вальсъ Штрауса).*

Занавѣсъ.

ВАРІАНТЪ ТРЕТЬЕЙ КАРТИНЫ ВОЛШЕБНАГО СНА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ „ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОТКРЫТІЕ“.

(На сценѣ мракъ. Проходитъ пятьдесятъ лѣтъ. Площадка сквера. Посрединѣ памятникъ доктору Кики, съ надписью: „Благодѣтелю человѣчества“. Кики стоитъ на пьедесталѣ, скрестивъ руки на груди. Самое лучшее, если встанетъ актеръ, изображавшій его. Около памятника самая разнообразная публика, нарядныя дамы, мужчины съ кружками, висящими черезъ плечо на ремешкахъ и пр. Оркестръ по близости играетъ вальсъ Штрауса).

Первый изъ толпы. Чей это памятникъ?

Второй изъ толпы. Это величайшій ученый прошлаго вѣка, открывшій Козьи источники, докторъ Кики.

Первая дама *(лорнируя)*. Онъ былъ очень красивъ...

Вторая дама. Я купила вчера его біографію съ портретомъ.

Первая дама. Вотъ охота! Впрочемъ, на водахъ покупаешь и читаешь всякую дрянь.

Третій изъ толпы. Великія заслуги человѣчеству оказалъ этотъ бронзовый мужъ.

Четвертый изъ толпы. Это былъ геній. А вѣдь по виду обыкновенный человѣкъ, простой смертный! *(Смотря за кулисы)*. Что это, приближается какая-то процессія?

Третій изъ толпы. Очевидно, сегодня предстоитъ какое-нибудь торжество.

(Показываются два господина въ цилиндрахъ, съ вѣнками, направляющіеся къ памятнику. За ними слѣдуетъ еще нѣсколько лицъ. Толпа обступаетъ памятникъ).

Господинъ съ вѣнкомъ *(произноситъ рѣчь, обращая вниманіе присутствующихъ на фигуру Кики).*

Сегодняшній день, милостивые государи и милостивыя государыни, знаменательный день,—день рожденія того самаго ученаго, фигуру котораго вы видите на памятникѣ. Это былъ самоотверженный борецъ за науку, за блага человѣчества. Ежегодно мы собираемся около этого памятника въ день рожденія Кики, и, въ присутствіи дорогихъ гостей нашего города, чествуемъ его память. *(Трубные звуки, возлагаютъ вѣнокъ. Всѣ хлопаютъ и снимаютъ шляпы. Кики самодовольно улыбается).*

Второй господинъ съ вѣнкомъ. Отъ лица благодарныхъ врачей, практикующихъ на знаменитомъ курортѣ, я возлагаю вѣнокъ безсмертному! *(Вынимаетъ листъ бумаги и читаетъ).*

Вотъ онъ! изъ бронзы отлитой
Науки представитель, знанья,
Глядитъ на праздникъ славный свой,
Нѣмой свидѣтель ликованья.
Его заслуги не умрутъ:
Онѣ безсмертны и велики,—
Страницы славныя займутъ
Въ исторіи открытья Кики.

(Аплодисменты, крики «браво». Кики вынимаетъ платокъ изъ кармана и утираетъ слезы).

Голоса. Господа... Его Высокопревосходительство идетъ... разступитесь... Ваше Высокопревосходительство... имѣемъ честь... просимъ...

Сановникъ *(старецъ съ лентой черезъ плечо, направляется къ памятнику, останавливается, снимаетъ шляпу, кланяясь монументу. Кики не выдерживаетъ, вытягивается во фронтъ, снимаетъ шляпу и кланяется низко, прижимая руку къ сердцу. Общій ужасъ и удивленіе. Сановникъ, пораженный чудомъ, опускается на руки сосѣдей. Трубы).*

Занавѣсъ.

Въ пользу бѣдныхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Варвара Андреевна, устроительница благотворительнаго вечера.
Лавръ Петровичъ, ея секретарь.

Гостиная Варвары Андреевны.

Варвара Андреевна. Я въ восхищеніи, я въ восхищеніи, дорогой, золотой, прекрасный Лавръ Петровичъ! вашъ благотворительный вечеръ удался на славу. А кому мы обязаны? Кто работалъ больше всѣхъ? Вы, вы! *(Лавръ Петровичъ хочетъ возразить).* Да, именно вы! Энергичный, дѣятельный секретарь. Ну, говорите, какой былъ сборъ?

Лавръ Петровичъ. Всего собрали, Варвара Андреевна, тысячу двѣсти рублей.

Варвара Андреевна. Вы считаете сто рублей, которые прислалъ за кресло баронъ Бюхель?

Лавръ Петровичъ. Считаю эти сто рублей и тѣ 25 рублей, которые я буквально вырвалъ у Льва Ивановича за кресло 7-го ряда. Онъ расчитывалъ получить 15 рублей сдачи.

Варвара Андреевна. Онъ любитъ получать сдачи!

Лавръ Петровичъ. Три каменныхъ дома имѣетъ и скупъ невозможно. Скупость эту я объясняю его старостью. Старики всегда дѣлаются расчетливыми.

Варвара Андреевна. Я ненавижу людей расчетливыхъ, Лавръ Петровичъ! тѣмъ болѣе въ дѣлахъ

благотворительныхъ, гдѣ нужно сердце! Ахъ, какъ мало у насъ искренно добрыхъ сердецъ!

Лавръ Петровичъ. Весьма мало! и что еще возмутительнѣй это бѣгство, буквально бѣгство многихъ богатыхъ людей отъ билетовъ на благотворительные вечера, организуемые нами періодически. Какъ увидятъ меня—стараются не замѣчать или утекаютъ.

Варвара Андреевна. Даже мнѣ, дамѣ—отказываютъ въ просьбѣ купить билетъ. Приходится часто силой навязывать. Но у меня своя система—не проведешь! Я обыкновенно предлагаю билетъ, когда много свидѣтелей, когда уклониться отъ предложенія неловко. Въ этомъ случаѣ мужчины еще больше даютъ, если находятся въ дамскомъ обществѣ. Вы знаете Ерошевскаго?

Лавръ Петровичъ. Директора распорядителя страхового общества? Еще бы! Пѣшкомъ изъ экономіи ходитъ, а получаетъ до 70 тысячъ въ годъ.

Варвара Андреевна. Рубля не дастъ! Повѣсится отъ жадности. А я ему поднесла билетъ, когда онъ бесѣдовалъ послѣ завтрака у Горьбиной съ женой товарища министра. Покраснѣлъ, надулся, но старался улыбнуться и заплатилъ 25 рублей.

Лавръ Петровичъ. Такихъ надо умѣть атаковать.

Варвара Андреевна. Вотъ именно атаковать. Ахъ, какъ мало у насъ добрыхъ, отзывчивыхъ сердецъ!

Лавръ Петровичъ. Я никогда не предлагаю, Варвара Андреевна, билета, прежде чѣмъ не спрошу: «Вы гдѣ завтра проводите вечеръ? въ театрѣ?»—«Нѣтъ, дома», отвѣчаетъ онъ или она.—«Позвольте предложить вамъ билетъ на завтра».

Варвара Андреевна. Какъ вы находчивы, какъ находчивы! Предложи вы прямо билетъ, они сказали бы навѣрно, что ѣдутъ въ гости или въ театръ.

Лавръ Петровичъ. Отъ меня не уйдутъ. Я однажды на похоронахъ три билета продалъ, а почему, Варвара Андреевна? Потому что не ожидали! думали, что неумѣстно! А по-моему благотворительность не должна считаться ни съ какими условностями!

Варвара Андреевна. Совершенно вѣрно! Въ противномъ случаѣ мои бѣдные ходили бы безъ обѣда. *(Пауза)*. Итакъ, тысяча двѣсти!

Лавръ Петровичъ. И серебра рублей на семь.

Варвара Андреевна. Это какое же серебро?

Лавръ Петровичъ. Отъ продажи программъ, сверхсмѣтный остатокъ. Программы шли бойко.

Варвара Андреевна. Очень бойко! ну да вѣдь мы не церемонились, никого не пропускали и чуть силой не останавливали! Какой-то хамъ вздумалъ претендовать и я пропустила его, дабы онъ не былъ заразительнымъ примѣромъ для другихъ.

Лавръ Петровичъ. Не выношу хамства!

Варвара Андреевна. Я васъ понимаю! грубость, невоспитанность, неделикатность—и все изъ-за какого-нибудь двугривеннаго.

Лавръ Петровичъ. Тутъ важенъ принципъ, ради котораго люди работаютъ, ну, а гдѣ-жъ хаму съ принципами считаться.

Варвара Андреевна. Этакій господинъ займетъ мѣсто и будетъ у сосѣдей клянчить: «позвольте попросить программу»!

Лавръ Петровичъ. За границей подобные факты уклоненія отъ покупки программъ немыслимы.

Варвара Андреевна. Тамъ культура выше!

Лавръ Петровичъ. Еще бы, помилуйте! Ну, напримѣръ, во Франціи! тамъ по три программы каждый купитъ!

Варвара Андреевна. Шампанское сколько дало вчера?

Лавръ Петровичъ. Тутъ мы промахнулись съ вами, Варвара Андреевна. Каюсь—промахнулись.

Варвара Андреевна. Почему промахнулись?

Лавръ Петровичъ. Посадили въ кіоскѣ около дамъ Ипполита Петровича Сандуренко, а онъ не столько предлагалъ другимъ выпить, сколько самъ тянулъ! Положилъ рубль, а выпилъ бутылку.

Варвара Андреевна. Его никто къ шампанскому не сажалъ, я ему поручила контроль при входѣ, а онъ сѣлъ у шампанскаго. Хороша благотворительность!

Лавръ Петровичъ. Онъ бочку можетъ выпить... но ничего не подѣлаешь, вытащить его было трудно!

Варвара Андреевна. Что у него за значки на фракѣ? Похожи на ордена, а совсѣмъ не ордена.

Лавръ Петровичъ. Какіе-то жетоны! онъ всегда украшенъ, точно фокусникъ.

Варвара Андреевна. Ну, милый, золотой Лавръ Петровичъ, приступимъ къ нашей отчетности! я знаю, что у васъ все въ порядкѣ, есть оправдательные документы.

Лавръ Петровичъ. На каждую копейку.

Варвара Андреевна. Читайте! сначала расходы.

Лавръ Петровичъ. Расходы у насъ довольно большіе.

Варвара Андреевна. Странно, вѣдь всѣ участвовали безвозмездно!

Лавръ Петровичъ Побочные расходы велики, хотя ничего лишняго не истрачено.

Варвара Андреевна. Это вполнѣ естественно, безъ побочныхъ расходовъ нельзя же! Ну, приступимъ.

Лавръ Петровичъ *(перебирая счеты)*. Чай съ сандвичами, мадерой, хересомъ и печеньемъ на трехъ репетиціяхъ—150 рублей.

Варвара Андреевна. Совсѣмъ дешево! по 50 рублей репетиція, но вѣдь надо принять во вниманіе, какъ все было хорошо, прилично сервировано.

Лавръ Петровичъ. Сто сандвичей было со свѣжей икрой!

Варвара Андреевна. Вотъ именно и вы это отмѣтьте: со свѣжей икрой! вѣдь свѣжая икра очень дорога.

Лавръ Петровичъ. Я отмѣтилъ. Итакъ, чай—150 рублей. Залъ—150 рублей. Итого триста. Цвѣты артисткамъ—150 рублей.

Варввара Андреевна. Розы были чудесныя! гдѣ вы достали такія розы! Только вы, Лавръ Петровичъ, могли достать такія розы! „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!»

Лавръ Петровичъ. Значитъ 450 рублей. Два автомобиля для доставки и отправки участвовшихъ 50 р.

Варвара Андреевна. Отмѣтьте, что были взяты приличные автомобили, а не таксомоторы.

Лавръ Петровичъ. Покойные, приличные автомобили. Выходитъ 500 рублей.

Варвара Анреевна. Въ сущности, все это скромныя цифры и вполнѣ убѣдительныя.

Лавръ Петровичъ. Оправдательные документы налицо. Теперь роздано на чаи, куплено шампанское, печатаніе программъ, афишъ и пр. и пр. Пустяки—всего 150 рублей, а съ прежними 650 рублей.

Варвара Андреевна. 650 рублей! дешевле, конечно, и требовать нельзя. Есть еще что-нибудь?

Лавръ Петровичъ. Экстренній расходъ—разорвали нечаянно коверъ въ залѣ, пришлось заплатить 50 рублей.

Варвара Андреевна. Я была увѣрена, что съ насъ взыщутъ 100 рублей.

Лавръ Петровичъ. Я выторговалъ 50 рублей. Итого—700 рублей.

Варвара Андреевна. Вы умѣете всегда выторговать удивительно. Вы, Лавръ Петровичъ, практическій человѣкъ. Я не умѣю, рѣшительно не умѣю торговаться. Значитъ 700 рублей!

Лавръ Петровичъ. Позвольте... вотъ тутъ еще что-то, Варвара Андреевна... Ахъ, да... главное-то забыли... Ужинъ послѣ вечера... присутствовали нѣкоторые изъ участвовавшихъ и многіе изъ распорядителей и организаторовъ—115 рублей.

Варвара Андреевна. Разумѣется, сумма, если ознакомиться съ меню ужина, пустая...

Лавръ Петровичъ. А вина-то какія были, Варвара Андреевна, никто не скажетъ, что дешевыя...

Варвара Андреевна. Могутъ, пожалуй, упрекнуть, зачѣмъ заказывали стерлядокъ, отчего не судачковъ...

Лавръ Петровичъ. Отчего не корюшку? Не корюшкою же угощать, Варвара Андреевна?..

Варвара Андреевна. Только этого не доставало. Подать корюшку! Сколько всего-то выходитъ, Лавръ Петровичъ?

Лавръ Петровичъ. Пока 815 рублей. Предварительные расходы...

Варвара Андреевна. О предварительныхъ-то мы и забыли! Сколько ихъ тамъ?

Лавръ Петровичъ. Сто... сто десять... не больше... сто десять да плюсъ 815 рублей... 925 рублей... Военный оркестръ 60 рублей—985... Кажется и все! 985... Позвольте, позвольте, дай Богъ памяти... Прокатъ мебели для 2-хъ пьесокъ 15 рублей. Здѣсь такая мебель, что поневолѣ пришлось привезти приличную.

Варвара Андреевна. Здѣсь мебель жесткая...

Лавръ Петровичъ. 15 плюсъ 985... ровнехонько тысяча...

Варвара Петровна. Расходы всегда поглащаютъ доходы! Если бы не было этихъ расходовъ, бѣдные получили бы огромную сумму... Но что вы прикажете дѣлать?

Лавръ Петровичъ. Рѣшительно ничего не подѣлаешь. Тысяча! *(Вспоминаетъ)*. Да, позвольте, еще надо прибавить... хорошо что вспомнили... у меня даже не записано... сооруженіе двухъ павильоновъ и бутоньерки для продажи... Ну, это обойдется рублей въ 80... Тысяча восемьдесятъ... непредвидѣнные расходы рублей 25... тысяча сто пять... Больше ничего нѣтъ!

Варвара Андреевна. Значитъ тутъ все...

Лавръ Петровичъ. Безусловно!

Варвара Андреевна. Сколько же, Лавръ Петровичъ, останется въ пользу бѣдныхъ всего?

Лавръ Петровичъ. А вотъ извольте взять карандашекъ въ руки... Воловая доходность выразилась въ суммѣ 1105 рублей... Виноватъ, я упустилъ покупку марокъ благотворительнаго сбора... рублей 30... Итого 1135 рублей... Если ихъ вычесть изъ 1200, то въ пользу бѣдныхъ чистыхъ получится...

Варвара Андреевна. Это ужъ совсѣмъ чистыхъ?

Лавръ Петровичъ. Совершенно чистыхъ— 65 рублей.

Варвара Андреевна. А серебро-то?

Лавръ Петровичъ. Совершенно вѣрно, Варвара Андреевна, совершенно вѣрно... я сбился... 65 рублей, да мелочи рублей на 7...

Варвара Андреевна. Всего 72 рубля.

Лавръ Петровичъ. Около 72 рублей, потому что мелочь я считалъ на глазъ. Прикажете запротоколить, Варвара Андреевна?

Варвара Андреевна. Я боюсь, не мало-ли очень получится?

Лавръ Петровичъ. Въ благотворительномъ здоровомъ дѣлѣ каждая копейка, Варвара Андреевна, имѣетъ серьезное значеніе.

Варвара Андреевна. Лишь бы упрековъ не было, я не люблю упрековъ! Скажутъ, что ужинъ заказали роскошный.

Лавръ Петровичъ. Да кто скажетъ-то? всѣ, кто могли протестовать, были приглашены къ этому ужину и съ аппетитомъ ѣли и пили.

Варвара Андреевна. Вы удивительно предусмотрительны. Лавръ Петровичъ! А все-таки кое-что и мы собрали въ пользу бѣдныхъ... Жалѣю, что не набралось ста рублей...

Лавръ Петровичъ. Не свои же отдавать, Варвара Андреевна!

Варвара Андреевна. Конечно! результатъ все-таки налицо! Могло и ничего не остаться!

Занавѣсъ.

Опечатки.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 4	строка 17 св. я зепрещаю	я запрещаю
„ 9	„ 7 сн. ты будешъ	ты будешь
„ 11	„ 16 сн. сегоднешнее	сегодняшнее
„ 16	„ 11 сн. являеться	являться
„ 17	„ 6 сн. расположенае	расположеніе
„ 34	„ 5 св. показывнается	показывается
„ 39	„ 8 св. у васъ труппѣ	у васъ въ труппѣ
„ 44	„ 16 св. шекспировскемъ	шекспировскомъ
„ 54	„ 1 сн. знааешь	знаешь
„ 99	„ 15 сн. Цитаю?	Цитаю.
„ 99	„ 8 сн. многочиселнныя	многочисленныя
„ 113	„ 13 сн. проситъ	просить
„ 149	„ 15 св. Не тольло	Не только